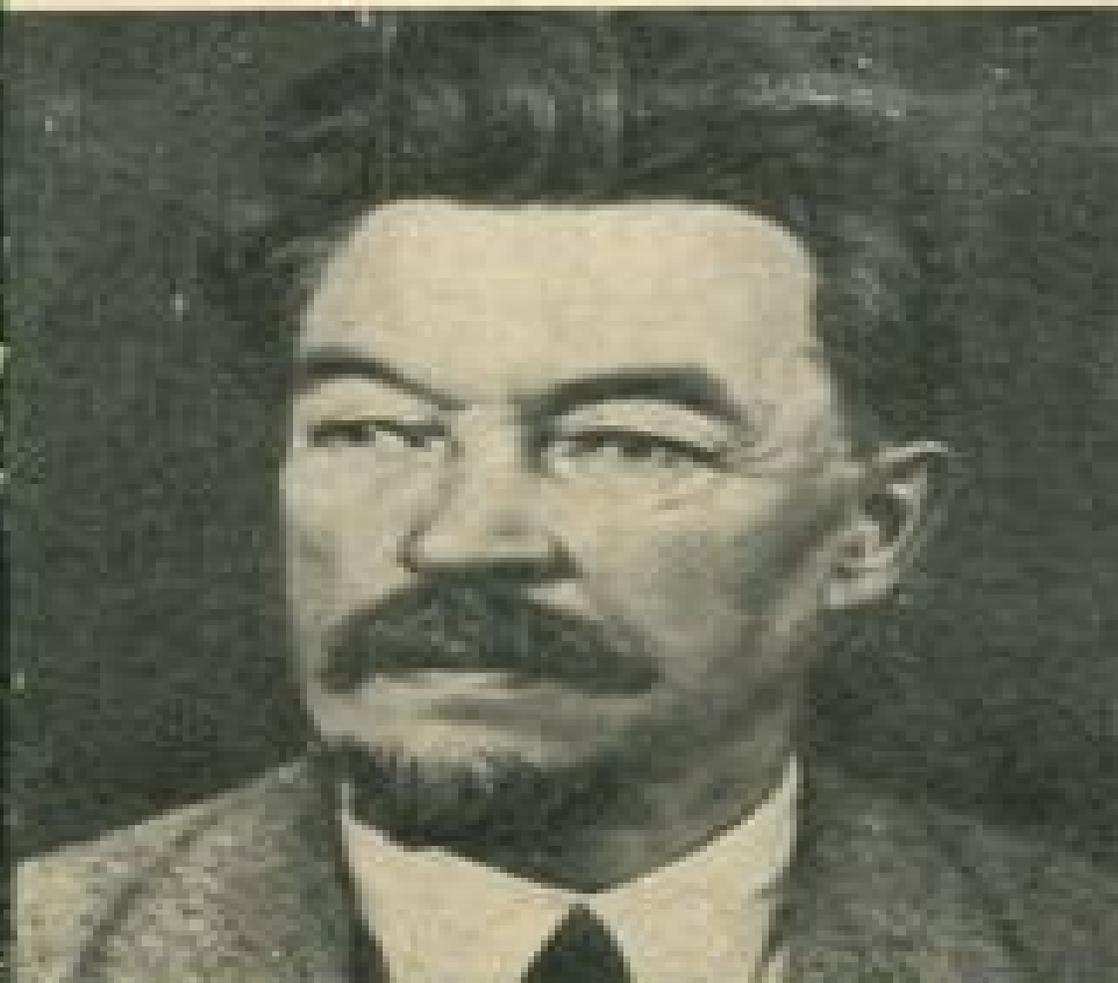

ШИШКОВ

Николай
Еселев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга Н. Еселева посвящена замечательному писателю и исследователю Сибири Вячеславу Яковлевичу Шишкову. Шишков — автор известного романа «Угрюм-река», перу писателя принадлежат повести «Ватага», «Пейпус-озеро» и др.

В увлекательной форме Н. Еселев, привлекая новые документы, рассказывает о необыкновенно интересной жизни и творчестве писателя.

- [Николай Еселев](#)
 -
 - [На земле тверской](#)
 - [Вторая родина](#)
 - [Символическая сказка «Кедр»](#)
 - [Сибирские повести и рассказы](#)
 - [Наставник и друг писателей Сибири](#)
 - [С котомкой за плечами](#)
 - [По пути к «Угрюм-реке»](#)
 - [«„Человеческая теплота“ его души...»](#)
 - [«Угрюм-река»](#)
 - [По трудному пути](#)
 - [Тяжкая беда и светлая радость](#)
 - [Историческая эпопея «Емельян Пугачев»](#)
 - [Язык Шишкова](#)
 - [Боец и патриот](#)
 - [Даты жизни и творчества Вячеслава Яковлевича Шишкова](#)
 - [Краткая библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

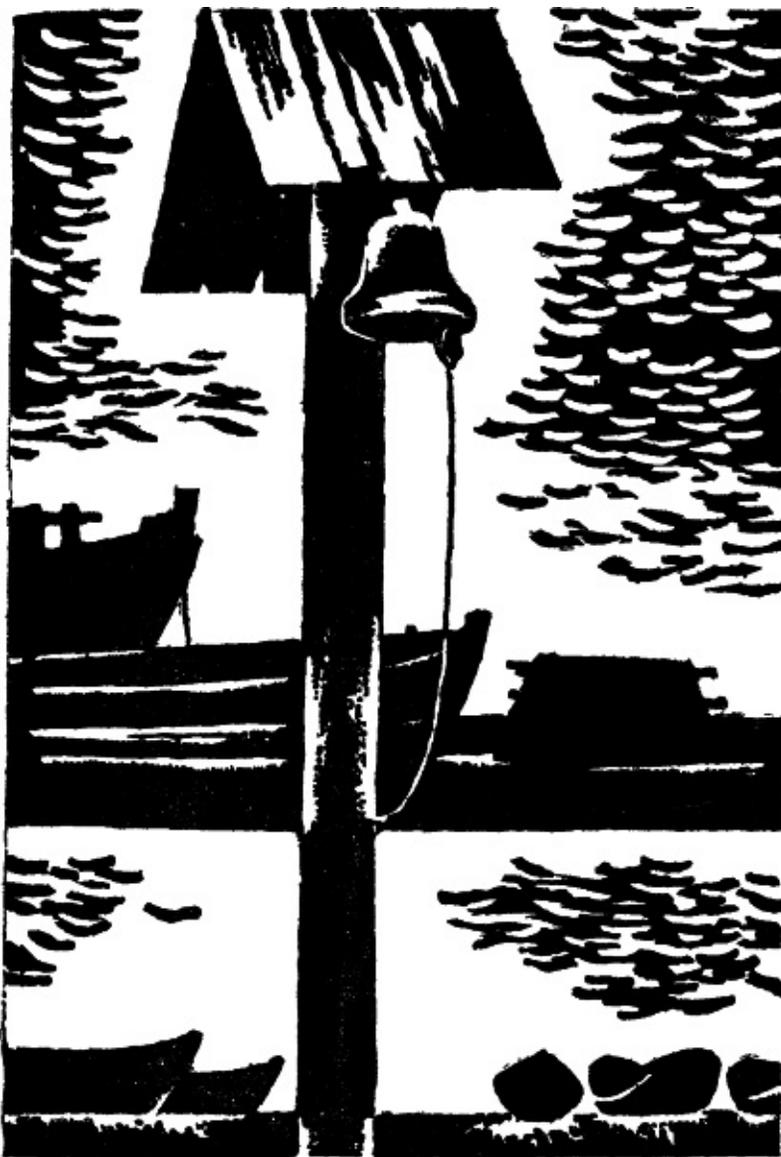

**Николай Еселев
Шишков**

Gen. Shishkov

На земле тверской

Обильно одарила природа красотами тверскую землю. Вас всегда пленяют и очаровывают ее неповторимые пейзажи: многочисленные реки, несущие свои прозрачные воды в матушку-Волгу; более пятисот озер смотрят в небо своими голубыми глазами; бесчисленные дубравы и перелески, расшитые полевыми цветами луга, сосновые леса и березовые рощи. И хочется представить совсем юного Вячеслава Шишкова на тверской земле.

В 1973 году исполняется сто лет, как на берегах широкой Мологи, в небольшом тогда старинном городке Бежецке родился Вячеслав Шишков.

Здесь и прошло его детство, отрочество и юность. Все виденное и пережитое на Верхневолжье отозвалось впоследствии в многочисленных рассказах, повестях и романах писателя.

«Мои дед со стороны отца, — пишет Вячеслав Шишков в автобиографии, — помещик Бежецкого уезда Дмитрий Алексеевич Шишков, а бабушка — его крепостная крестьянка села „Шишковой Дубровы“ Елизавета Даниловна. Мой отец Яков Дмитриевич жил в избушке своей бабушки, грамоте учил его дьячок и священник. Он с малых лет был привезен в город и отдан в „мальчики“ к гостинодворцу, купцу Первухину».

Отмаявшись пять лет, Яков Дмитриевич уехал от Первухина в Петербург, где проработал пятнадцать лет — сначала приказчиком, а потом стал и управляющим магазином в Апраксином дворе. На закате своей жизни старик Первухин пишет Якову Дмитриевичу письмо и вызывает его в Бежецк. «Вот, Яков, — сказал ему Иван Иванович Первухин, — выбирай любую из трех моих дочерей, женись, бери лавку, дом и торгуй, как хозяин, а я скоро умру».

Яков Дмитриевич выбрал младшую дочь купца Екатерину Ивановну. Тесть действительно вскоре умер. Наследство он оставил незавидное: деревянный старый дом на Воздвиженской улице и лавку с «красным» товаром в Гостином дворе.

Когда-то в молодости помещик Дмитрий Шишков полюбил красавицу певунью, крепостную крестьянку Елизавету и прижил с ней сына и дочь. Но через несколько лет по требованию матери женился на дочери богатой помещицы. Оскорбленная Елизавета вместе с детьми ушла от Дмитрия.

Помещик все же сохранил какие-то чувства к своим детям. Он дал им свою фамилию а впоследствии, когда у его сына Якова пришли в упадок торговые дела, оказал ему помощь.

Семья у Якова Шишкова была большая. Кроме Вячеслава, еще два сына и две дочери. Зимой вместе с ними жили Елизавета Даниловна и близкие родственники Екатерины Ивановны.

«Я рос в городе, — пишет в автобиографии Вячеслав Шишков. — Летом же уезжал в деревню к бабушке, где и прогацивал до поздней осени. Я очень любил бабушку и любил деревню. „Дуброва“ расположена среди высоких холмов, покрытых густым хвойным лесом. Почти каждый день мы с товарищами ходили в лес, в горы, по грибы, по ягоды. Товарищами моими были крестьянские парнишки, два попovichа (Алексей и Николай Морковины) и сын дьячка.

Жилось весело, шумно, и осень, когда нужно было ехать в город,

всегда встречалась слезами.

Избушка бабушки маленькая, покривившаяся, вросшая двумя окошками в землю, но она до сих пор живет в моей памяти как светлая сказка».

В этой избушке ютилась и Анна Даниловна, сестра бабушки, по характеру сварливая старуха, но Вячеслава и она любила не меньше родной бабушки. Анна Даниловна мыла его в печке (бани не было), растирала мальчонку свежим веником, «окачивала водой с причетом и заклинаниями от нечистой силы». Запомнился маленькому Вячеславу и брат бабушки Никита Данилович, «высокий, лысый, широкобородый старик... Он был широкоплеч и силен, говорил густым басом; осенью он брал меня с собой в ригу, где всю ночь мы с детворой пекли картошку, веселились и слушали его сказки».

Недалеко от бабушкиного дома раскинулась дедушкина помещичья усадьба. Но там был чужой мир. Бабушка не пускала туда маленького Вячеслава и сама избегала встреч с обитателями усадьбы.

Вот что рассказывает об этом двоюродная сестра Вячеслава Яковлевича Раиса Яковлевна Шведова: «Иногда бабушка водила нас на озеро купаться. Дорога проходила через поля, засеянные рожью. Случалось несколько раз, что в это самое время едет Шишков. Бабушка увидит издали и сейчас же скажет нам: „Дети, посмотрите, какие хорошие васильки, пойдемте нарвем!“ И уведет нас с дороги в рожь. Вероятно, ей не хотелось, ей тяжело было с ним встречаться...»^[1]

Своим добрым и отзывчивым сердцем маленький Вячеслав вскоре, видно, почувствовал какую-то недобрую загадку во взаимоотношениях своей любимой бабушки с дедом, а затем, конечно, и понял горестный смысл нанесенной ей злой обиды, и это еще более сблизило его с бабушкой.

«Как-то раз, — вспоминает Раиса Яковлевна Шведова, — Вячеслав спрашивает бабушку:

— Бабушка, а ты была молодая?

— Да неужели, милый, каждый человек бывает молодой...

— А ты красивая была? Неужели ты плясала?

— Ох, родной, еще как плясала. Бывало, к Дмитрию Алексеевичу наедет гостей-то — два зала полных. Нас позовут петь. Поем разные песни, а потом „Метелицу“ или „По улице мостовой“... Я как взмахну платочком да пойду, так господа-то в ладошки да кричать: браво-браво!.. А Дмитрий Алексеевич стоит да усмехается...»^[2]

Грустно умолкала Елизавета Даниловна. В такие минуты запечалются, бывало, и внуки... Росла их привязанность и любовь к старому домику, к доброй бабушке. Много душевного тепла вложила она в душу своего внука...

Елизавета Даниловна — одна из тех милых и умных русских бабушек, которые всю свою житейскую мудрость, нежность, доброту отдавали без остатка внучатам. Эти русские женщины были для них первыми духовными наставниками, защитниками от людских обид, незаменимыми воспитателями, открывавшими ребенку целый мир великолепных сказок с их чистым, образным русским языком, добрыми и мужественными героями.

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:
Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.
Слушаю я сказку, —
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет.
Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит, —
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.
И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я...

И невольно вспоминаются эти замечательные стихи, написанные Иваном Захаровичем Суриковым, когда речь заходит о сказках.

Елизавета Даниловна Данилова была незаурядной женщиной.

Несмотря на сложную, безрадостную, исковерканную жизнь, ее сердце было открыто людям, бабушка постоянно о ком-то заботилась, что-то

делала, хлопотала. Красивый душевно человек, она оказывала благотворное влияние на окружающих. Вячеслав Яковлевич вспоминал всегда о бабушке с глубокой признательностью.

Со своим дедом Дмитрием Шишковым, небогатым помещиком, штаб-ротмистром в отставке, Вячеслав Яковлевич встречался всего три раза. «Первый раз, когда со сверстниками-мальчишками возвращался из лесу. Старик на беговухках ехал в лес. „Барин, барин едет!“ — закричали мальчишки и бросились отворять ворота. „Вячеслав, это ты?“ — старик поцеловал меня, потрепал по щеке и дал яблоко.

Второй раз он призвал меня темным осенним вечером. Он жил тогда в отдельном от барского дома обширном флигеле в большом яблоневоm саду. Я учился в первом классе технического училища. Просидели за чаем до полночи в живой беседе о предстоящей мне жизни. „Все инженеры и техники — взяточники. Ты не будь таким. Коли твой отец осрамил меня на весь уезд своим пьянством, то хоть ты-то...“ Я защищал отца, называя его честным, хорошим, и уж не таким пьяницей, как это кажется со стороны. Старик сказал: „В пьянстве можно утопить всякий талант, всякий порыв души“.

Третий раз — незадолго до смерти старика. Я, по его поручению, составлял проект часовни на кладбище. Старик был очень болен. Я собирался тогда ехать на строительную практику в Сибирь, где производились изыскания Сибирского пути. Он резко запротестовал: „Там тебя комары съедят, медведи задерут“. И дал мне прочесть статьи „Нового времени“ об ужасах жизни изыскательских партий в Сибири».

Немного впечатлений, событий, связанных с дедушкой, осталось в памяти Вячеслава Шишкова. Правда, от крестьян внук узнал, что Дмитрий Алексеевич был вроде бы и неплохим человеком, с крепостными обращался хорошо, видимо, безразличное отношение к Елизавете Даниловне и ее детям объяснялось тем, что с течением времени они стали для него как бы далекими, бедными родственниками.

К Якову Дмитриевичу и Екатерине Ивановне Вячеслав и его брат Алексей относились с уважением и любовью. Отец, по словам Алексея, был заметным и видным мужчиной. «Высокого роста, широкогрудый, с темными русыми густыми волосами и русой бородой. Мать роста ниже среднего, крепкого телосложения. У нее были русые волосы, большие темные глаза...

Мамаша окончила четыре класса начальной школы — писала неважно, читала сносно, но исключительно жития святых.

Отец прошел большую жизненную школу, прожив „в людях“ с десяти

до двадцати пяти лет... Природа наделила его живым, пытливым умом, он был общительным, сметливым человеком..»

От Елизаветы Даниловны Яков Дмитриевич унаследовал любовь к музыке. Мальчиком он выучился хорошо петь. В бытность приказчиком в Петербурге он с увлечением посещал Мариинский театр, ему нравились «Аскольдова могила» и «Жизнь за царя». Пел из этих опер некоторые арии. Особое пристрастие у Якова Дмитриевича было к охоте, «он всегда держал несколько породистых собак и много ружей. Большой любитель природы, — пишет Вячеслав Шишков, — он часто брал меня с собой на охоту. Эти радостные поездки, всегда дававшие массу впечатлений, запомнились мне с детства. В Бежецке стояли запасные эскадроны — лейб-гусарский и лейб-уланский. Офицеры любили покутить, свели компанию с отцом, ездили с ним на охоту, бывали у нас в гостях. Такое знакомство очень льстило отцу: князь Хованский, барон Стандершельд, красавец поручик Панютин и другие; мать же проливала слезы: отец торговлю забросил, стал попивать, приказчики тащили товар всяк себе, лавка пустела. В конечном счете, когда эскадроны из Бежецка перевели, уехали и офицеры, задолжав отцу порядочную сумму. Дело покачнулось окончательно: из Москвы и Петербурга приехали доверенные фирм, где отец кредитовался, грозили приступить к описи имущества.

Дважды присылаемая стариком Шишковым денежная крупная помощь не спасла положения; отец рассчитался до копейки со своими долгами и торговлю прекратил. Наша семья, превратившись в семью мещан, стала бедствовать».

Екатерина Ивановна — незаметная, скромная, много работала, вставала с зарей и ложилась позже всех, ведь забот хватало. Была гостеприимной и доброй женщиной. Старшего своего сына «Вестеньку (так ласкательно называли в семье Вячеслава Шишкова. — *Н. Е.*) любила безгранично».

Кончилось беззаботное детство.

Сперва семилетнего Вячеслава вместе с двоюродной сестренкой Раей поместили в пансион, где учились дети местных купцов. Но через год из-за материальной стесненности он поступил в первый класс Бежецкого городского училища. В этом училище, по свидетельству Алексея Шишкова, был хороший преподавательский состав. Выделялись учителя русского языка и литературы Арсений Петрович Павлов и Александр Федорович Неустроев.

Жилось Шишковым трудно. Во время учения Вячеслава в городском

училище стало еще тяжелее. «Мы помещались в четырех комнатах верхнего этажа, — вспоминал Вячеслав Яковлевич. — Братьев и сестер у меня было очень много. Родилась Вера — умерла. Родилась другая девчонка, названная в честь первой — Верой, — умерла. Родилась третья Вера — умерла. Тогда решили, что это имя роковое, четвертую девочку назвали Антониной — тоже умерла. Теперь в живых, кроме меня, две сестры, два брата; я — старший. Жила с нами слепая старуха Федосья Ивановна, дальняя родственница матери. Очень богомольная. Она в молодости хаживала по святым местам, была в Киеве, у Троице-Сергия и, кроме сказок, рассказывала мне весьма образно и задушевно про свои путешествия, про жития святых. Это повлияло на мое воображение, и я решил сделаться святым, в крайнем же случае — священником или архиереем.

Частенько я накидывал на плечи скатерть, на голову надевал из картона камилавку и служил молебен в присутствии всех домочадцев, причем кричал на них, чтобы они молились, сам же работал за попа, за дьякона и хор. Иногда хоронил по православному обряду мертвых птичек, лягушек...

Лет семи я обвенчался с кухаркой, краснощекой Матреной, брак был по любви, венчание происходило на дворе, в весенний праздничный день. Мне очень трудно было поспевать и за жениха, и за попа, невеста покатывалась от хохота, хохотала мать из окна, смеялся и муж Матрены — наш приказчик. Обручальное медное кольцо у меня на второй день запухло на пальце, приказчик распиливал напильником, отец хотел меня драть, но заступились бабушка и мать. Второй раз отец обругал меня и замахнулся арапником, когда я, уже лет тринадцати, заявил о своем желании уйти в монастырь спасать душу».

Любознательный мальчуган жадно слушал Елизавету Даниловну и Федосью Ивановну, ему нравились всевозможные «случаи из жизни», о которых рассказывал добродушный крестный Никонор Лукьянович или же родственник Алексей Егорович — большой шутник и балагур. Все это сейчас же вызывало быструю ответную реакцию. Наглядевшись на рисунки Миши Куликова, служившего у Шишковых «мальчиком», Вячеслав начал неплохо рисовать. Несмотря на то, что в доме не очень-то почитали книги, он с особым рвением начал покупать их за счет сбереженных денег, что выдавались ему на школьные завтраки. В третьем классе городского училища он стал самым усердным читателем школьной библиотеки. С увлечением читал Гоголя, Тургенева, Помяловского... В семье не велись разговоры о писателях, литературе. Да и сам Вячеслав не особенно-то

задумывался над тем, как пишутся книги. «... И вдруг, — сообщает писатель в автобиографии, — каким-то необъяснимым чудом меня потянуло писать».

«Первая работа „Волчье логово“ — повесть из разбойничьей жизни, вторая — описание крестьянских „посиделок“ (бесед) с плясками и песнями. Обе штучки были написаны мною в возрасте одиннадцати-двенадцати лет.

Когда я был в пятом классе городского училища, помню, учитель словесности А. П. Павлов прочел вслух мою классную работу — „Утро в деревне“ — и поставил пять. С тех пор, вплоть до самого зрелого возраста, я литературой не занимался, и мне не приходило в голову, что я буду писателем...»

На первых же уроках пения у Вячеслава выявился хороший голос, неплохой слух. Ему предложили поступить в соборный хор, где он через некоторое время сделался даже солистом и пел до окончания городского училища.

«Вестенька неоднократно устраивал спектакли, — рассказывает Алексей, — зрителями которых были все домашние. Он наряжался самым разнообразным способом, гримировался, наклеивал бороду, усы... Чаше всего он изображал несчастного старика, старуху, потерявших внуков и детей. Иногда изображал попа, монахов и т. д. Рассказывал трогательные истории. Случалось, плакал. Тогда зрители плакали. Мы, ребята, плохо усваивали содержание пьесы, но представления нам очень нравились»^[3].

Если к этим забавам прибавить еще и еженедельный журнальчик на двух-трех листочках из школьной тетради, в котором помещались стихи, рассказы, сказки, иногда им же и сочиненные, с иллюстрациями, нарисованными самим издателем, то сложится картина определенных, ярко выраженных увлечений юного Вячеслава Шишкова. В училище он легче всего усваивал русский язык и литературу, у него была тяга к рисованию, к пению, к «лицедейству». К этому нужно также добавить любовь к природе — дальние походы в леса, когда он охотился с отцом, слушал его увлекательные рассказы об охотниках и охотничьих историях. Казалось бы, Вячеславу Шишкову предназначен единственный путь — путь в мир искусства и литературы.

Обладая от природы отличным голосом, он мог бы, развивая его, стать незаурядным певцом или сделаться драматическим актером. Наконец, совершенствуя свои способности, уже в юные годы мог бы посвятить себя литературному труду.

Но все сложилось вопреки проявлявшимся наклонностям. И на

долгие-долгие годы Шишкову был уготован иной удел.

В 1887 году он с отличием закончил городское училище и в 1888 году поступил в Вышневолоцкое техническое строительное училище с пятилетним сроком обучения, из которых два года отводились строительной практике. В этом училище преподавали арифметику, геометрию, физику, механику, топографию, черчение строительное и геодезическое, инженерное и строительное дело, составление смет, межевые законы, проектирование гражданских и гидротехнических сооружений; много времени отводилось работам в мастерских — столярной, кузнечной и слесарной. Училище выпускало хорошо подготовленных специалистов, занимающихся разведкой водных и строительством шоссейных путей.

Ученье в Вышневолоцком училище вполне устраивало родителей Вячеслава, так как в семье Шишковых «наступила настоящая бедность, временами, по словам Алексея Шишкова, матушке нечем было кормить ребят». Родители не могли помогать своему старшему сыну. Заниматься в училище он мог только потому, что там выплачивали стипендию и предоставляли общежитие. Программа обучения была весьма обширной и напряженной. Занятия начинались в восемь часов утра и продолжались до часу дня. После обеденного перерыва до шести часов работали в мастерских или в чертежной. Кроме того, задавались уроки на дом. Дисциплина была полувойсковая, порядки строгие. Редко теперь приходилось Вячеславу Шишкову читать книги любимых писателей, гулять в окрестных лесах, кататься на коньках. Все время уходило на занятия.

Незаурядные, разносторонние способности, внутренняя собранность, старательность и трудолюбие, которыми отличался Вячеслав Яковлевич, вскоре проявились и в техническом училище в овладении точными науками, хотя к ним у юного Шишкова и не было особого влечения. Своим поведением, своим добрым и веселым нравом Вячеслав Яковлевич быстро завоевал любовь товарищей и уважение преподавателей.

«В училище, — пишет Алексей, — долго помнили брата. Позднее, когда я учился в этом же училище, преподаватели, и особенно начальник училища инженер Шереметинский и Опекаловский (смотритель общежития. — *Н. Е.*), вспоминали Вячеслава, отзывались о нем как о человеке высоких достоинств. Шереметинский говорил мне: „Прекрасный, редких способностей человек, с хорошим, добрым сердцем, такие редко встречаются в жизни, старайся походить на брата“».

Материалы, хранящиеся в архивном отделе исполнительного комитета Калининского областного Совета депутатов трудящихся, о Вышневолоцком

училище, и пребывании в нем Вячеслава Шишкова подтверждают все вышесказанное.

По представлению начальника училища учебный отдел Министерства путей сообщения утвердил Вячеслава Шишкова «казенным стипендиатом». Ему выплачивалось 120 рублей в год, или 10 рублей ежемесячно.

За успешное окончание теоретического курса училища Шишков был «удостоен награды II степени с выдачей похвального листа».

В характеристике выпускников, отвечающей на вопрос «К какой работе более способен?», о Шишкове сообщается: к «строительному искусству, черчению, съемке, нивелировке, накладке и иллюминовке планов».

В связи с назначением окончивших училище на практику в специальном рапорте в правление Вышневолоцкого округа путей сообщения начальник училища пишет: «Чсть имею покорнейше просить правление округа удовлетворить назначенного в его распоряжение ученика-практиканта Вячеслава Шишкова следующим ему жалованьем с 15 сентября по 30 руб. в месяц и прогонными деньгами на проезд до места назначения на Березанский бешлот, без получения таковых практикант Шишков, как человек бедный, не может отправиться к месту его назначения».

Характеризуя училище и его выпускников, инженер Шереметинский в своих заметках «О деятельности Вышневолоцкого училища кондукторов путей сообщения за время с 1-го сентября 1883 года по 1-е сентября 1893 года» (десятилетие со дня основания училища. — Н. Е.), между прочим, писал:

«Училищу кондукторов, с первого своего выпуска кондукторов путей сообщения в 1888 году удалось дать инженерной службе техников совершенно особого, неизвестного до сих пор типа; помимо приобретенных в училище знаний, тип этот характеризуется особыми важными в служебном отношении личными свойствами молодых людей, оканчивающих курс в этом училище. Приученные к дисциплине, порядку и труду, они в большинстве случаев не боятся никакой работы, скромны и нетребовательны в жизни».

Министерство путей сообщения покровительствовало училищу. Его дважды посетил сам министр — К. Н. Посьет, «который выказал училищу весьма лестное для него внимание и, ознакомившись с училищем во всех подробностях, остался весьма доволен как постановкою учебного дела, так и внешним видом и выправкою учеников».

О качестве подготовки специалистов и их практической работы

свидетельствует и такой факт: «...в мае 1892 года Учебный отдел предписал училищу подготовить коллекцию образцов работ учеников по ремеслам и графическим искусствам для всемирной выставки в Чикаго. И согласно с этим предписанием в начале января 1893 года были отправлены в учебный отдел для дальнейшего следования в Чикаго образцы работ учеников, а также краткие сведения об училище».

К своей семье Вячеслав Яковлевич относился с большим вниманием как во время пребывания в Вышнем Волочке, так и впоследствии. Он часто посылал домой письма, сообщал о своих успехах. Постигшие семью невзгоды вскоре отрезвили отца Шишкова. Уже в первый год ученья Вячеслава в Вышнем Волочке отец преодолел страсть к алкоголю и до конца своей жизни не пил вина. Приезд сына-студента на каникулы был семейным событием. Исчезала скука, которая царила в доме, когда отсутствовал старший сын.

«В первый же приезд, — пишет Алексей, — он решил подготовить к празднику концерт. Певцами были сам Вестенька и мы, малыши.

Длинными зимними вечерами Вестенька читал для нас. Читать он любил, и читал хорошо. Чтение обыкновенно начиналось за вечерним чаем. Стол устанавливался у теплой печки, собиралась вся семья. Такие литературные вечера всем нам очень нравились.

Летние каникулы брат обыкновенно проводил в Дуброве. Но осенью этого года (1888 года. — *Н. Е.*) умерла его любимая бабушка Елизавета Даниловна и связь с Дубровой оборвалась». Через два года после смерти бабушки не стало и деда — Дмитрия Шишкова. После его кончины неоткуда было ждать помощи. Пришлось Вячеславу разделять заботы о семье вместе с отцом, который, разорившись, снова работал приказчиком.

В семнадцать лет Вячеслав Яковлевич закончил третий курс Вышневолоцкого технического училища. В 1890 году его направляют на производственную строительную двухлетнюю практику в Новгородскую губернию. Получивший редкую специальность, молодой, энергичный Вячеслав Шишков участвует в постройке каменной Березайской плотины, затем переходит на работы в Опеченский посад, откуда после почти двухлетнего пребывания переезжает в Вологду, в Вычегодский округ путей сообщения. И на практике Шишков зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Он быстро сходилась с людьми, читал молодым рабочим книги, делился с ними своими знаниями.

Обширные знакомства, участие в деревенских посиделках и вечеринках наталкивают Шишкова на мысль завести записную книжку и

заносить в нее разные любопытные истории, выражения, отдельные слова, почерпнутые в разговорах с рабочими и деревенскими жителями. Об одной такой истории он рассказывает в автобиографии. Она интересна и в какой-то мере характеризует душевный настрой самого Шишкова.

«Должен отметить свое путешествие на казенном пароходе с Иваном Кронштадтским (Сергиевым) из Вологды в село Суру, что на реке Пинеге, родину о. Ивана. Дело было так: из Министерства путей сообщения пришел приказ предоставить пароход в распоряжение Ивана Кронштадтского для его следования на родину.

Чтобы как-нибудь оформить этот незаконный огромный пробег парохода, мой начальник командировал меня якобы для маршрутной съемки реки Пинеге. С Иваном Кронштадтским мне пришлось пробыть вместе две недели, — ежедневно сходились в кают-компании за столом. Свита его: фанатично преданная ему пожилая горбунья из Ярославля, надоевшая всем нам, а больше всего о. Ивану; его племянник — корявый, рыжебородый, крепко сложенный человек, не дурак выпить, темный делец, извлекавший большую для себя выгоду именем своего дяди; иеромонах Геннадий, тучный тунядец, обжора: „Меня сам отец Иоанн благословил мясо есть“, — и еще три молодых студента Духовной Академии. Иван Кронштадтский держался очень просто, ханжества в нем я тогда не замечал. С Архангельска, когда к нам присоединился молодой архиерей, обеды приняли оживленный характер; архиерей забавлял нас потешными анекдотами из духовной жизни, о. Иван с укором говорил: „Сразу видно, что вы, владыка, светский человек“. Купцы, при проводах Ивана Кронштадтского из Архангельска, пожертвовали много вина — о. Иван выпивал с нами две-три рюмки хересу. В то время ему было лет шестьдесят пять, сухощавый, прямой, румяный, всегда взволнованный и нервный. Я тогда был по-юношески религиозно настроен, жаждал чуда, но чуда не было.

На всем тысячеверстном пути выходили на берег массы крестьян, кричали идущему пароходу: „Отец Иван, благослови!“ На стоянках, где брали дрова, он шел в сплошную гущу народа, раздавал деньги; мужики и в особенности бабы хватили его за рясу, он иногда спасался бегством.

К селу Суре, конечному пункту путешествия, весь берег был усыпан народом. Народ бросился в воду, по пояс, по горло; капитан растерялся:

„Под колеса попадете, под плицы!.. — И команда в машину: — Стоп!“

Мужичьи бороды всплыли; парод, захлебываясь, кричал: „Давай чалки! Мы на себе!.. Ох ты, кормилец наш!..“ О. Иван, как узнал много лет спустя, принес землякам, помимо своей воли, большой вред. Он платил за

все село подати, помогая деньгами. Мужики забросили землю, стали повально пьянствовать; когда же благодетель помер, они оказались в крайней нищете: земля запущена, инвентарь поломан, скот съеден, пропит».

Эти строки, написанные лет тридцать пять спустя после совершившихся событий уже сложившимся писателем, воспроизводят правдивую, безрадостную картину русской жизни, религиозный фанатизм темных, забитых крестьян, лицемерие и ханжество всего окружения Ивана Кронштадтского. Сейчас этот эпизод вызывает лишь горькую улыбку. Но тогда все это воспринималось по-другому. Поездка с человеком, которого считали святым, произвела большое впечатление и на молодого Вячеслава Шишкова.

«И я, — пишет далее в автобиографии Шишков, — когда попал на ремонт плотины „Знаменитой“ (возле Кубенского озера Вологодской губернии), занялся спасением народа. Из скудного своего жалованья я покупал беднякам сапоги. Как-то старик рабочий стал корить меня: „Что ж ты ему, пьянице, дал, он все равно пропьет... Лучше дай мне, у меня грыжа“.

Меня печаловала деревенская грязь, свара, бедность, взаимная ненависть, пьянство, я решил заняться проповедью. В свободное от работы время, глубокими вечерами и праздниками, я ходил по окрестным деревням, собирал народ в избы и поучал от евангелия. Бабы плакали. Слава моя крепла. Старуха Дарья, черная, большеголовая, страшная, заявила мне, что она порченная — кричит петухом, а как станет на молитву — начинает ругать Христа и угодников, — не могу ли я выгнать из нее беса? Я сказал, что это нервы, надо лечиться, бесов нет и что я вообще чудес не признаю. Мое апостольство закончилось большим для меня конфузом: я влюбился в красивую молодую бабу, притом же замужнюю. Тут я понял, что праведником в девятнадцать лет быть очень трудно».

Мимолетное увлечение проповеднической деятельностью вскоре опять сменилось заботами о доме, о дальнейшей, после производственной практики, работе.

В Вологде у Вячеслава Шишкова появляется желание поехать в далекую Сибирь, в Томский округ путей сообщения.

После окончания практики Вячеславу Яковлевичу было присвоено «звание техника». Он вернулся домой возмужалым, окрепшим. Этот приезд был прощальным. Надо было из родного гнезда отправляться в далекий и неведомый путь. Всегда трудно и грустно расставаться с тем, что впиталось в твое сознание с самого раннего детства. И этот дом, где начинал ходить,

познавать окружающий мир, где тебе знаком каждый уголок, каждый предмет будит в твоей памяти какие-то воспоминания; и эта улица, где ты не раз проходил, встречался с друзьями, и эта река, по песчаным берегам которой ты бегал босиком в жаркие июльские дни; и эти теплые заводы, где скапливались на солнце маленькие рыбки и, завидя тебя, молниеносно устремлялись в темную глубь...

Вот сельцо Дуброва, маленький покосившийся домик бабушки Елизаветы Даниловны. Как все это было мило детскому сердцу, как вкусен был черный хлеб с парным молоком, а еще вкуснее красная и пахучая лесная земляника... И там «святая» сосна, увешанная какими-то изображениями и распятиями... А вот и песчаная дорога, ведущая на гору, поросшую золотыми вековыми соснами, а вот и «двух озер лазурные равнины».

Грустно и безрадостно было на душе...

В дом Шишковых заходили красивые девушки — дочери богатого бежецкого купца Сергея Смирнова. Они познакомились с Вячеславом. Матери Вячеслава Яковлевича нравилась младшая — Лиза. Родители стали поговаривать о женитьбе Вячеслава, втайне надеясь на то, что любимый сын останется жить в Бежецке.

Но он объявил коротко и внятно, что «пока жениться не собирается...».

«В этот приезд, — пишет Алексей, — Вестенька уже не был таким веселым и беззаботным, как раньше. По-видимому, расставаться с родными было тяжело, Вестенька прожил у нас больше двух недель. Матушка и отец грустили, отпуская любимого сына в далекую неведомую Сибирь. Вестенька утешал нас, как умел, — говорил, что в Сибири скоро будет закончена постройка железной дороги и сообщение будет хорошее, что Томск большой университетский город, что жалованья там он будет получать много больше и помогать будет больше».

Дальнейший путь Вячеслава Шишкова определялся и романтическим увлечением, желанием изведать новую страну, испытать свою судьбу в далеких от родного дома местах, и заботой о семье, о постоянной и существенной помощи родителям, младшим братьям и сестрам.

Но что ждет его в Сибири, в Томске? Как-то сложится жизнь?

Эти мысли не покидали Вячеслава. Однако решение его было твердым. Он запасся шубой, покрытой сукном, шапкой-ушанкой, то есть подготовился к отъезду всерьез.

В самих сборах, в его обращении с родными, которые, конечно, обрадовались бы тому, если бы их сын остался дома, в его спокойствии

чувствовался волевой и настойчивый характер молодого Шишкова. Он был уверен в своих действиях, надеялся на свои силы, на свои знания, которые приобрел в техническом училище и закрепил на производственной практике.

Всем существом, всем сердцем Вячеслав Шишков рвался теперь в неведомое, в таинственный край, которому суждено было стать для него второй родиной!

Вторая родина

Юности свойственны иной раз и горячность, и опрометчивые поступки. «Простим горячке юных лет и юный жар, и юный бред».

Вячеслав успешно окончил училище, вздумал было идти в монастырь, но, к счастью, увлекся работой на практике; затем вдруг захотел стать проповедником и тут же влюбился в замужнюю женщину... Согласись он жениться на дочке купца Смирнова — и перед ним открылась бы перспектива обеспеченной, спокойной жизни в кругу семьи... Но этого не случилось. Женитьба была отвергнута Вячеславом Шишковым. Иные чувства руководили им. И как ни странно, он был более рассудочен, по-

житейски мудр, спокоен, тверд, нежели легкомыслен и горяч.

Мы знаем уже, что судьба отнюдь не баловала Вячеслава Шишкова. В его жизни было немного радостных и безработных лет. После окончания городского училища его ожидали трудовые, суровые будни, и только на самого себя мог положиться Шишков, если хотел достичь какого-то положения в обществе. Но при этом ни на минуту нельзя было забывать, что ты кормилец большой семьи. Не потому ли на столь долгое время затаились где-то в глубинах души первые порывы сочинительства, искрометные вспышки лукавого юмора — все то, что так многообещающе проявилось в детстве.

Такое впечатление складывается, когда прослеживаешь вышневолоцкий период жизни Вячеслава Шишкова. То же самое нужно сказать и о последующих, сибирских годах, вплоть до появления в печати его первого произведения — «Кедр».

Но многозначительно и очень важно одно обстоятельство в жизни Вячеслава Шишкова. На практике, когда он столкнулся с рабочими и крестьянами, когда познакомился с их образной и яркой речью, у него появилась записная книжечка, куда со свойственной ему аккуратностью Шишков заносил наиболее меткие, наиболее, на его взгляд, нужные выражения и слова. С этими записными книжками он прошел и проехал Сибирь. Они, разумеется, не были случайностью...

В конце 1894 года Вячеслав Шишков, которому исполнился двадцать один год, уехал в Сибирь и поступил на службу в Томский округ путей сообщения. Томск, основанный казаками в 1604 году, ко времени приезда Шишкова был довольно крупным (50 тысяч жителей) городом Западной Сибири. Расположенный на перекрестках сухопутных и водных путей, Томск с 1804 года становится губернским центром. В 1888 году здесь был открыт университет, в 1900-м Технологический институт, существовало также несколько средних учебных заведений, выходило четыре газеты. С постройкой Великой сибирской магистрали и после соединения с ней Томска железнодорожной веткой культурное и экономическое значение города значительно возросло. В железнодорожных мастерских трудилось несколько сот рабочих. В 1894 году среди студентов образовался первый марксистский кружок, а через два года печатники создали рабочую социал-демократическую группу. Томск по сравнению с уездным Бежецком выглядел огромным городом — большие каменные здания, широкие улицы, богатые магазины, многоводная и широкая река Томь, по которой ходили пароходы. В Томске было много образованных, деятельных и отважных

людей, привычных к суровому сибирскому образу жизни. Недаром же томичи тех времен, гордясь городом, именовали его «Афинами Сибири».

Томск растил Вячеслава, ширил и углублял его познания.

«Моя служба первые два-три года, — пишет Вячеслав Шишков, — была малоинтересная, кабинетная, зато личная жизнь получала иное направление. Я сдружился со студенческим кружком, часто посещал сходки, тайные вечеринки с рефератами, диспутами, словесной прёй с.-д. и с.-р. и, конечно, с выпивкой. Политика меня мало интересовала, но жизнь молодежи была мне по душе, я с рвением собирал деньги по запретным подписным листам на нужды революции. Много читал. Женился на курсистке Анне Ивановне Ашловой, прожил с ней менее двух лет и разошелся».

В первые годы Вячеслав Шишков жил в семье учителя словесности Томской гимназии П. М. Вяткина, любившего литературу и горячо сочувствовавшего устремлениям передовой молодежи.

«Из приказа по Томскому округу путей сообщения № 2 от 4 ноября 1895 года видно, что Шишков занимал сперва в управлении округа незначительное положение: „Канцелярскому служителю департамента шоссейных и водных сообщений“, командированному для занятий в управление Томского округа путей сообщения, кондуктору путей сообщения, Вячеславу Шишкову, получающему жалованье по трудам и заслугам, назначается с первого сего ноября жалование по семидесяти пяти (75) рублей в месяц»^[4].

Инженеров и техников собирали в Томский округ путей сообщения не для канцелярской работы. Этой деятельностью тяготились, видимо, многие молодые специалисты. Не по душе она была и Вячеславу Шишкову. Строительство Великой сибирской магистрали дало огромный толчок, вызвало оживление в торговле и промышленности. Вместе с железной дорогой прокладывались шоссейные дороги, приобретали важное экономическое значение водные пути, которых так много в Западной Сибири. Но для того, чтобы плавание по рекам было успешным и безопасным, их надобно было изучить, промерить глубины и отмели, построить причалы. Чтобы проложить шоссейный тракт, необходимо было провести огромную подготовительную работу, составить технически грамотные проекты.

Однако молодому технику Вячеславу Шишкову на первых порах следовало потрудиться и в качестве «канцелярского служащего» для того, чтобы ознакомиться с материалами, добытыми действовавшими до него изыскательскими партиями, прежде чем самому начать ответственную и

многотрудную работу изыскателя. Через два года службы он наконец был утвержден техником управления округа с годовым окладом в 1200 рублей. Этой суммы вполне хватало не только ему самому: теперь он мог оказывать значительную помощь семье, оставшейся в Бежецке.

Как техник, Вячеслав Шишков много ездит по сибирским просторам, встречается с бывалыми людьми, с которыми знакомится у костра, в плывущей по бурной реке лодке — благодаря этим знакомствам, при совместном преодолении трудностей выявлялись и проходили суровые испытания основные человеческие качества.

Все свое время Шишков отдает служебной деятельности. Два года он как простой техник входит в состав партии, исследовавшей великую сибирскую реку Обь. Эта работа увлекла Вячеслава. Она явилась и стимулом для дальнейшего совершенствования в выбранной специальности и для самообразования. Возвращаясь из очередной экспедиции, Вячеслав Яковлевич каждый раз обращается к книгам. Он усиленно занимается, так как хочет сдать экзамены и получить право на самостоятельную работу.

К концу 1900 года Вячеслав Шишков успешно выдержал строжайшие испытания. Он теперь мог проводить инженерные работы, возглавлять экспедиционные партии Томского округа путей сообщения. Рубеж двух столетий стал для Шишкова рубежом далеких, опасных и трудных, но вместе с тем и захватывающих путешествий. С ранней весны и до поздней осени в течение почти полутора десятков лет Вячеславу Шишкову пришлось совершать ежегодные экспедиции по рекам Иртышу, Оби, Бии, Катунь, Енисею, Чулыму, Лене, Нижней Тунгуске и Ангаре.

Экспедиции под руководством Вячеслава Яковлевича преодолели тысячи и тысячи верст по огромной малонаселенной Западной и Восточной Сибири и по Горному Алтаю.

Условия для работы исследовательских партий того времени существенным образом отличались от тех условий, в которых действуют подобные партии в наше время. Разумеется, ни самолетами, ни вертолетами, ни моторными лодками, ни катерами экспедиции тогда не располагали. По рекам плыли на больших лодках-шитиках, гребли веслами, отталкивались шестами; по тайге передвигались на оленях или лошадях, а то и пешком, с тяжело нагруженными заплечными мешками за спиной.

Обычно исследовательские партии, возглавляемые Вячеславом Шишковым, насчитывали от 20 до 30 человек. Помимо геодезистов и гидрогеологов, нанимались, конечно, и разнорабочие. Часто к себе в экспедиции Вячеслав Яковлевич приглашал политических ссыльных,

облегчая этим самым их тяжелую участь.

Исследовательская работа таких экспедиций имела большое государственное значение. Изучалось не только состояние рек, экспедиции также изыскивали места, наиболее удобные для соединения сибирских рек каналами: Оби с Енисеем, Енисея через реку Нижнюю Тунгуску с Леной.

Из многих чрезвычайно важных экспедиций, в которых участвовал Шишков, необходимо особо выделить одну — по обследованию водораздела между Леной и Нижней Тунгуской.

Шишков и его сравнительно небольшая по численности партия должны были решить сложную и ответственную задачу. Обширнейшая горно-таежная область вниз по течению Нижней Тунгуски была почти не исследована. Отчеты и воспоминания об этом походе, написанные самим землепроходцем-писателем, нет смысла пересказывать своими словами:

«Ранней весной памятного для меня 1911 года выехал во главе экспедиции на реку Лену, в село Чечуйское (под Киренском). Экспедиция обследовала по трем вариантам водораздел между Леной и Нижней Тунгуской для выяснения вопроса о соединении обеих рек каналом. Работа была мучительная: тучи болотных комаров отравляли жизнь, лица у всех вспухли, у одного рабочего совершенно затекли глаза.

В конце мая перебрались на Нижнюю Тунгуску, в д. Подволочную... Пополнив сформированную в Томске партию несколькими местными крестьянами и насушив пудов полтора сухарей, мы поплыли вниз на двух приспособленных для жилья и геодезических работ шитиках. Цель экспедиции: произвести полуинструментальную съемку и промеры для выяснения условий судоходства на всем протяжении этой реки (2500 верст), до впадения в Енисей, где в середине сентября нас должен ждать казенный пароход. К сожалению, расчеты наши не оправдались, вместо четырех месяцев мы застряли на восемь и едва не погибли. Условия жизни были каторжные, работа опасна, но экспедиция дала мне житейский опыт и богатейший бытовой материал, и я очень благодарен за нее судьбе...»

Да, эта экспедиция имела огромное значение для творческой деятельности Вячеслава Яковлевича. Из-за отдаленности, оторванности этого края от культурных центров здесь сохранилось многое от петровских времен, так как первые поселенцы появились, «когда Петр царем служил». Со свойственной ему любознательностью изучал Шишков уклад и нравы местных жителей, много фотографировал и заносил все интересное в записные книжки. Тогда Вячеславу Яковлевичу удалось записать 87 старинных и проголосных^[5] песен и былин, которые были изданы в 1912

году Иркутским географическим обществом. Вячеслав Шишков встретился с политическими ссыльными, с тунгусами Сенкичей и Гирманчей, образы которых впоследствии запечатлел в своих очерках и рассказах. Наконец, Нижняя Тунгуска трансформируется позднее под пером писателя в Угрюм-реку. И что в высшей степени примечательно, Шишков впервые столкнулся с этим названием, слушая проголосную песню, которая так и начиналась — «Уж ты, матушка, Угрюм-река...».

Однако дадим вновь слово самому Вячеславу Яковлевичу:

«...Где-то поблизости от реки был таежный пожар — тайга иногда пылает на сто, на двести верст, — мы двигались в сплошном дыму, и солнце казалось низким, красным. В половине августа мы приплыли в последний населенный пункт Ербогачен. Дальше, на расстоянии 1800 верст, — полнейшее безлюдье и совершенно неведомая по своему характеру река; она стала широкой, очень мелкой, порожиистой. Крестьяне потребовали расчет, ушел и лоцман Фарков: „Лучше дома умереть, чем плыть в такую погибель. И вам, дружки, не советую: скоро холода пойдут, каюк вам будет“».

Предостережения лоцмана Фаркова не испугали Вячеслава Шишкова и его товарищей. Желание произвести промер реки, обследовать прилегающие к ней места, пройти неизведанными землями, увидеть своими глазами тайгу — что могло быть увлекательней для Вячеслава Яковлевича! Экспедиция на шитиках двинулась дальше, к устью Нижней Тунгуски, к Енисею, на встречу с казенным пароходом. Теперь в этом пустынном крае изыскатели остались одни — им неоткуда было ждать помощи. Экспедиции предстояло преодолеть еще почти две тысячи километров...

«...Река то бешено мчала нас по неизвестному фарватеру, шитики со всего маху ударялись о подводные камни, с риском проломить дно и затонуть, то вдруг от берега до берега поток воды преграждался огромной песчаной мелью: шитики тогда разгружались, груз перетаскивался берегом версты за две, к глубокому плесу, затем все, раздевшись, волокли на себе оба шитика, прогребая... борозду среди камней и гальки. Было холодно, мы коченели, но греться у костра некогда, сразу в весла, в путь. Подул сильный встречный ветер, шитики тянуло назад. Ломались весла, трещали шесты, которыми мы отталкивались, и после каторжной работы мы за целый день продвинулись вниз по течению сажень на сто. Ветер дул целую неделю, мы не подались вперед и на версту. Когда утихла погода, разбились на два дежурства по пять человек, и, совершенно прекратив геодезические работы, мы плыли день и ночь, не причаливая к берегу и работая до

кровяных мозолей. Становилось все холоднее. В туманных сумерках встретили грохочущий порог, в нем камни лежали, как киты, вода кипела. Нас втянуло туда насильно, и до сих пор не понимаю, как мы остались живы. Случайно увидели на берегу старого тунгуса, очень обрадовались, но он сказал: „Худой твоя дело... Сдохнешь. Надо весна ждать, большой вода“. Мы теряли мужество. 4 сентября выпал снег, вода у закрайков замерзла, шитики обледенели. А впереди полторы тысячи самых трудных верст. Назад же вернуться немыслимо.

На стремнинах шитики летели быстро, мы в крайнем напряжении следили за беляками, чтоб не разбиться вдребезги о камни. Ночами не спали, плыли среди мрака неизвестно куда; наконец, измучившись, иззлюбившись, мы причалили к берегу и провели ночь в мертвецком сне. К утру шитики вмерзли, и все тихое плесо было покрыто тонким льдом. С проклятием пробивались через лед версты две до быстрого плеса...»

Шитики Вячеслава Шишкова, плывущие по угрюмой и дикой Тунгуске, в какой-то степени напоминают нам кочи первых русских землепроходцев Василия Пояркова и Ерофея Хабарова, которые так же плыли по сибирским и дальневосточным рекам, обследовали и открывали новые земли. Их походы были еще более трудными, их подвиги остались в веках.

Отрывки из воспоминаний Вячеслава Яковлевича Шишкова мы столь подробно приводим для того, чтобы читатель мог представить себе те невероятные испытания, которые претерпевали и давние русские землепроходцы в неизведанной Сибири, и один из славных преемников и продолжателей дела этих людей, имя которому — Вячеслав Шишков. Слишком глубоко врезался этот, едва гибелью не закончившийся поход в сердце, в память, в творчество писателя.

«Раннее утро. До восхода солнца еще добрый час. В дощатой каюте шитика — сажень в длину, сажень в ширину — нас четверо, спим, как в берлоге, тесно.

Закуриваю трубку. Темно, но сквозь щели в потолке и стенах прокрадывается рассвет. Холодно. Неохота подыматься из согретого телом гнезда. Тихо. Лишь похрапывают товарищи, да на палубе кто-то из рабочих ворочается и стонет.

Лежу с открытыми глазами, думаю. Думы мои мрачные. Слышу:

— Степан, вставать пора.

— Рано.

— Я заколел. Надо костер разжечь.

— Спи.

Молчание.

Мы одни среди этого безлюдья и надвигающегося приполярного холода.

От последнего жилого места мы отплыли почти на тысячу верст. Нервы наши напряжены, душа истомлена. А плыть вперед, до Енисея, где есть люди и откуда мы можем выбраться на божий свет, по крайней мере месяц. Но мы б добрались. Мы привыкли к опасностям, закалены в борьбе. И вдруг этот ранний, в первых числах сентября мороз и снег... Если обмерзнем здесь, никто не узнает о том — кругом ни души, — никто не придет к нам на помощь. Ну что ж! Судьба...

...Стеклянная застывшая тишина, неподвижность. Иду вдоль косы. На пороше замечаю, следы. Всматриваюсь: сохатый шел, лось с сохатенком, а рядом — оленьи следы. Значит, близко стойбища тунгусов. Это хорошо, это очень хорошо. Живые люди! Я бесконечно рад.

Иду дальше. Восток все светлеет. Вижу четкие отпечатки лебединых следов: птицы шли табуном от реки к зеленому берегу, где спелый горошек. Останавливаюсь.

А, вот и они. Вскидываю вверх голову, ищу в выси белый, розовеющий под зарю бисер: раз, два, три, четыре — много. И смотрю им вслед тоскующими глазами, смотрю на юг, в ту сторону, где ждут меня друзья, такие далекие по расстоянию, но родные сердцу. Придется ли свидетелься?

И я кричу, сняв шляпу:

— Эй, лебеди! Несите мой низкий поклон! Я не погиб еще. Я приду...»

Как и триста, и двести, и шестьдесят лет тому назад, так и сейчас где-то в Сибири, в тайге трудятся люди, а над ними с курлыканьем пролетают стаи лебедей, стаи журавлей. Быть может, у иного из этих людей и сожмется сердце, затоскует душа при виде вереницы покидающих Сибирь, тянущихся на юг загадочных птиц... Но вместе с тем эти исчезающие в небесной синеве журавли извечно напоминают человеку о высоком полете жизни, о подвиге!..

На страшном пути экспедиции наконец-то сверкнула счастливая звездочка. «7 сентября, — пишет Вячеслав Шишков, — возле устья р. Илимпеи увидели на берегу жилье и амбар, копошились людишки. Мы закричали „ура“ и повернули к берегу. Людишки, приняв нас за шайку разбойников, стремглав бросились в тайгу, но через час вышли на наши призывы. Это торговый стан молодого Валентина Суздалева, сына ангарского купца. Кроме него, здесь жили два работника, стряпка и девушка Таня. Суздалев сказал: „Я вас дальше не пущу. До Енисея 1300

верст, при самых благоприятных условиях вам не проплыть и половины. Ждите прихода тунгусов“. Дней через десять пришли с караваном оленей тунгусы за товарами. Суздаев с большим трудом упросил их вести нашу экспедицию через тайгу, на юг, по направлению к Ангаре».

Если бы изыскатели плыли в темную сентябрьскую ночь, то наверняка могли бы миновать этот торговый стан, и как бы сложилась судьба Вячеслава Шишкова и всей его партии — сказать трудно. Скорее всего она была бы трагической. Трудно себе представить, чтобы без посторонней помощи участники экспедиции смогли бы выбраться из суровой и дикой тайги.

Морозы сковали, угомонили тихие плесы и бурные перекаты реки. Она теперь стала чужой и бесполезной. Кончались сухари, а предстояли новые, еще более тяжелые испытания. Чтобы добраться до Ангары, надобно было пройти таежными дебрями по глубокому снегу, в суровые морозы более семисот верст.

«От устья Илимпеи мы идем через непроходимую тайгу, снегами. Снег тихий, обильный, пушистый, настойчиво падал, падал без конца. Недавно был покров, а в иных местах сугробы в два аршина. Верховые наши олени выбиваются из сил. Впереди всех идет вожак, тунгус Сенкича...

В десятый раз начинаю объяснять ему, что мы здесь впервые, а тайга так однообразна, что отведи любого из нас за сто сажень, и мы заблудимся. Да и все небо в тучах, солнца нет.

Он косится на меня сверху вниз, с непередаваемым чувством превосходства и снисходительно говорит:

— Ладно...

...Я показал ему карту. Глаза Сенкичи загорелись. Долго, пристально смотрел, расспрашивал:

— Это что?

— Нижняя Тунгуска.

— Это?

— Катанга.

Он разбросил карту на снегу, припал на локти...

— А это Бирьякан? — задает вопрос Сенкича.

— Да.

— А это Туру?

— Нет, вот Туру. Это Пульваненга, — возражаю я.

Тогда Сенкича швыряет прочь карту, быстро выпрямляется и с сарказмом говорит:

— Какой дурак писал расписка? Врал. Туру вот где, Пульваненга —

вот!

— Эту карту писали в Питере ученые, — раздражаюсь я.

— Дурак писал, — настаивает Сенкича.

Он берет сучок и чертит на снегу весь наш предстоящий путь вплоть до Аннавары. Чертеж его схематичен, в прямых линиях. Но почти все впоследствии подтвердилось.

— Да как ты это, Сенкича, знаешь?

— Вера такой».

В пути экспедиция находилась сорок дней. Снег был выше колен. Термометр показывал 25–30 градусов мороза. В среднем за день проходили по 17–18 верст. Спали у костров, в снегу. В тайге встречали много белок и других зверей. Но было не до охоты. Питались остатками сухарей и мясом оленей. Никто не хворал. Болезни начались, когда добрались до теплых изб села Кежмы на Ангаре. В Томск экспедиция прибыла только 24 ноября.

В округе путей сообщения участников экспедиции считали погибшими.

Возвращение Вячеслава Шишкова и его товарищей в Томск целыми и невредимыми было для управления, для друзей Шишкова большим событием. Газета «Сибирская жизнь» 11 декабря 1911 года напечатала по этому поводу статью, рассказывающую о задачах экспедиции и ее работе. Материалы, добытые Шишковым в походе, привлекают внимание членов Общества по изучению Сибири, на одном из заседаний которого он выступил с докладом о Нижней Тунгуске. О делах Вячеслава Шишкова с похвалой отзывается знаменитый исследователь Сибири Григорий Николаевич Потанин. В своей статье, напечатанной в «Сибирской жизни», правда по истечении значительного времени после экспедиции на Тунгуску, Потанин, как бы оценивая работы Вячеслава Шишкова по изучению сибирских рек, писал: «Вероятно, управление водными путями издаст серьезные, со знанием дела собранные г. Шишковым материалы; в интересах областной жизни следовало не откладывать этого издания до окончания работ на Н. Тунгуске, вплоть до устья, а что собрано, напечатать теперь же. Когда-то управление найдет средства на продолжение работ, а между тем жизнь идет скорыми темпами... И будет жаль, если солидный вклад г. Шишкова в познания о речных бассейнах Сибири будет погребен в архиве административных канцелярий»^[6].

Плодотворнейшей была поездка Вячеслава Шишкова вместе с инженером С. А. Жбиковским в город Якутск. Во время этой командировки, помимо большой практической работы по укреплению

постоянно рушившегося, подмываемого водами Лены берега в черте города, Вячеслав Шишков обстоятельно изучал условия жизни приисковых рабочих. Добирался он до Якутска примерно месяц. По дороге Шишков остановился в селе Витимском. Там ему показывали стоявшие над самой водой избы-притоны, в которых ограбленных и дочиста обобранных, захмелевших старателей сбрасывали через специальные люки прямо в Лену. Примерно в таком же люке закончит свое существование и Филька Шкворень из «Угрюм-реки». Здесь же, в Якутске, на работах по укреплению берега, кроме якутов, было занято тридцать человек политических. Вячеслав Шишков познакомился с двумя грузинами, которые, может быть, явились в какой-то степени прототипами известного персонажа из «Угрюм-реки» — Ибрагима-Оглы.

«Мне прихлись по душе два грузина и студент Казанского университета Полозов, он приехал сюда чуть ли не в последнем градусе чахотки и в суровом сухом климате превратился в цветущего, здорового молодца. Один грузин — высокий, красивый; другой — низенький, коренастый, с зверским выражением лица, но с доброй душой...

За неделю до нашего отъезда ко мне пришли оба эти грузина и стали упрашивать добыть им из городской аптеки азотной кислоты для приготовления ручных бомб: они якобы собирались бежать: „Тебе по казенной бумажке отпустят, а нам нет“. Я отказался: это возбудит подозрение, это опасно. Они приходили ко мне каждый вечер, и требования их становились все настойчивей. Я не уступал. Коренастый вскакивал, хватался за кинжал, щелкал зубами, опять садился. „Неужели ты думаешь, что мы польстились зароботной и работали такой адска работа два месяца? Мы сразу увидели, что ты наш и ты нам поможешь“. Я знал, что в Якутск ожидается на днях иркутский генерал-губернатор Селиванов, известный тиран и гонитель свободы, и догадывался, что мои грузины умышляют убить его. Вот, думаю, заварится каша, и я влипну с головой...»

Но все же Вячеслав Яковлевич в конце концов уступил. Он получил в областном управлении бумагу и притащил грузинам целую четверть азотной кислоты. Уже в Томске в его квартире был произведен обыск. Но там ничего подозрительного не обнаружили и Шишкова оставили в покое...

В 1910 году во время поездки на Алтай для исследования Бии Вячеслав Шишков познакомился с новым для него краем. В отличие от относительно спокойных сибирских рек Бия на всем своем протяжении оказалась буйной, бушующей, порожистой. Работа была чрезвычайно опасной. Но экспедиция справлялась со своими делами успешно.

Впечатление от этой поездки было огромным. Вячеслав Яковлевич познакомился с бытом кержаков-староверов, теленгитов, калмыков. Он видел, как шаманы (камы) во время камлания в глухих горных ущельях приносили в жертву подземному богу Эрлику лошадей, как в национальный теленгитский праздник три дня и три ночи состязались народные певцы и сказители былин.

В течение двух рабочих сезонов 1913–1914 годов Вячеслав Шишков возглавляет большую партию по изучению Шуйского тракта, пересекающего Горный Алтай от Бийска до границы с Монголией. Перед экспедицией была поставлена задача: произвести изыскания с целью переустройства безграмотно проложенной дороги.

Алтай поразил его «своей строгой, величественной красотой. Вид увенчанных вечными снегами Чуйских Альп и реки Катунь — незабываем. Или Чуйская степь, где горы, отодвинутые от вас на полсотню верст, кажутся стоящими рядом с вами — до того чист, прозрачен воздух. Или озеро Кеньга, в долине которого — калмыцкое царство с князьками, владеющими сорока тысячами голов лошадей. Мне удалось присутствовать на калмыцком празднике „Той“ — и я перенесся во времена Тамерлана. Борьба, конские состязания, а к вечеру, при мерцающих звездах, на берегу озера запылали костры, в невиданных котлах варилось чуть не по целой лошади...»

За двадцать лет работы в Сибири Вячеслав Шишков совершил девять ответственных длительных экспедиций, восемь из них были самостоятельными, их он возглавлял, за их деятельность нес ответственность, и прежде всего перед своей совестью. Ведь каждая экспедиция являлась коллективом, состоявшим из людей с разными характерами: надобно было не только дать задания, проследить за исполнением и обеспечить продовольствием, но и проследить за тем, чтобы сложились товарищеские отношения.

По свидетельству К. М. Жихаревой — второй жены Вячеслава Яковлевича, которая в 1914 году была с ним в алтайской экспедиции, Шишков не любил недисциплинированных, разболтанных людей и пресекал всякие неблагоприятные поступки подчиненных, которые могли привести к плачевным результатам.

«Любопытно было наблюдать нового Шишкова, — пишет К. М. Жихарева, — не писателя и милого знакомого, а начальника экспедиции. Очень удивила спокойная уверенность, требовательность без наскоков, немногословная ясность и четкость приказаний а в особенности

неожиданная жестокость. Он ни за что не согласился простить уволенного за какую-то провинность рабочего, которого раньше сам же хвалил, а на мое заступничество и упрек ответил тоже неожиданно резко: „Значит, иначе нельзя“. В свободное от работы время — не начальник, а веселый, внимательный товарищ не только с равными по возрасту, но и с молодежью, студентами»^[7].

А вот воспоминания В. И. Петрова, участвовавшего в этой же экспедиции:

«Почти три года я провел вместе с Вячеславом Яковлевичем на изысканиях. Это время было лучшими годами моей молодости.

Вячеслав Яковлевич был менее всего моим начальником. Он прежде всего был для меня учителем, другом, товарищем.

...Работали мы с Вячеславом Яковлевичем в горах Алтая в тяжелых условиях. Временами у нас в экспедиции не было даже хлеба. Покупали живых баранов и свеживали их, а туши вешали на деревьях, чтобы мясо дольше не портилось. На кострах варили для всех пшеничную кашу, иногда я пек пирожки на этих кострах, приспособив для этого железные листы.

Вячеслав Яковлевич был требовательный, строгий, но справедливый начальник. Пьяниц он не выносил и быстро с ними расставался. Техники и рабочие любили Вячеслава Яковлевича, верили ему и охотно работали с ним весь сезон...

Вячеслав Яковлевич любил заходить в избы крестьян, в юрты алтайцев, где подолгу беседовал с их обитателями. Во время этих бесед Вячеслав Яковлевич ничего не записывал, но зато вечерами в его палатке долго горела свечка, — он сидел над своей заветной тетрадью. В это время мы не беспокоили его».

Подвижническая работа Вячеслава Шишкова по исследованию сибирских рек и Чуйского тракта — ярчайшее свидетельство того, с какой добросовестностью и дисциплинированностью он выполнял свой служебный и гражданский долг. Многолетние скитания, суровые условия, в которых приходилось жить и трудиться Вячеславу Шишкову, — лучшее подтверждение твердости и стойкости его характера, умения распределить свои силы, распорядиться своим временем, организовать и подчинить своей воле людей, найти с ними деловой и душевный контакт.

Г. Н. Потанин, как отмечает В. Бахметьев, считал экспедиции Шишкова продолжением своих собственных трудов по исследованию Сибири. Если Г. Н. Потанин многое сделал как географ и этнограф, то Шишков собрал в поездках уникальный материал, который имел чрезвычайно важное хозяйственно-экономическое значение и в первую

очередь для развития коммуникаций Сибири.

Данные, добытые алтайской экспедицией, были использованы при перестройке Чуйского тракта уже в наше время. Это ли не есть их высшая оценка?

Каждая экспедиция, проведенная под руководством В. Шишкова, — это многие десятки больших листов ватмана скрупулезно расчерченных и разрисованных...

Восемь месяцев исследовал Нижнюю Тунгуску.

В. Шишков — все ее рукава и протоки, острова, островки и перекаты были зафиксированы на 65 листах ватмана, и поныне хранящихся в Красноярске в архивах Бассейнового управления пути.

Вот что поведал автору книги «Далеко, за Угрюм-рекой» Александру Лазебникову начальник этого управления: «Когда я впервые увидел Тунгуску Шишкова, меня поразили ее краски. Десять цветов туши. Живая река в миниатюре, сотворенная человеком. Я знаю работы великолепных мастеров черчения — истинных художников, но не представляю себе, кто среди них сумел бы каждой капле реки дать такую жизнь, как дал ей Шишков тушью». Далее Лазебников пишет: «Вокруг нее в десяти цветах туши цветет тайга, редкие поляны в крапинках зелени, будто не послушны уговорам весны. Дымчатые горы поросли пепельным ягелем, золотистые пески отмелей, тяжелые уступы серых скал, отполированных ветрами и водой. Даже горячий родник помечен доброй рукой исследователя, который нашел ему свой цвет на карте. На каждом листе подпись „В. Шишков“».

Думается, что работа Вячеслава Шишкова по изучению сибирских рек, Алтая еще ждет своих исследователей и найдет свое отражение в специальных трудах.

Исследуя сибирские реки, описывая их «нравы» и «капризы», изучая особенности алтайских дорог, Вячеслав Шишков не мог не обратить внимания на взаимоотношения людей, с которыми он сталкивался, — все это запечатлевалось в его памяти и отразилось впоследствии в его творчестве.

Он всегда находил сердечный контакт с простым человеком, умел расположить к себе, казалось бы, самые скрытные души.

Как бы ни тяжел был трудовой день экспедиции, как бы ни утомлен был ее руководитель, однако для него становилось потребностью, крайней необходимостью ночью, при мерцании свечи, вести дневник, фиксировать все интересные события, поразившие его своим своеобразием, своей необычностью.

Большой таежный пожар, устрашающий все живое, уничтожающий тысячи гектаров леса, ревущая буря с ослепительными молниями, свирепая пурга, сваливающая человека, улетающие на юг с прощальным курлыканьем журавли, тучи комаров, осаждающие и ослепляющие человека, — все запоминалось и записывалось Шишковым^[8].

Л. Р. Коган вспоминает, что и позднее В. Я. Шишков «не порывал связи с Сибирью, и частенько у него в Пушкине бывали заезжие сибиряки: и писатели с именем, и начинающие, и инженеры, и техники, и агрономы».

Вячеслав Яковлевич прекрасно знал литературу о Сибири, очень ценил очерки Наумова и Тана, Повести Серошевского и — особенно — Короленко и Мамина-Сибиряка...

— Прекрасный народ — сибиряки! — говорил он, улыбаясь. — Кряжистые, волевые.

В начале Великой Отечественной войны, когда наша Красная Армия отступала под бешеным натиском гитлеровских полчищ, Вячеслав Яковлевич взволнованно сказал:

— Армия еще не отобилизована полностью. Вот увидите: придут сибиряки на фронт, другая музыка будет.

Шишков глубоко вникал в человеческие характеры, старался осмыслить жизнь сибиряков, начиная от тунгуса-охотника Сенкичи и кончая капиталистом Прохором Громовым. Этот яркий мир социальных отношений, жесточайших противоречий, человеческих страстей воочию наблюдал и старался понять Вячеслав Шишков.

Это главное, что он познал, чем его одарила Сибирь.

Символическая сказка «Кедр»

Рассказывая о своей деятельности в Сибири, о своих путешествиях, Вячеслав Шишков пишет: «За свое двадцатилетнее пребывание в Сибири я вплотную столкнулся с ее природой и людьми во всем их любопытном и богатом разнообразии. Я видел всяческую жизнь простых людей. Я жил бок о бок с ними, нередко ел из одного котла и спал под одной палаткой. Перед моими глазами прошли многие сотни людей, прошли неторопливо, не в случайных, мимолетных встречах, а в условиях, когда можно читать душу постороннего, как книгу. Каторжники, сахалинцы, бродяги, варнаки, политическая и уголовная ссылка, кержаки, скопцы, инородцы — во

многих из них я пристально вглядывался и образ их сложил в общую Копилку памяти».

И все же за первые тринадцать лет пребывания в Сибири Вячеслав Шишков не проявил себя как литератор, не писал рассказов, не посылал своих корреспонденций в газеты. Но вот во время одного из своих походов — для исследования енисейских порогов — он принужден был взяться за перо: «Мощная река, грохот ее на порогах, рыбацья деревенька Подпорожная, небывалая гроза с ослепительной молнией, разразившаяся при моем ночном возвращении из поселка Казачинского, — все это подействовало на мое воображение, и я засел за писание. Рассказик получился так себе, и я его выбросил, но это меня не смутило, чесались руки писать еще и попытаться пристроить в печать. В октябре того же года справлялся 25-летний юбилей педагогической деятельности Вяткина. Я написал символическую сказку „Кедр“ с посвящением юбиляру и снес в редакцию газеты „Сибирская жизнь“. Мне было 35 лет, но, когда появилась в печати моя вещичка, я радовался, как ребенок».

Мы приводим целиком это первое появившееся в печати произведение Шишкова, так как оно не включалось ни в собрания сочинений, ни в сборники: читатель сможет сопоставить его с более поздними произведениями писателя.

«КЕДР»

(Юбиляру П. М. Вяткину в день его 25-летнего юбилея педагогической деятельности посвящается)

Кедр, высокий, развесистый, мощный, с глубоко ушедшими в родную землю корнями, гордо стоял на поляне и шумел своей буйной, вечнозеленой хвоей.

Солнце склонялось к западу и, рассекая мрачную тучу, повисшую на холодном сибирском небе, бросало свои радостные лучи на поляну и дрожало тихими отблесками на раскидистых, ароматных хвоях кедра.

И радовалось солнце, торжествуя победу над тучей.

Радовалось и звенело чуть внятной, победной песнью на голубых колокольчиках, незабудках, ландышах, притаившихся возле, в зеленой мураве поляны.

И весело рокотал кедр, содрогая свои пышные хвои, и вторил песне солнца.

А туча плакала горько и неслась дальше, бессильная, роняя скорбные слезы.

Возле кедра стояла белая березка, с нежными листьями, с белым,

стройным стволом, радостная, нарядная, пышная.

И кедр любовался ею.

Фиалки, ландыши и другие цветки с детскими, ясными глазками любовно жались к ней, вползали вверх, стараясь перегнать друг друга, а она, белая березка, свесив свои зеленые кудри, что-то тихо шептала им.

И ликовали фиалки и ландыши и другие цветы с детскими, ясными глазками.

Но, чу! Дрогнула и затихла вдруг песня солнца, и все притаилось и замерло.

Хищным клеткотом огласилась поляна. То стая коршунов, взмахнув раз-другой крыльями, неслась за роем испуганных птичек.

А те в ужасе, в смертельном страхе молили небо дать им защиту.

Небо глядело на них миллионами равнодушных глаз.

Небо молчало.

Они, обессиленные птички, то припадали к земле, то вспархивали кверху и не замечали, что кедр давно уже машет им своими ветвями, давно посылает проклятья хищникам и ласково манит к себе трепещущих в ужасе птичек.

Но вот — увидали. Чирикнули радостно и ринулись к кедру, и прильнули к нему, и замерли между зелеными хвоями.

Тихо шептали:

— Спаси нас, кедр... заступись... О, кедр, не дай нас в обиду...

А кедр рокотал, кедр потрясал вершиною, кедр был гневен.

И боялись хищники грозных взмахов его ветвей.

Боялись, и презирали себя, и ненавидели кедр.

В злобной ярости бросались они к кедру и отлетали прочь с подшибленными крыльями.

Кедр был справедлив и гневен.

Кедр рокотал.

Злобно кричали коршуны, яростно сжимая острые когти. И бросались вновь, ломая ветви кедр.

Но недолго продолжалась неравная битва. Все больше и больше вылетали крылья у коршунов, все грозней становился кедр.

И полетели прочь хищники — мимо березки, мимо одного кедр, мимо другого, стоящих вблизи.

Много раз спускалось на землю лето, и заливало поляну ярким, играющим светом солнца, и украшало ее цветами и травами.

Много раз приходила зима и приносила с собою стон и хохот метелей и белый покров холодного снега.

А кедр все стоит на той поляне, угрюмо смотрит вперед, высоко подняв голову, как рыцарь с приподнятым забралом.

И в тихие летние зори, и в морозные зимние дни слетаются до сих пор к нему птички со всех концов обширной поляны, смело садятся в его пушистые хвои и поют ему песни.

— Спасибо, спасибо, кедр... Кедр, ты справедлив... Мы тебя любим... Ты защищаешь нас... Ты учишь нас жизни... Спасибо, спасибо, кедр...

И слушает песню угрюмый кедр, и склоняется голова его, и роняет он крупные слезы радости и любви к этим маленьким птичкам.

Эта небольшая своеобразная сибирская сказка была опубликована 8 ноября 1908 года. Она явилась началом, первым шагом, еще робким, но шагом в литературу. В последующие годы в томском журнале «Молодая Сибирь», в газете «Сибирская жизнь» Вячеслав Шишков печатает очерки, зарисовки, рассказы, посвященные таежной жизни, такие, как «Бабушка потерялась», «На Лене» (из записной книжки туриста), «Злосчастье» (из встреч), «Однажды вечером», «В кают-компани», «Чары весны», «Пасынки», «Собачья жизнь» и другие. В этих очерках Шишков фиксирует живые, запоминающиеся характеры простых людей, их чувства и мысли. Читатель постоянно ощущает приверженность автора к трудовому человеку, понимание его души, его переживаний, его нелегкой судьбы...

«— Да ты, слышь, Расскажи все путем барину-то, что ль...

Рязанец боднул головой, переступил с ноги на ногу, поскреб за ухом и голосом, ищущим сочувствия, начал не торопясь:

— Долго ль рассказать... Рассказать мы, милый человек, всегда можем...

Вздыхнул.

— Знаешь, поди, какая теснота у нас в Рассее-то? Земли вовсе мало: вроде как у журавля на кочке. Одно званье, что земля. Рендуют которые у помещиков, да что толку-то; в барышах одна солома остается. А и той рад-радешенек, вот до чего... Прямо — край... Вот с этого самого и надумали мы в Сибирь на вольные земли: я с бабой, да малых ребят трое... Распродали все, миру крещеному земно поклонились, с могилками попрощались, повыли-повыли, пошли... Захожу к земскому, проходное свидетельство спрашиваю. Не дам, говорит, это только ходакам, а вот тебе, говорит, посемейный список. А как не приделят? Приделят, не бойся... Это земский-то... Теперича новый проехт, говорят... Пошли... Почитай два месяца бухали. В Челябине задержки: доплату давай, опять, говорят, новый проехт. Пришли до Томска, как-никак дотащились... Из Томска в Барнаул,

дуй не стой к переселенному начальнику: так и так, все чередом обсказываю. Взглянул на бумагу: „А проходное свидетельство есть? — Нету... — Ну и земли нету... — Тоись как? — Тоись так нету...“»

Из-за бюрократизма, из-за бесчеловечного отношения чиновников бедный рязанский мужик, прибывший в Сибирь на вольные земли в поисках лучшей доли, потерял семью и теперь одинокий, со слезами рассказывал всему честному народу о своей горькой доле. Такие очерки пробуждали сознание людей, вызывали ненависть к очерствелому царскому чиновнику, поправшему достоинство простого человека.

В очерках и зарисовках Вячеслава Шишкова много говорилось о социальном неравенстве людей, показывалась тяжелая, беспросветная жизнь бедняков, попавших в беду мастеровых, нищих, мерзнувших на улицах сибирского города. И рядом же набрасывается «картинка», рисующая сытость и бездушие богатеев: по этим же улицам на хорошем «хозяйском» рысаке, кутаясь в соболиное боа и откинувшись на спинку саней, после разгульной ночи прокатила «шансонетка». Еще прошли два господина: бобровая шинель и енот. Один другому рассказывал что-то веселое, и от розовых на морозе лиц веяло довольством и пресыщенностью. Енот говорил о том, как смешно пела Клара, как она удивилась и вся расцвела, когда Пьер приколот ей бриллиантовую брошь, как пили шампанское и дурили всю ночь до утра. Еще вспомнили они, как везет в карты подрядчику Хамову, взявшему вчера не меньше пятнадцати тысяч.

А еще прошли по улице закутанный в рясу священник и за ним дьячок. Пройдя лежащего на тротуаре человека, священник остановился и напомнил дьячку притчу о милосердном самаритянине и посоветовал ему поднять человека и отвезти в квартиру. «Но дьячок отказался: „опоздаешь к обедне“, и оба пошли дальше».

Показался собачий фургон. В сеть поймали щенка и взрослого дога, скрутили им лапы и бросили в ящик.

«Потом явился городской, крепко натер мастеровому уши, посвистел в свисточек с горошиной, увез мастерового на извозчике в часть.

А благовест все еще продолжался. И в другой, и в третьей церкви колокол звал к любви, звал к молитве о том, чтоб всем жилось хорошо, чтоб было изобилие плодов земных и чтоб ушла с земли скорбь».

Обо всем этом ярко и впечатляюще Вячеслав Шишков написал в очерке «Собачья жизнь», напечатанном в «Сибирской жизни» в марте 1912 года.

Исследователь, занимающийся техническим описанием водных и

сухопутных путей, становится литератором-публицистом. Его журналистская деятельность была замечена демократически настроенными людьми Сибири.

Зимой 1911 года Вячеслав Шишков познакомился с известным ученым — путешественником по Азии, в свое время посаженным в Свеаборгскую крепость, Григорием Николаевичем Потаниным. У Потанина каждую неделю собирались его друзья, представители передовой интеллигенции Томска. Хозяину было тогда 75 лет. Но он отличался крепким здоровьем и ясным умом. Потанин увлекательно рассказывал о своих путешествиях, встречах с выдающимися людьми. Здесь же в кружке читались рефераты на литературные, философские и иные темы. На одном из таких вечеров Вячеслав Шишков познакомился с популярным в Сибири беллетристом Г. Д. Гребенщиковым, который принял горячее участие в литературных начинаниях Шишкова.

«Однажды я прочел Потанину свой рассказ, — сообщает в автобиографии Вячеслав Шишков. — Он одобрил, просил прочесть в собрании, я стеснялся. „Вам надобно писать и писать. У вас есть еще рассказы? Вы посылали в столицу?“ Я ответил, что выступать в столичной печати считаю пока преждевременным. Под влиянием Потанина 1912–1913 годы урывками от службы я занимался писательством и пополнением образования».

Первые успехи в Сибири, когда посылаемые им в газеты и журналы очерки и рассказы печатались, когда близкие друзья рекомендовали Шишкову «писать и писать», не вскружили ему голову. Он считал, что надо многому научиться для того, чтобы стать писателем. Надеясь на своих друзей, прислушиваясь к советам, мучимый сомнениями, Вячеслав Яковлевич решает 30 декабря 1911 года послать свои рассказы М. Горькому.

«Хотя и стыдно мне отнимать у Вас время, я все-таки после долгого раздумья решился беспокоить Вас, глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Бога ради, прошу Вас: улучите времечко и посмотрите обе мои вещи, Вам препровождаемые („Ванька Хлюст“ — рассказ, заслуживший похвальный отзыв на конкурсе „Биржевых ведомостей“ — девиз „Первопутки“ — № „Б. В.“ при сем прилагаю также и другой рассказ: „Авдокея Ивановна“). Ежели признаете за ними некоторые положительные качества, — помогите мне всплыть на божий свет. Лет семь я пишу, но держу написанное у себя — все думаю, что еще не выросли крылья, чтоб выступить в свет достойным образом.

Много написано, но ничего не печатано, за исключением некоторых мелких рассказов в „Сибирской жизни“ и „Молодой Сибири“ (ныне закрывшейся), — их тоже для образца прилагаю при этом письме.

Свой первый труд, большую повесть (второе больше „Ваньки Хлюста“), но мало обработанный, что я теперь ясно вижу, я послал В. Г. Короленко. Вернул, похвалив разговорный язык, но упрекнул в невыдержанности стиля.

Несмотря на то, что он ободрил меня своим письмом, сказав: „Если у Вас есть что-либо цельное по форме и содержанию — редакция отнесется к присланному со вниманием“, несмотря на это, я своей неудачей был обескуражен настолько, что и все остальное свое писанье уже сам считал неудачным.

По профессии — средний техник я. Родиной тверяк. В Сибири живу 15 лет, от роду 38. Много шатался по тайге, сталкивался с народом. Нынче в экспедиции на р. Нижнюю Тунгуску едва не погиб. Написал бы подробно, но не смею утруждать и прилагаю № „Сибирской жизни“ с кратким описанием скитаний экспедиции.

За сим еще раз прошу Вас, Алексей Максимович, не оставить меня своей высокой поддержкой.

Благословение Ваше я принял бы с великим ликованием, порицание Ваше с покорностью, видя и в нем лишь добрые Ваши побуждения.

Желаю Вам в новом году побольше светлых дней, сил и здоровья!

Будьте Вы здоровы!

С истинным и постоянным уважением к Вам.

Вяч. Шишков».

Мы полностью приводим текст этого первого письма к М. Горькому. В нем раскрывается как на исповеди душа Шишкова. Он излагает всю свою творческую биографию, свои удачи, а также неудачи. Что побудило Вячеслава Шишкова, чьи литературные опыты уже в Сибири привлекли внимание, так откровенно и прямо написать о своем творчестве Алексея) Максимовичу?

Речь шла о коренном изменении жизни: приближавшийся к своему сорокалетию человек, ученый — исследователь Сибири, успевший уже завоевать определенное положение, предполагал принять крутое решение — перечеркнуть все достигнутое и вступить на стезю литературную, на которой, увы, куда больше терний, чем роз!

И к кому же обратиться за советом, как не к самому Горькому?!

Отзыв Алексея Максимовича, а затем их дальнейшая переписка и встречи благотворно повлияли на жизнь и творчество Шишкова.

В зимнюю пору Вячеслав Яковлевич работал в Томске. Оставалось время и для общественной деятельности, и для самообразования.

Вячеслав Яковлевич был человеком общительным, любознательным и добрым. Это в одинаковой степени касалось и простых тружеников, и таежных бродяг, и кочующих тунгусов, и студентов, и профессоров, и политических ссыльных — всех, с кем сводила его судьба, с кем ему приходилось встречаться.

Первыми близкими знакомыми Вячеслава Яковлевича были П. М. Вяткин и его жена Татьяна Леонтьевна. Как учитель словесности Томской гимназии Вяткин, безусловно, оказывал определенное влияние и на литературную судьбу Вячеслава Яковлевича. Здесь, в квартире Вяткина, где собиралось много его друзей, Шишков был свидетелем и участником споров и бесед о литературе, о политике, о происходивших в Томске событиях, обо всем, чем жил город.

Студенческий кружок, который начал посещать техник Шишков в первые годы своей работы в Томске, разумеется, не занимался отвлеченным просветительством. Это была одна из тех марксистских групп, которые стали возникать в Сибири в конце 90-х годов прошлого столетия и которые к началу XX столетия существовали в большинстве крупных городов и на многих узловых станциях Сибирской железной дороги.

«Марксистские кружки и группы распространяли революционную литературу, знакомили население с событиями в стране, руководили просвещением и воспитанием рабочих, организовывали и направляли их борьбу против капиталистов и царского самодержавия»^[9].

Передовая студенческая молодежь Томска под влиянием «Искры», ленинских работ, которые с июня 1901 года получили широкое распространение в Сибири, вместе с рабочими становится активной революционной силой. В 1903 году была организована совместная политическая демонстрация рабочих и студентов.

«Выступление студентов 18 февраля началось с протеста против шпиона-доносчика, проникшего в студенческую среду. Возбужденные группы студентов с пением революционных песен направились к университету и Технологическому институту. К ним присоединились другие студенты. Собралось до 200 человек. Над толпой взвился красный флаг. Демонстранты пели революционные песни — „Марсельезу“, „Дубинушку“, „Сбейте оковы, дайте мне волю“^[10]. Когда жандармы и конные городовые начали избивать демонстрантов и попытались отправить

арестованных в тюрьму, этому воспротивились рабочие, служащие и учащиеся средних школ. Через два дня студенты и рабочие ответили на избиение демонстрантов новыми выступлениями.

К 18 апреля 1903 года бастовали рабочие уже нескольких заводов и мастерских, а в демонстрации участвовало 5 тысяч человек. Войска и полиция вынуждены были отступить. В период первой русской революции Сибирь захлестнула волна революционных выступлений. Непосредственное влияние на сибирский рабочий класс, на передовую интеллигенцию оказывали революционеры-марксисты, сосланные сюда царским правительством. В эти годы действовали в Сибири С. М. Киров, М. А. Попов (в Томске), В. В. Куйбышев, В. Л. Шанцер (Марат) (в Омске), И. В. Бабушкин (в Иркутске) и другие.

Владимир Ильич Ленин писал: „Закаспийская дорога стала „открывать“ для капитала Среднюю Азию, „Великая Сибирская дорога“ (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь... Постройки гигантских железных дорог, расширение всемирного рынка и рост торговли — все это вызвало неожиданное оживление промышленности...“^[11].

К пролетариату, занятому на заводах и фабриках, которые были сосредоточены около железных дорог Сибири, необходимо добавить и рабочие массы, эксплуатировавшиеся на золотых приисках и рудниках.

Деятельность в Сибири на протяжении ряда лет большой группы страстных и пламенных революционеров сказывалась и на настроениях творческой интеллигенции.

Под этим влиянием слагались взгляды на сибирскую действительность и у Вячеслава Шишкова, определялось его отношение к сибирякам-труженикам, к забитым и угнетенным народностям Сибири — остякам, тунгусам, якутам, алтайцам, теленгитам, калмыкам и другим; наконец, определялись и его эстетические установки, реалистический подход к отражению сибирской жизни.

Вячеслав Яковлевич дружит с рабочими, помогает им в их сложной и тяжелой борьбе. В октябре 1905 года, после черносотенного погрома в Томске, он скрывается в квартире Вяткина от преследования полиции своего приятеля-рабочего Егора Кононова, наборщика, жившего по чужому паспорту.

В 1909 году томским кружком литераторов во главе с поэтом Георгием Вяткиным, с которым крепко подружился Вячеслав Яковлевич, был основан двухнедельный художественный журнал, посвященный

литературе, общественной жизни и науке, — „Молодая Сибирь“. Денег не было. Приходилось просить у знакомых и состоятельных людей. В журнале Вячеслав Шишков напечатал свой рассказ „Бабушка потерялась“.

Выходивший раз в две недели журнал „Молодая Сибирь“ довольно часто помещал острые, злободневные материалы. Во втором номере журнала в статье „Обозрение сибирской жизни“ делается, например, такое обобщение: „Глубоко безотрадную картину представляет современная жизнь Сибири. Обширная страна, со всеми данными для прекрасной, благоустроенной, культурной жизни, живет какими-то кошмарными впечатлениями гнета, преследований, гибели, преступлений...“

...Ликвидация освободительного движения до сих пор бросила в Сибирь сотни и тысячи ссыльных. Ссылка превращается для них в настоящую муку, такую муку, какой не даст другое наказание. Год назад, сообщает „Голос Приуралья“ в Тобольской губ., кончили самоубийством двое политических ссыльных: учительница народных училищ Артемьева и студент Яковлев...

...В Обдорский уезд, в с. Вайганы, с июля месяца прошлого года (1908. — *Н. Е.*) были водворены на вечное поселение В. С. Васольский, Д. И. Рубцов, Д. Павловский (народные учителя Рязанской губернии), И. Я. Гронецкий, студент Казанского университета, и окончившая курс Казанской женской гимназии *И. А. Сабурова*. Никто из них: не получал ни копейки казенного пособия, ибо все оказались, по наведенным департаментом полиции сведениям, „детьми состоятельных родителей“. Последние, оказывается, в действительности даже не существовали...“

Как сообщается далее в корреспонденции, многие политические ссыльные, доведенные до отчаяния нуждой и голодом, находили выход в самоубийстве.

Под стать подобным обзорениям сибирской жизни журнал печатал и стихи местных поэтов:

О, край, придавленный суровым гнетом рока,
Что тенью мрачною мертвящею своей
Повсюду над тобой — страдающим глубоко —
Царил незыблемо, упорно и жестоко,
Лишая радости и солнечных лучей...

...

О, колыбель моя, Сибирь моя родная,
О, край непочатый непробужденных сил,
Когда ж ты расцветешь, красой своей блистая,

И засияешь весь от края и до края,
Как небосвод в огне пылающих светил?

...

И. Тачалов

Томские годы Вячеслава Шишкова пришлось на черное лихолетье столыпинщины. Председатель царского совета министров прозван был „Столыпиным-вешателем“, а излюбленное им орудие смертной казни в народе именовали: „столыпинский галстук“. Однажды это прозвучала даже с думской трибуны и вызвало страшный скандал: „премьер“ вместе с министрами покинул так называемую правительственную ложу, а выступавшего депутата принудили извиниться...

Если не хватало достаточных поводов для ускоренной расправы, то губернатор и охранка не брезговали и провокацией. Как раз об одном из таких гнусных преступлений со стороны властей и сообщалось во втором выпуске „Молодой Сибири“ — в то время постоянно сотрудничал в журнале Шишков.

Начальника Владивостокского охранного отделения.

Заварницкого „раздражало“, что рабочие ведут себя „спокойно“, несмотря на то, что мысли у них отнюдь не „царелюбивые“. И охранка решает „подогреть“ оппозиционные настроения, дабы, опираясь на „чрезвычайные“ параграфы, можно было применить и смертную казнь. „Компания“, — сообщает журнал, — устраивала покушения, разыгрывала террористические водевили, подбрасывала недругам нелегальную литературу... Подробности этой „работы“ вскоре выяснятся. Пока известно, что при содействии Заварницкого пострадало 29 человек, из которых семеро казнены, трое осуждены в бессрочную каторгу, а остальные понесли более или менее серьезные наказания...»

Помещала редакция и такие корреспонденции: «Курганские известия» пишут: «10 января в 11 час. утра в помещении нашей редакции чинами жандармской полиции произведен обыск. Взята часть рукописей и конфискован. № 2 „Курганских известий“. Личному обыску были подвергнуты: корректор, один из посторонних сотрудников газеты, случайно зашедший в редакцию безработный, просивший поместить бесплатно его объявление, и редактор газеты».

Подобными выступлениями журнал навлекал на себя гнев властей, цензура свирепствовала, и приходилось давать такие объявления; «От

редакции: Первый номер журнала „Молодая Сибирь“ не вышел по независящим от редакции обстоятельствам (конфискация)».

Томская газета «Сибирская жизнь» также довольно часто печатала очерки, рассказы и статьи Вячеслава Шишкова. По своим программным установкам, по своим обращениям к подписчикам редакция этой газеты в области политической отстаивала «начала конституционного государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началах всестороннего, равного, прямого и тайного избирательного права, широкое самоуправление земств и городов». В экономической области газета декларировала защиту интересов трудящихся. В связи с этим освещались вопросы земельного устройства, рабочего законодательства, обложения налогами и проч. Особое внимание редакция предполагала уделять нуждам Сибири.

Разумеется, свои обещания редакция газеты не всегда выполняла. Цензура не позволяла сказать всю правду о тогдашней жизни трудового народа.

В это же время Вячеслав Шишков начинает преподавать в так называемой «воскресной школе». Подобные школы были, по существу, первичными ячейками политического просвещения рабочих масс, и главную роль в них играли подпольщики-большевики.

В 1911 году, во время экспедиции на Нижнюю Тунгуску, Вячеслав Яковлевич познакомился со многими политическими ссыльными, а с М. И. Ткаченко он подружился и встречался с ним после революции.

Почти полтора года шла переписка между Вячеславом Шишковым и политическим ссыльным, впоследствии известным писателем Владимиром Бахметьевым, прежде чем в 1912 году они встретились в Томске. Их крепкая, бескорыстная, прошедшая все испытания дружба продолжалась несколько десятков лет...

«В эту первую встречу с Вячеславом Яковлевичем, — пишет В. Бахметьев, — нас привлекло в его духовном облике удивительное сочетание спокойного, устойчивого добродушия с деловитой трезвостью в суждениях о людях. Его совсем юная романтичность во взглядах на жизнь вполне уживалась с грубоватой суровостью в оценке ее отдельных, чуждых или не совсем ясных ему явлений...

...В первый день нашего свидания, вечером, Вячеслав Яковлевич увлек своего гостя к Потанину. Григорий Николаевич встретил нас в передней. В сравнении с Шишковым, высоким, без сутулилки человеком, он выглядел старичком-гномом: маленький, щуплый, с хвостатой бородкой и шелковистой изжелта-белой гривой, с высоким, сдавленным на висках

лбом и пучковатыми бурыми бровями, как бы опирающимися на металлические дуги очков. Из зальца не доносилось к нам в переднюю ни единого всплеска голоса, хотя там за чайным столом мы нашли немало гостей. Оказалось, что перед нашим приходом внимание гостей было поглощено рассказом Григория Николаевича о происхождении из вековых легенд Азии евангельской легенды о распятии Христа...»

У Г. Н. Потанина, которого называли «дедушкой Сибири», Вячеслав Яковлевич близко познакомился со многими видными профессорами, общественными деятелями, литераторами Томска. Шишкова избирают в состав президиума Научного общества по изучению Сибири; он часто выступает с докладами и лекциями на народных чтениях и публичных вечерах. Его известность в Томске и других городах Сибири растет с каждым годом.

Г. Н. Потанин своими знаниями и авторитетом оказывал значительное влияние на окружающих его профессоров, студентов, литераторов. «Словом, — замечал по этому поводу В. Бахметьев, — Потанин был как бы живую энциклопедией по истории и культуре, говорящие страницы которой высоко ценились Шишковым и оказывались полезными ему, как знание, расширяющее его миропонимание, побуждающее его мысль и фантазию к деятельности. По поводу благотворного влияния бесед с Потаниным Вячеслав Яковлевич со свойственной ему шутливой серьезностью признался нам однажды еще там, в Сибири, что чувствует себя после каждой такой беседы черноземом, на который только что пролился вешний дождик. Публицистические того времени статьи Вячеслава Яковлевича в „Сибирской жизни“, вроде статьи „Пасынки“ или „К вопросу о театральной школе в Сибири“, написаны были по непосредственному побуждению сердца, но и не без влияния „дедушки Сибири“».

Григорий Николаевич Потанин был человеком необъятных познаний и многостороннего опыта. Он опубликовал обширные сведения по географии, геологии и экономике малоизученных областей Центральной Азии. Большую ценность представили собранные им энтографические материалы об азиатских племенах, записанные им произведения восточного эпоса. Потанин составил подробнейший гербарий растений Центральной Азии. Одно из открытых им растений, хребет Наньшаня и ледник в горах Табын-Багдо-Ола названы его именем. Потанин был членом Русского географического общества и многих других научных обществ.

Сибирская общественность гордилась им. Он пришелся по душе и Вячеславу Яковлевичу. В их деятельности, в отношении к жизни простых людей было много общего. Поэтому Вячеслав Яковлевич по-сыновнему

привязался к Григорию Николаевичу, почти ежедневно посещал его квартиру в Томске.

Чем больше Вячеслав Яковлевич вникал в жизнь города, в жизнь трудящихся, коренных народностей Сибири, тем больше ему хотелось отобразить виденное, показать быт, нравы, патриархальщину и полудикость, царящие в огромном крае.

Вячеслав Яковлевич участливо, с большим беспокойством относился к положению тунгусов, не защищенных законами от эксплуатации. Со страниц «Сибирской жизни» он взывал к общественности, его материалы обращали внимание властей на тяжелую жизнь тунгусов, на высокую смертность от эпидемий черной оспы и других болезней. Вячеслав Шишков искренне полюбил этот самобытный, пытливый и удивительно стойкий народ. Он знал их язык. Понимал их характер...

На одном из вечеров у Г. В. Потанина Вячеслав Яковлевич читал свою повесть «Помолились». «Трогательные страницы повести из жизни тунгусов, — пишет В. Бахметьев, — вызвали общее одобрение. Особенно Потанина. Один из сибиряков-беллетристов, бывшие тогда на вечере, писал в газете „Жизнь Алтая“ (Барнаул): „Слушая эту повесть, я с необычайным удовольствием убедился, что Вяч. Шишков, этот скромный и малозаметный еще писатель, способен нежно и любовно взять читательскую душу и унести ее на далекий-далекий север Сибири, как ни один еще из русских писателей, побывавших в холодном изгнании, и показать не только грустные картины тайги и тундры, но и полудетскую душу обитателей их развернуть перед вами, как четко и крупно напечатанную книгу“».

Живя и работая в Сибири, Вячеслав Яковлевич никогда не забывал своих родных мест, Бежецка, где остались его родители, где жили братья и сестры, где проходили его детство и юность. Прежде всего он регулярно посылал домой деньги, помогал братьям и сестрам учиться. Когда позволяли обстоятельства, он приезжал в Бежецк.

Первым раз он посетил родной город вместе с женой — Анной Ивановной Ашловой, в 1898 году, после двухмесячного пребывания в приуральских степях, на кумысе. «Вестенька, — вспоминает Алексей Шишков, — несмотря на лечение, имел не очень здоровый вид к был не такой жизнерадостный, как раньше. Жена Вячеслава не очень понравилась родителям: матушка находила, что она мало заботится о муже. Пробыли они у нас около двух недель и отправились в обратный путь, в Томск. Я в этом году не смог поступить в Вышневолоцкое техническое училище и уехал с братом в Томск.

В Томске мы поселились в большом деревянном доме на Миллионной улице. Вестенька с утра до вечера работал в управлении. Семейная жизнь его не налаживалась, и вскоре брат и Анна Ивановна разошлись. Мы остались вдвоем с Вестенькой. Изредка к нам приезжал с зимовки брат Митя, посланный в Томский округ путей сообщения на практику после окончания Вышневолоцкого технического училища».

В 1903 году свой отпуск Вячеслав Шишков проводит у двоюродной сестры Раисы Шведовой. Вместе с ней в детстве он выезжал летом в Дуброву к бабушке Елизавете Даниловне, ходил в школу в Бежецке. Теперь сестра была замужем и жила в Новозыбковском уезде Черниговской губернии в имении своего мужа — Хатки.

Через много лет Вячеслав Яковлевич вновь встретится с Раисой Яковлевной и ее мужем, а их дочь Клавдия Михайловна станет его верным другом и помощником, станет его женой...

И в дальнейшем Вячеслав Яковлевич еще не раз посещал родные места, бывал у родителей. В 1905 году он заехал вместе с братом Дмитрием в Шлиссельбург к Алексею Яковлевичу, который там вместе с женой поселился после окончания Вышневолоцкого училища.

«Встреча была очень радостная. Вестенька выглядел превосходно и был весел. Пробыли братья у нас лишь два дня, так как торопились на Кавказ. Вестенька много рассказывал о жизни в Томске, о своих изыскательских работах на Обь-Енисейском канале, на реке Чулыме, о встречах с тунгусами, показывал фотографии из жизни изыскательской партии... С радостью поведал мне о том, как хорошо и трезво живет теперь отец».

Теперь уже братья и сестры Вячеслава Яковлевича стали людьми самостоятельными; теперь и они могли тоже оказывать помощь своим родителям. Однако Вячеслав Яковлевич по-прежнему проявлял по отношению к отцу и матери исключительное внимание. В один из своих приездов в Бежецк он решил на свой счет переделать уже довольно обветшалый дом, где жили его родители. Перестройка эта закончилась тем, что в 1912 году был срублен новый, удобный для семьи дом, на который Вячеслав Яковлевич, по словам брата Алексея, истратил все свои сбережения.

Казалось бы, теперь для стареющих родителей наступает время спокойной и радостной жизни. Но, перенесшая много страданий, заболевает мать Вячеслава Яковлевича. По его настоянию ее помещают в Петербургскую клинику. Но болезнь не удалось победить. В 1913 году Екатерина Ивановна скончалась. Это было большим горем для Вячеслава

Яковлевича и всей семьи Шишковых.

«Летом 1912 года, — сообщает Шишков в автобиографии, — поехал ненадолго в Петербург, где в новом журнале „Заветы“ появился мой первый журнальный рассказ из тунгусской жизни — „Помолились“. Этот год и надо считать началом моей литературной деятельности. Познакомился с Р. В. Ивановым-Разумником. Он сказал: „Ваш рассказ понравился Ремизову. Он приглашает вас к себе“. А. М. Ремизов встретил меня радушно. Ласковость этого большого писателя тронула меня, жителя тайги. А. М. Ремизов наглядно учил меня, как надо писать, в чем секрет красоты стиля и душа языка. Его глубокие замечания впервые прозвучали для меня как откровение. Тому же самому, только иными словами, учили меня Р. В. Иванов-Разумник, М. М. Пришвин, В. С. Миролубов, М. В. Аверьянов. И я понял, что из провинции, где нет надлежащего художественного руководства, мне надо перебираться в столицу. Того же мнения была и переводчица К. М. Жихарева, которая с 1914 года становится моей женой».

Эта поездка в Петербург имела большое значение для Вячеслава Яковлевича. Рассказ сибиряка появляется в петербургском журнале и хорошо оценивается известными писателями столицы. Через некоторое время в тех же «Заветах» и «Ежемесячном журнале» были напечатаны рассказы: «Суд скорый», «Ванька Хлюст», «Чуйские были» и «Краля». Это уже было признанием бесспорных дарований писателя.

Однако Вячеслав Шишков все еще не спешит переходить на положение профессионального литератора. Он снова возвращается в Томск и, став во главе изыскательской партии, летом 1913 года начинает исследование торгового Чуйского тракта через Алтай. В 1914 году он на один-два дня приезжает в Петербург и приглашает К. М. Жихареву к себе в экспедицию.

Экспедиция на Алтай, о которой мы писали выше, обогатила Вячеслава Шишкова новыми впечатлениями. Он пишет очерки «По Чуйскому тракту», рассказы «Чуйские были», повесть «Страшный Кам» и др.

На Алтае Вячеслава Шишкова застигла война. «Помню, — рассказывает К. М. Жихарева, — совершенно перевернутые деревни — иначе не могу назвать и иступленные вопли и причитания баб, растерянные, часто пьяные, бессмысленные или злобные лица мужчин... Раньше мы с Вячеславом Яковлевичем не очень много разговаривали о политике, и я хорошенько не знала его отношения ко многим вопросам в этой области. Однако на основании отдельных замечаний и главным образом из его рассказов о прошлом у меня составилось представление о

Вячеславе Яковлевиче как о довольно либеральном, но вполне лояльном подданном своего царя и отечества... Поэтому я была удивлена, не встретив у него обязательного „патриотизма“... Самая же война очень-очень его огорчила, и в благополучный ее исход он плохо верил»^[12].

В начале 1915 года Вячеслав Шишков начал готовиться к переезду в Петроград. В Министерстве путей сообщения он должен был на основе материалов, собранных в экспедициях, составить проект по перестройке Чуйского тракта. Это, конечно, и являлось одной из основных причин переезда Шишкова в Петроград. Там же жила его жена — К. М. Жихарева, переводчица, достаточно известная в литературном мире столицы. Она, видимо, совершенно не склонна была менять Петербург на Сибирь и проводить с Вячеславом Яковлевичем время в экспедициях. Для любознательности горожанки, привыкшей возвращаться в литературных салонах Петрограда, было достаточно одной поездки на Алтай, чтобы испытать все лишения и трудности, с которыми приходится сталкиваться в таких путешествиях.

Друзья и близкие знакомые Вячеслава Яковлевича по Сибири встретили известие о его переезде из Томска в Петроград с большим сожалением. Особенно огорчен был Г. Н. Потанин. «Это измена Сибири. Вы забудете Сибирь. Вы ей нужны. Она так бедна талантами!» — упрекал он Вячеслава Яковлевича.

«...В Сибири я прожил двадцать лет, — отвечал ему Шишков, — это вторая моя родина, пожалуй, не менее близкая и понятная сердцу, чем Россия, я переполнен впечатлениями, которых хватит мне на всю жизнь, я Сибирь люблю и постараюсь в нее вернуться».

«...Мне, действительно, расставаться с Сибирью было тяжело: близкое знакомство с профессорским миром (Солнцев, Вейнберг, Зубашев, Соболев и друг.), личные друзья (Анучин, Бахметьев, Г. Вяткин, Крутовский, Шаталов), моя работа (в составе президиума) в Научном Обществе Изучения Сибири и местном Литературном Клубе, а также мои частые выступления на народных чтениях и публичных вечерах — сцепили меня тугими канатами с местной жизнью, меня все знали, я пользовался уважением, имел литературное имя (курсив мой. — Н. Е.), в Петроград же я явился почти круглым нулем, и мне пришлось, так сказать, начинать сначала».

Это были правдивые, искренние слова. Действительно, Сибирь стада для Вячеслава второй родиной. Природа этого сурового края, изумлявшая его своей необычностью, своим величием, осталась у него в памяти на всю жизнь, так же как вошли в его сознание, заполнили его душу самобытные

сибирские характеры, люди разных сословий, разных национальностей.

Не только двадцать лет невероятных инженерно-изыскательских трудов, граничащих с подвигом, отдал Шишков Сибири как землепроходец, обследуя тысячи верст ее исполинских рек, но здесь же, в Сибири, в Томске, впервые прозвучал самобытный голос писателя Шишкова. Здесь наступила пора творческого возмужания; он вдохновлялся всей мощью Сибири; с ее народами жил «за едино сердце», гневно и пламенно защищал их против царского гнета и насилия властей.

Когда-то Чехов отметил, что если бы он не был врачом, то не стал бы и писателем. О Вячеславе Шишкове с уверенностью можно сказать, что его многолетняя изыскательская деятельность помогла ему стать писателем, во всяком случае, без нее не было бы того выдающегося художника-реалиста, который на вершине своего творческого пути сыновей отблагодарил Сибирь замечательным романом «Угрюм-река».

Вячеслав Яковлевич впоследствии, живя в Петрограде, в Пушкине, в Москве, всегда с особой гордостью, с особым уважением говорил о Сибири, с волнением рассказывал о своих встречах с людьми, с которыми ему пришлось делить радости и беды. Он всегда чувствовал себя как бы в долгу перед сибиряками, перед всеми, о ком не успел написать.

Вячеслав Яковлевич приехал в Петроград, конечно, не «круглым нулем». Если у него было мало знакомых, если он был почти неизвестен как писатель, то все это перекрывалось тем, что Шишков прекрасно знал Сибирь, сделал массу наблюдений, накопил в дневниках много бесценных записей о виденном и пережитом. И главное, что стало теперь ясно, — он обладал незаурядным художническим дарованием.

Сибирские повести и рассказы

В 1936 году писательница Мария Шкапская приглашала Вячеслава Яковлевича приехать в Хабаровск. Вот что он отвечал ей:

«Дорогая Мария Михайловна! Рад бы радехонек приехать в Хабаровск, да грехи не пускают. Вы ведь знаете, как я люблю Сибирь, *вторую и главную мою родину* (курсив мой. — Н. Е.). Большинство моих произведений посвящено этой очаровательной стране и ее энергичным, трудолюбивым, честным людям. Но меня схватили за бороду и за волосы всяческие литературные дела-делишки, держат крепко»^[13].

Почему рассказы «Помолились», «Та сторона», «Суд скорый»,

«Золотая беда», «Веселая штука», «Чуйские были» и другие, вышедшие в 1916 году в издательстве «Огни» отдельной книгой (это была первая книга Вячеслава Шишкова), были восторженно встречены и критикой, и читателями? Да потому, что в них читатель ощутил правду жизни, познакомился с характерами, ему ранее неизвестными.

«Есть глубокая органическая связь у писателя с тем миром, который он передает, — пишет рецензент в газете „Сибирская жизнь“ в январе 1917 года, — и бывает местами трудно, почти невозможно найти ту роковую линию, за которой кончается правда жизни и начинается авторский вымысел...

Это очень суровая, местами жестокая жизнь, от которой было бы жутко и страшно, если бы она не была согрета ласковым, любовным теплом, ей, как это ни странно, свойственным.

Ровно повсюду разливается тепло человеческого сердца в „Сибирском сказе“. В тяжких, мрачных картинах вы чувствуете начало светлое, присущее действующим лицам драмы...»

Тунгусы (рассказ «Помолились»), приехавшие в село помолиться «русскому богу — Николе», принести ему «жертву», ограбленные купцами, возвращаются под звон церковных колоколов в тайгу, в свое стойбище...

«Опять все, будто по уговору, остановились, опять стали прислушиваться к переливчатым, весело порхавшим по тайге звукам и стали креститься трясущимися руками.

Постояли, вздохнули молча и молча двинулись в путь.

Старик ехал сзади; он опустил низко голову и думал... что есть великий русский бог, светлый и милостивый. Но зачем он так далеко живет? На солнце, что ли? Зачем он дает обижать тунгусов? Разве не видно ему сверху? Али жертвой недоволен остался? Можно еще больше дать „приклад“. Возьми, только в обиду не давай.

— Пожалуйста, возьми, русский бог, пожалуйста, возьми!.. Двадцать дней шел, бабу тащил, ребят тащил, товарища тащил, оленя мучил. Пожалуйста, давай защиту. Пускай подохнут все купцы, и чтобы все начальство околело!

Обида вдруг всплыла наверх, и старик заплакал, лицо сморщилось, скривился рот, закапали слезы.

Взглянул на небо... Но там звезд не было».

Лесной человек, старый тунгус, обиженный купцом, поверивший в русского бога, не нашел у него защиты и был глубоко потрясен. Он, видимо, никогда в жизни не плакал. Он бесстрашно ходил на медведя, добывал много меха, продавая шкурки за бесценок купцам и всегда

возвращался в тайгу со словами: «Бог даст, еще поймает соболя, убьем белку...» А теперь рушились его надежды. Где справедливость? Кто теперь поможет? И логика ему подсказывала — свой лесной бог, которому он и не переставал верить...

Сибирские рассказы Шишкова о тунгусах отражают не только бытие лесного человека, в них читатель знакомится с его духовным миром, с его суровой и доброй душой. Там, где русский человек подчас оказывался бессильным перед дикой, подавляющей силой тайги, там, где отважным землепроходцам грозила гибель, им часто по-братски помогали тунгусы. Один эпизод из походной жизни описан Вячеславом Шишковым в очерке «Холодный край». Автор предпослал очерку трогательные слова: «Посвящаю Сенкиче, Гирманче — проводникам моим и многим, многим тунгусам, встречавшимся на пути моих скитаний. Светлую память о них я всегда ношу в своем сердце».

И вот он какой, тунгус Сенкича, верный сын суровой сибирской тайги: «Впереди всех идет вожак, тунгус Сенкича. Он по грудь вязнет в снегу, в его руках пальма, он с маху ссекает тонкие деревья, чтоб проложить путь каравану. Мороз, а он весь мокрый, от непокрытой головы струится пар. Сенкича — тунгус отменный, да, впрочем, и все они таковы. Завяжи ему глаза, кружи целый день тайгою, проспится, встанет утром и без ошибки пойдет, куда надо. Ему не нужно солнце, он носит тайное чутье путей в самом себе».

Глухой тунгус Отыркон встретился в дебрях тайги с экспедицией Шишкова, ведомой Сенкичей.

«— Геть, геть! — закричал старик на своих псов и подошел к нам.

— Здравствуй, Отыркон, — сняли мы шапки, с любопытством разглядывая его.

Тунгусы стояли молча. У них нет обычая здороваться. Старик смотрел на нас, разинув рот. Собаки пофыркивали, дрожали...

Старик... выкурил трубку и заговорил довольно правильно по-русски. Голос его был слаб и тонок, как у скопца.

— Вот я старый, четыре раз по двадцать. Никого у меня нет. Совсем глухой. Оленей нет, ничего нет, смерть уехала куда-то, прощай. Как жить? Вот живем, я да две собаки. Кормимся. Смерть приедет, сдохну, куда они без меня? Мало-мало пропадут совсем. Чисто беда соедем...

— Неужели у него нет никого родных? — спросил я Сенкичу.

Да. Сенкича знает старика давно, он действительно одинок, но тунгусы не оставили бы его, кормили бы, да и сам Сенкича сколько раз звал его к себе. Неидет. Хочет жить своим трудом...»

Драматичен рассказ «Та сторона». Тунгус Василий заблудился не в таежных дебрях — здесь ему нет равных, — а в своих отношениях с Чоччу и Анной. Василий молод, силен, у него доброе сердце, и поступает он сообразно своим чувствам. Это его мораль, его понимание жизни... Василий жалеет Чоччу. Она ему родня: жена его покойного брата. В конце концов она становится его женой.

Но вот «как-то встретил он в тайге молодую женщину, по-чудному встретил, словно в сказке. Высмотрел он на суку белку. И только было прицелился, а ружье — грох! — белка кубарем. Выругался Василий, что ружье само пальнуло, глядь — а к белке женщина нагнулась». Молодая, стройная, красивая... звали ее Анной. Закурили трубки. Анна, затаившись, передала свою трубку Василию, почмокала розовыми губами и сказала:

— А я, бое, себе мужика ищу... Муж помер. Одной не славно. У тебя баба есть, бое?

И тут Василий слукавил. Сначала сказал — есть, но, увидев ее губы, глаза, окинув ее взглядом с ног до головы... замялся. «Нету, — поправился он».

Через некоторое время Василий направился к Анне. На четвертый день он добрался до ее чума. «„Вот, пришел...“ Анна у костра сидела на пеньшке и крошила в котел оленье мясо. Подняла на него глаза, осмотрела с ног до головы: Василий красивый, высокий, плотный...»

Но там в тайге, за сотню верст от них, осталась одна-одинешенька в своем чуме Чоччу. Только олени да собаки, а кругом никого. Хотя Чоччу и отпустила Василия к Анне, но тоска по близкому человеку сломила ее женскую гордость, и она приехала к Василию...

«Собаки лаяли отрывисто, зло, словно по зверю. Отпахнулась пола чума, вошла Чоччу с трубкой в зубах, с ружьем.

— Уйми собак, — сказала она Василию.

Тот смущенно вышел.

Женщины быстрыми глазами ошаривали друг друга.

Чоччу была красивая. Но Анна краше. Чоччу вздохнула.

Василий долго не являлся. Обе женщины молча поели мяса и сулихты. Когда пришел Василий, Чоччу собралась в поход.

— Знаю... Ты меня бросил... — сказала она. — Я встану чумом недалеко... день пути...

И пошла: несколько заседланных оленей тащили ее добро, и целое стадо их шло по бокам и сзади.

— Кто такая? — спросила Анна.

— Родня, Давыдиха... Машка. (Имя, данное Чоччу при крещении. — Н. Е.)

Ну что ж! Хорошо можно было бы и с Анной жить. Но сердце Василия дало трещину: исподтиха началось, дале шире, раздвоилось сердце, как рог молодого лончака — оленя. Василий словно встал у следа двух лисиц, разбежавшихся в стороны: хорошо бы разом обеих взять...»

И вот Василий у Чоччу. Он пришел, чтобы поговорить с ней, объяснить, уладить все по-хорошему, чтобы и с Анной жить, и Чоччу одну не оставлять в тайге...

«— Хожу-хожу по тайге — устану... Приду домой — нет никого... был муж — нету... Был Василий — Анна отняла... Ну, каково живешь? — обращается Чоччу к Василию, — славно ли живешь? Рад ли?

— Маленько рад, маленько не рад...

Василий тер рукой лоб, сдвигал и расправлял брови, крякал. Ему надо много толковать с Чоччу... Надо бы самое-то главное сказать, чтобы поняла, надо хорошо языком повернуть: пусть Чоччу успокоится — он ее не бросит.

— Я... Я... ничего... Вот Анна только...

Василий больше ничего не мог сказать. Он в раздражении больно прикусил язык, на глазах слезы выступили. Очень плохой язык, не может вертеться как следует, не может толковать все чередом, по порядку, чтобы складно и мудро, как у шамана.

— Языком вертеть не смыслю... — Василий высунул окровавленный кончик языка и указал на него пальцем. — Тут много, — хлопнул он себя по лбу, — тут того больше, — дотронулся он до сердца, — а язык дурак!.. Прямо дурак, заплетается в зубах, как лисий хвост в трущобе.

Василий опустил голову и засопел. Он все слова расшвырял, а новых не накопилось. И уж до самого вечера сидел молча. Он с любовью разглядывал каждую вещь в чуме. Вот иконка маленькая, закоптелая висит на жерди, а рядом с ней лесной шайтан, звериный хозяин, Боллэй-батюшка, с бисерными глазами. Вот кумоланы, вот для костра рогульки, и все знакомое такое, близкое... свое...»

Вячеслав Шишков тонко, с большим знанием описывает быт тунгусов. Иконка и шайтан — только две вещи, а как много они говорят о бытии лесного человека. Суровая жизнь в тайге, борьба со страшными, непонятными явлениями научила этих людей своеобразной лесной премудрости, сметливости, сделала их характеры сильными, бесстрашными и до наивности доверчивыми. Мать-природа установила им свои «законы» любви, семейных отношений. Обо всем этом глубоко и

правдиво поведал писатель.

Анна не принимает родственницу Василия; она не хочет делить с Чоччу свою любовь к нему. Страсть ослепляет ее. С топором Анна идет в чум, чтобы убить спящего Василия, но убивает сына Ниру, лежащего на месте Василия. Трагически заканчивается любовь Анны... Она вспомнила своего первого мужа, похороненного где-то далеко в тайге. Анна едет к нему на могилу в самых лучших нарядах, на самом быстром олене...

В литературе неоднократно говорилось о религиозных обрядах, в которых участвовали шаманы. Большинство этих описаний дают представление о внешней форме камлания, о той «артистичности», с которой выступает шаман. Другое мы видим в повести «Страшный Кам». В ней не отправление языческого ритуала занимает автора, хотя и это показано ярко и интересно, а судьба человека, его переживания.

В жизни шамана Чалбака произошло необычное. В его сознание вошли два бога — свой родной, Ульгень, и во время крещения, когда Чалбака называли Павлом, он познал бога Иисуса. Мироощущение Чалбака перестает быть цельным «Исус — маленький бог, его убили; Ульгень — большой-большой — всех убил, всех сбросил с неба. Самого Эрлика сбросил. А Эрлик... О-о-о! Немилостивый, грозный... Не бог — тьфу, тьфу! — какой он бог, — а самый страшный! Самый грозный есть».

Не мог Чалбак забыть своего главного бога, не мог отказаться от служения могучему Ульгению и страшному Эрлику. Его терзают сомнения... «Шайтан душит меня; Эрлик грозится. Курмесь^[14] спать не дают... Их много... Каждую ночь мучают меня. Работы себе требуют. Сам не рад. Тяжело мне... Голова моя горит, сердце плачет. Пожалеть надо...»

Кто его пожалеет, кто поймет? «Православные! — заявил после обедни отец Василий, — наш брат во Христе, раб божий Павел с дьяволом якшается. Был он Кам Чалбак, камом и остался.

— Кам есть кам!.. Ночи напролет камляет, черту служит!.. — заговорил народ от амвона и до выхода.

Нельзя этого допустить. Грех это! Неутолимый грех!»

Так отец Василий подготавливал расправу над Чалбаком. Суеверные люди не могли понять душевное состояние Чалбака. И Вячеслав Шишков с потрясающей силой изображает душевную трагедию Чалбака и судьбы его мучителей... «И вдруг со дна моря белотуманного — ба-ам, ба-ам! — вознесся в солнечную высь колокольный звон. Там, в долине, между зеленых гор, в расстоянии пяти стрел из тугого лука — церковь. Там Павел, здесь Чалбак; там Чалбак, здесь Павел — вместе, оба-два, не рассечь; не

разлить, ошпарь водой — не разойдутся. А душа одна. Оба-два на одной душе уселись — Чалбак да Павел. Сядь на пень, другой не сядет. А надо... Как быть? Трудно. Вот тут тяжело, вот здесь... Дрожит перед глазами порозовевшая гладь тумана-моря, все дрожит...

— Хочется не хочется Чалбаку жить...»

Золото! Сколько о нем написано, сколько душ загублено из-за этого металла! Вспомним золотую лихорадку на Аляске, в Калифорнии, изображенную ярко и талантливо в рассказах Джека Лондона. Написано о золоте немало и в нашей отечественной литературе. Вячеслав Шишков собирался посвятить этой теме киносценарий. Он создал ряд рассказов, в которых отразилось отношение простого человека к золоту. Вспомним бродягу Фильку Шкворня, да и многих других старателей. Им никогда не было свойственно стяжательство, стремление к обогащению, хотя в своих руках они держали немало золотых самородков, немало намывали золотого песку. Но все это обычно в кабаке спускалось за одну ночь. И тогда снова начинались поиски, и снова добытое старателями золото попадало в руки кровопийцы золотопромышленника.

Необычен по своему содержанию рассказ Вячеслава Шишкова «Золотая беда», в котором повествуется о якуте Николке и его богатом отце. «Ведь Николке сорок два года, говорят, стукнуло. А кто он, — ну, кто он такой?.. Человек он или так себе, вроде дикого оленя? Он так беден, так беден, что ни одна девка за него не пойдет. Зато у отца... Ху-ху!.. деньжищ, что желтых листьев осенью! А оленей, а коров! Только крепок, старая лиса, ужимист: продаст сотни две голов, наострит лыжи в лес, в тайгу, отыщет потайное место, к куче золота еще пригоршни прибавит».

И все же дождался Николка смерти отца. Овладел его богатством, только не пошло оно ему впрок. Купил он себе красивую невесту Дюльгирик, но она не любила его. Ни дорогая одежда, ни золотые украшения, ни шуба из черно-бурых лисиц не радовали Дюльгирик. Она смотрела на восток, в ту сторону, где остался близкий ее сердцу молодой тунгус. Не выдержала Дюльгирик — повесилась.

Загрустил Николка: стал богатым, а еще больше бед на него навалилось. Вспомнились ему слова отца: «Хорошо, когда золото есть. Лучше, когда нету...» Он долго задумчиво сидел, потом взглянул вверх, умилился: густо на небе золотых звезд-червонцев; это праведный Тойон для людей старается, золотую беду с земли тащит да гвоздями приколачивает к небесам. Должно быть, давно работает, вон какую протянул дорогу поперек всего неба, а пустого места все еще много. Но

великий Тойон каждую ночь трудится. Когда перетаскает все золото, на земле не останется греха, не будет обиды ни человеку, ни зверю, ни дереву... Избавился и Николка от золотой беды. Он все золото утопил в проруби глубокой реки. «Шабаш!.. Кончал!.. Все кончал, — улыбаясь, говорил Николка. — Золотой беда бросал... Много-много беда с земли уехал... Борони бог... Совсем кончал!..»

Как писатель-первопроходец, Шишков открывал для читателя еще малоизвестный сибирский характер, характер покорителя и преобразователя суровой сибирской природы.

«Я над всем этим краем властитель. Не в похвальбу, а так оно и есть. И глянь, ты только глянь, какая красота кругом, премудрая красота, великая красота! От этой красоты господней, от природы — вот взглянешь — замрет, замрет сердце, и слезы потекут. Я тридцать два года здесь, в горах, в тайге. Да пусть скажут мне короли земные, вельможные правители: „Бакланов, владей всем нашим богатством, дворцами, городами, пей, гуляй, писаных красавиц хороводь, спускайся с гор, иди к нам, властвуй!“ — „Нет, — скажу я, — нет, ваши царские величества, покорнище вас благодарим: околдовала меня мать-природа, угрела, осветила солнцем, обвеяла белыми туманами: здесь родилась новая душа моя, некуда отсель идти и незачем. Здесь смерть приму. Аминь!“»

Большая красота рождает и большие чувства. О них и пишет Вячеслав Шишков в своем талантливом рассказе «Таежный волк». Герой его Леонтий Моисеевич Бакланов, с которым автор познакомился на верхнем Енисее, в предгорьях Арадана.

Сборник сибирских рассказов. (Первое издание, 1916 г.)

А теперь представьте себе охотника Леонтия Бакланова, стоящего вместе с Вячеславом Шишковым на Араданской горе. Перед ними расстилаются необозримые таежные дали. Среди бесконечного зеленого мира вьется могучий даже в своих истоках Енисей, исчезая среди зеленых гор и долин... Действительно, великая и премудрая красота! И хорошо, что человек оценил ее и полюбил до слез...

Леонтий Бакланов спокоен, он уверен в своих силах, «среднего роста, мускулистый, коренастый, ему шестьдесят два года, но седины мало. Борода большая, нечесаная, в крупных кольцах... Его зелено-голубые глаза с мудрым лесным огоньком светятся из-под густых бровей весело и лукаво».

Этого смелого человека знали и уважали во всей таежной округе, уважали за справедливость и бескорыстие, за трудолюбие и доброту. Прирожденный таежник, мудрый следопыт, охотник-философ — таков сибиряк Бакланов. «Идешь в тайгу, — говорил он, — помалкивай в тряпочку; только звериный нюх имей да сам зверем притворись, забудь, что ты есть человек, а зверь и зверь, только по-лесному умный, в сто раз умнее человека... Только таежную правду надо помнить, она превыше всех

небес...

...Мы на мягкой, покрытой зеленовато-белым мхом прогалысенке, кругом тайга. Солнечный день и лес сегодня тих, задумчив. Я пристально взглянул на ближайшую сосну, удивился: ствол этой сосны, от земли аршина на два, блестел на солнце огненно-алыми рубинами.

— Это комарье, — сказал Бакланов. — Насосались лошадиной кровушки, пока ехали мы, а вот теперь от дыму и тово... Ужо-ко я камедь устрою, — он улыбнулся, вскочил и пошел шнырять по тайге».

Бакланов принес и посадил в комариное стадо двух головастых муравьев. Те осмотрелись, тщательно ощупали раздувшихся комаров, «посоветовались усиками» и пустились вниз. «Через четверть часа к комариному стаду пробирались организованные отряды муравьев. Немедленно началась горячая работа. Муравьи попарно подползали к пьяной комариной туше, ловко подхватывали ее передними лапками и клали на загорбок третьего муравья. Тот, пыхтя и придерживая комара за лапки, пер его, как пьяного мужика, в участок... Вскоре сосна была чиста».

Тут же Бакланов из этого факта вывел таежную мораль: «— Доброе дело сделали, — заметил Бакланов, — подлый гнус умной скотинке дали — муравью. А раз добро с тобой мы оказали, значит и нам добро будет... Ты что, не веришь в это самое? Напрасно, мил человек, напрасно! — Он снял шляпу, положил широкую ладонь на мое плечо и, обдав меня ясным взором мудрых таежных глаз, сказал внушительно: „Человеку ли, зверю ли, ничтожной твари ли какой — все единственно — сделаешь добро, тебе так же будет. А зло и тебе злом обернется. Запомни, милый друг. На этом вся видимая жизнь стоит. Если б принял человек в свое сердце эту заповедь хорошую да по поступкам поступал, тогда рай на землю снизошел бы“».

Всех мудрствований, добрых поступков, совершенных Баклановым, здесь не перескажешь. Пусть где-то он ошибался, отвлекался от реальной жизни. Не в этом суть. Важно, что Бакланов «в розмыслы» любил башкой уйти, думал, прикидывал, как жизнь по-хорошему должна строиться, чтобы благо человеку было.

Еще до революции встретился Вячеслав Шишков с реальным Леонтием Баклановым. Рассказ же о нем был написан спустя много лет, в 1926 году. Автора интересовала судьба этого необычного человека, его жизнь в годы революции. Вячеслав Шишков неожиданно получил от Бакланова следующее письмо: «Милый живой ли ты приезжай в гости много расскажу обо всем. Богу угодно было таежную правду через меня выполнить левой рученьки не стало глаз выколот стариком исделался через то а за правое дело стоймя стоял сначала за Колчака по глупости ишел

опосля того супротив Колчака повел дружину партизанскую все по горам до по лесам. Много было делов кровавых а все на пользу сирых людей. Приезждяй.

А писал в 1923 году в марте самоличный Левонтий Бакланов однорукой».

Герои сибирских рассказов Вячеслава Шишкова — подлинные представители народа, реальные, настоящие сибиряки (многие из них выведены под своими истинными именами, фамилиями, кличками), наделенные лучшими качествами: умом, здоровьем, твердой волей, любовью к природе-матери, к своей Родине, своему краю.

Неудивительно, что и после Вячеслава Шишкова этот характер разрабатывается в произведениях советских писателей: Ефима Пермитина, Георгия Маркова, Анатолия Иванова, Алексея Югова, Сергея Сартакова, Николая Задорнова и других.

Наставник и друг писателей Сибири

В конце XIX и начале XX века вступают в литературу писатели и поэты из областей и далеких окраин России. Особенно выделялась своими произведениями группа писателей-сибиряков, которая именовала себя «Молодая сибирская литература». В ее состав на первом этапе входили писатели Г. Гребенщиков, И. Гольдберг, С. Исаков, А. Новоселов (А. Невесов), Порфирий (Порфирий Алексеевич Казанский) и другие. Позднее к ним присоединились В. Шишков, В. Бахметьев, И. Тачалов, И. Матвеев, И. Тарakanов.

М. Горький внимательно и чутко отнесся к молодым литераторам

Сибири. Его радовало то, что творческие возможности русского народа неисчерпаемы, о чем свидетельствовало появление новых талантов, которые заявили о себе произведениями, посвященными сибирской жизни. Пристально, с отеческой заботой следил он за каждым именем, за каждым изданием сибиряков. В 1916 году редактируемый им журнал «Летопись» весьма одобрительно отзывается о вышедшем в свет в Красноярске первом номере журнала «Сибирские записки». Один из рецензентов писал: «Тон журнала бодрый, весь он проникнут духом истинной общественности, и цели его ясны».

Из переписки М. Горького с сибирским этнографом и беллетристом В. И. Анучиным мы видим, с какой душевностью знаменитый писатель помогает сибирякам, как живо интересуется их литературными делами. Как радуется он, что ему прислали материалы «Сибирского сборника», издание которого он некоторое время тому назад одобрил. «Ура! Получил первые материалы сборника и немедленно прочитал...

...Итак, первый том сборника сформирован. Участвуют: Анучин, Байкалов, Бахметьев, Вяткин, Гольдберг, Гребенщиков, Драверт, Новоселов, Тачалов и Шишков.

Да ведь это целая золотая россыпь! Сборник будет хорош»^[15].

И даже на Капри, в Италии, Алексей Максимович: продолжает следить за сибирской жизнью. То он интересуется творчеством Г. Н. Потанина и его исследованиями, то предлагает В. И. Анучину возобновить переговоры с И. Д. Сытиным об издании «Энциклопедии Сибири». Алексея Максимовича увлекают необычные и по материалу и по форме произведения сибиряков. Он внимательно читает их письма, рассказы и повести, подбадривает своими советами:

«Ох, и большущее Вам спасибо за потанинскую сагу, — пишет М. Горький В. И. Анучину, — прочитал залпом, а потом набело стал с карандашом читать. И до чего вы, сибиряки, материалами заряжены густо, — особенно Вы с Потаниным. Ведь Вы можете азиатскую эпопею написать в широченнейших масштабах!»^[16]

В эти годы Алексей Максимович шире познакомился и с произведениями Вячеслава Шишкова. Поэтому он в том же письме к В. И. Анучину сообщает: «...Шишков может развернуться в крупного писателя, но до сих пор он пишет неуверенно, оглядываясь по сторонам, и чуточку под Ремизова, словно боится быть оригинальным, самым собою. Кроме того, ему нужно остерегаться: как бы не сбиться на дорогу сибирского Лейкина. Вы не обижайтесь за приятеля — я добра ему желаю, как и всем

вам...

...Но что у всех у вас, сибиряков, приятно, так это скромность! Так противна наглость, с которой всякая бездарь в писатели лезет.

За то я и полюбил вас крепко».

Когда Алексей Максимович писал эти строки, Шишков приезжал на некоторое время в Петроград. Литературой же занимался он в ту пору между своими основными служебными делами. Но, встреченный тепло Пришвиным, Ремизовым, Аверьяновым, Миролубовым, Вячеслав Яковлевич чаще стал думать о писательском труде, о создании больших произведений. Проведав об этих помыслах, Алексей Максимович в своем письме к А. И. Анучину от 22 октября 1912 года сообщает: «Был рад узнать, что Шишков пишет большую вещь. Давно пора».

4 октября 1912 г.

Славно Вам спасибо, дорогой,
любимый, дорогой Алексей
Максимович
Ваше письмо о "Тайге"
очень меня взволновало. Ох
было ~~много~~ восторга и обреченности
на очень большой радости
Кажется, тайга находится впереди
и почти все Ваши замыслы безотчетно
но без перемены, удивительны писаны
очень интересно, надо сказать охватили
своей формой видения творческой души
во конкретной форме
Почему думается мне, почему: вот
это симфония Тайга - старая Русь, со
старой гравюрой - Успенского Лопухов
гравюра, музыкальным шрифтом Андрей-по-
литкой - посредство между мной и другим.
Кажется - Богородица, сама себя создал,
сердце лопнуло, а там пойдут рожки
потом, Франсуа Шестопольский и др

До такого письма из не совсем доброй
мани, а раздается его один из
лучших Сибирских, просидевших в тюрьме
и изобретавших.

Ну, да обо всем этом можно
поговорить много. Было бы только
составить Ваш безыскусный, не
в смысле дурно, а в смысле таланта,
лучше всего всего приложить к
Вашему, когда Вы будете, или
когда хотите, Вам писать одному.
Я шлю на Васу письмо в Петербург,
но, на радость, а на Вашу,
пошло Вам откровенно - узнать,
когда сможете прийти сюда.

Желаю Вам, дорогой Алексей
Максимович, радости и здоровья,
и еще раз спасибо Вам благодарю.

С любовью Вам

Вас Шинков

Письмо М. Горькому (1916 г.).

Его замечания по первым рассказам Вячеслава Шишкова носят важный и принципиальный характер. Горький увидел в ранних произведениях Шишкова и самобытность, и несомненное дарование автора, который при дальнейшей работе сможет стать большим художником. Важными были и предупреждения Алексея Максимовича: писать свободнее, писать без оглядки, не сбиваться на ложный путь... Мы не уверены, что содержание этих писем стало тогда же известно Вячеславу Шишкову, ибо Шишков отбыл на Алтай, а вскоре началась война. Но то, что авторитетного и подробного разбора своего творчества он ждал от Алексея Максимовича Горького с большим волнением, не подлежит сомнению.

Первая встреча Вячеслава Шишкова с Горьким состоялась только зимой 1914 года. Было это во время кратковременного пребывания Шишкова в Петербурге, совпавшего с приездом сюда Г. Гребенщикова, уже известного писателя-сибиряка, который и предложил Вячеславу

Яковлевичу пойти в гости к Алексею Максимовичу. «Как в гости? К Максиму Горькому?! И мое раздумье мучительно закачалось между крайним желанием увидеть Горького и опасением показаться по-провинциальному любопытным и навязчивым. Однако Гребенщиков, обладавший более прямолинейной психикой, ловко расшиб мои недоумения. И мы пошли... Но поток моих смущенных размышлений был прерван мужественноласковым голосом хозяина:

— А-а, вот отлично! Пойдемте в кабинет...

...Был вечер. Горький сел у письменного стола в кресло, позвонил, сказал прислуге: „Чайку“ — и задымил папиросой...

— Ну-с, как в Сибири? Как Потанин?

— А вы разве знаете Потанина?

— Григория-то Николаевича? Отлично знаю. Хотя пи разу не встречался с ним. Такие люди, как Потанин, редки. Их надо беречь, любить...

Пили чай в столовой. Супруга Алексея Максимовича М. Ф. Андреева была обаятельной хозяйкой. После мы вновь прошли в кабинет и здесь провели в разговорах около двух часов, промелькнувших незаметно быстро... Уходил я с переполненной впечатлениями головой. Голова моя огрузла и душа насытилась до отказа...»

В августе 1915 года Вячеслав Шишков окончательно переезжает из Томска в Петроград. Времени для занятий литературой у него стало больше, чем в Сибири. Теперь он получил возможность чаще встречаться с М. Горьким, советоваться с ним по своим литературным делам. Алексей Максимович всегда тепло, по-дружески принимал Шишкова. «Он так много, сочно, образно рассказывал из своих скитаний, такую проявлял мудрость в обобщениях, что мне казалось тогда, что вся Россия для него как на ладони. И мне необычайно стало радостно, что наша Россия родит таких людей!»

После таких посещений Вячеслав Яковлевич, по свидетельству Жихаревой, стал усерднее дорабатывать свою первую крупную вещь — повесть «Тайга».

Вскоре Шишков представил повесть М. Горькому. Недолго пришлось ждать ответа... «Помню какое-то особенное, сосредоточенно-радостное лицо Вячеслава Яковлевича, — пишет К. М. Жихарева, — когда он принес мне письмо Алексея Максимовича. Оно и в самом деле было очень лестное...».

«Дорогой Вячеслав Яковлевич!

„Тайга“ очень понравилась мне, и я поздравляю Вас, — это крупная

вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит Вас на ноги, внушит Вам убеждение в необходимости работать, веру в свои силы...

Я передал рукопись А. Н. Тихонову в редакцию, он должен прочитать ее. Я хотел бы видеть Вас, но до вторника едва ли успею, а во вторник еду в Финляндию. Значит — увидимся на пасхе или на фоминой, вернусь я в понедельник или вторник Пасхи.

Будьте здоровы, желаю всего доброго!

З. IV-16.

А. Пешков»^[17].

Повесть «Тайга» как бы завершала сибирские очерки и рассказы Шишкова. Над ней Вячеслав Яковлевич работал более двух лет. Вначале предполагал создать обыкновенный рассказ на немудреную тему, по судебной заметке, — об убийстве крестьянами шести бродяг, заподозренных в краже денег у торговца. Такой рассказ был написан. В нем изображалась поимка бродяг и их казнь. «Никакого плана работы не было, — рассказывает Шишков в книге „Как мы пишем“. — Поэтому в процессе творчества я чувствовал себя плавающим по большой реке, куда глаза глядят. Я думал, что эта река есть главнейшая артерия, впадающая прямо в океан. Самый заурядный, каких тысячи, рассказ мой подходил к концу. И вдруг всплыла другая идея, значительно сильнейшая, чем первоначальный замысел. Оказалось, что несущая мою ладью речонка, которую я принимал за гладкую речищу, есть не более как маленький приток большой реки, о существовании которой минуту тому назад я вовсе не подозревал... Пришлось написанное сжечь и засесть за совершенно новую, более осмысленную работу, в которую первоначальный замысел вошел как фрагмент большого полотна».

Дело, разумеется, не в мгновенном озарении: всей работой над очерками и рассказами, своими встречами с передовыми людьми Сибири, встречами с маститыми писателями столицы, с М. Горьким Шишков подготовил себя к созданию более крупных произведений, где бы смогли полностью раскрыться познанные им характеры. Настало время излить свои чувства и переживания, высказаться обо всем виденном и слышанном как-то иначе, по-своему, приметно, писать яркими красками.

В Кедровке и в соседнем таежном селе Назимове рассеивались народнические иллюзии о мирной деревенской общине, представления некоторых литераторов об извечных свойствах народной души, вместо некоего загадочного сфинкса крестьянин виделся Шишкову реальным человеком, о котором автор и пишет в своей повести «Тайга».

Жителям Кедровки присущи были и ненависть, и зависть, и доброта, и

смелость, и удаль. Как и везде, «старики любили друг другу жаловаться на сыновей и внуков, что отбились от рук, совсем из отцовской воли ушли, никого знать не хотят — ни бога, ни черта». Рушились патриархальные устои в деревне. Начинался разлад прежде всего между бедными и богатыми.

Со всеми жизненными противоречиями — с черными и светлыми днями, с весельем, бесшабашным разгулом и глубокой грустью — предстала Кедровка и ее люди под беспощадной кистью художника Шишкова. Нарисовал он в повести «Тайга» картину правдивую, но безрадостную, живые, запоминающиеся характеры.

Первое издание повести «Тайга». (1918 г.)

Набожный, грамотный дедушка Устин, при надобности заменивший загулявшего попа, купец Бородулин, закабаливший многих крестьян, политический ссыльный Андрей, умная, красивая девушка Анна, кедровский богатей Федот, непоседливый и задиристый бедняк Обабок, бродяги во главе со стариком Лехманом и, как бы в центре их, могучий, «самосильный» мужик, кедровский староста Пров. Он внешне чем-то напоминает Леонтия Бакланова.

Но и Пров был в долгу у Бородулина. В годину лихолетья, когда «весь скот у мужиков от поветрия чезнул, — довелось с поклоном к купцу идти».

Вся жизнь, все людские страсти раскрываются на фоне необузданной, своенравной сибирской тайги, от которой во многом зависела жизнь кедровчан. Было над чем поразмыслить Вячеславу Шишкову. Куда повернуть эту силу таежника, силу мужицкую? Где художественная правда? Где та закономерность, которая бы ввела эту бурную речушку в большую реку жизни?

«Одиннадцатилистовая моя „Тайга“, — писал он 9 января 1916 года М. Горькому, — лежит пока нестриженная, в полусыром виде: некогда было ею заняться, готовил свой небольшой сборник „Сибирский сказ“ — в „Огнях“ издается. Мне бы хотелось попросить Вашего совета, как ее стричь и надо ли, перестараясь — в парк обратишь, плохо. А она была бы теперь ко времени».

Да, «Тайга» действительно была написана «ко времени». М. Горький в ее судьбе принял большое участие. Она появилась в журнале «Летопись» в конце 1916 года и была тепло принята читателями. Газета «Сибирская жизнь» (№ 28 за 1917 год) писала: «Без преувеличения можно сказать, что в художественной сибирской литературе последних десятилетий „Тайга“ — первая значительная вещь, охватывающая крестьянскую Сибирь широкими рамками цельного, красочного, богатого правдою жизни произведения».

Литературное и общественное значение повести, написанной на сибирском материале, было велико не только для Сибири, так как в «Тайге» поднимались и отражались важные социальные проблемы, волновавшие всю Россию. Многие образы повести, да и вся таежная Кедровка, символизировали собою как бы крестьянскую Россию.

Так судебная заметка переплавилась в творческой фантазии Вячеслава Шишкова в повесть, ставшую для него этапным произведением, которое окончательно ликвидировало все колебания писателя и склонило его к профессиональной литературной работе.

«Тайга» для Шишкова была и той беспокойной рекой, плывя по которой автор в конце концов достиг огромной, могучей и бурной «Угрюм-реки».

Итак, первая крупная вещь Вячеслава Шишкова, над которой он работал с 1913 по 1916 год, была одобрена Алексеем Максимовичем и заняла достойное место в его журнале. Военной цензуре кое-какие места в повести не понравились, и Шишкову пришлось пойти объясняться: «Толстый генерал, к моему изумлению, встретил меня чуть не с объятиями: „Ах, ах... Я, знаете, просто зачитывался вашей работой: свежесть, знаете, колорит...»

Но к чему эти скользкие местечки? Нет, нет, разрешить нельзя. А вот у

Вас священник... он, во-первых, пьяница, во-вторых, ведет любовные шашни с тучной купчихой... Это невозможно, это поклеп на религию. Вы, конечно, христианин? А знаете что? Не можете ли вы вместо священника вставить дьячка?“ Я ответил, что уже напечатано полповести и что теперь очень трудно попа заgrimировать дьячком. „Ну, тогда до свидания“, — сухо сказал генерал».

Это дела литературные. Шли они у Вячеслава Шишкова, как видно, неплохо. Сравнительно хорошо устроилась и его личная жизнь. Но Петербург, переименованный с начала войны в Петроград, бурлил и клокотал. Русская армия на фронте терпела поражение за поражением, в которых повинна была преступная деятельность правительства и бездарного генералитета.

В июле 1915 года Вячеслав Яковлевич пишет Г. Н. Потанину письмо: «Может быть, такое состояние души в дни военных неудач характерно для большинства граждан. Во всяком случае, петроградцы, или, вернее, лучшие из них, сильно угнетены надвигающимся, прущим на Русь кошмаром. И те, которые когда-то кричали „ура“ и грозили немцу шапками, теперь, видимо, устыдились этого и облекли свою душу в траур.

Так ли, иначе ли, на душе тяжело, и куда выведет кривая — неизвестно.

Обидно за Россию, стыдно. Но мы, к сожалению, и возмущаться-то как следует не умеем, не научены негодовать открыто, смело, нет у нас в руках молота, которым можно дробить и созидать. До сих пор мы еще не более как русские обыватели времен щедринских, способные лишь на то, чтоб пить горькую (и то с дозволения начальства) или, в лучшем случае, в тоске и сени смертной, сесть на болоте на пенышек, прикусить бороду, самобичевать и хныкать, жалуясь болоту на тяготу русской жизни...

...Нет у нас в крови огня, нет тех гражданских дрожжей, которые бушуют и творят жизнь. Телята душой, с лисьими хвостами, с медвежиной силой, мы не протестуем, если какой-нибудь цыган ввернет нам в ноздрю кольцо и поведет по площадям и стогнам... на потеху миру... Неумытые, вшивые, нет чтоб самим бултыхнуться в море жизни и вымыться — сидим у моря, ждем погоды, ждем банщика, который остриг бы нас, отхвостал бы веником и попросил бы на чаек.

Вот банщик идет, везет с собой пушки и снаряды. После его бани небу жарко делается. Того ли нам желать?! Нет! Пусть минет нас чаша сия. У нас теперь на многое открылись глаза, душа, кажется, постепенно твердеет, заряжается ненавистью, и собственная грудь начинает смердеть и скучать.

Ежели и после этого всемирного эксперимента все останется по-старому, можно с чистой совестью на все нахаркать и умереть.

Вот видите, милый Григорий Николаевич, какие у меня мысли. Это моя гражданская часть души, а другая, личная живет хорошо: в Питере, не переставая, светит солнце, сады зеленеют, журчат фонтаны, цветут цветы. Нева красива, кругом шумно, хорошо...»

Вячеслав Шишков в Петрограде встретился лицом к лицу с некоторыми литераторами, которые поддерживали империалистические устремления буржуазии и оправдывали антинародную войну как «христианский подвиг» и залог «обновления жизни».

Оголтелые националисты всячески травили М. Горького — интернационалиста, не скрывавшего своих антивоенных взглядов.

И все же, несмотря на трудности военного времени, Вячеслав Шишков, привычный к путешествиям, вместе с К. М. Жихаревой летом 1916 года посещает город Гельсингфорс. Писателю хотелось поехать по стране, еще более расширить «познание России».

Осенью этого же года по делам, касающимся перестройки Чуйского тракта, Вячеслав Шишков выезжает в Томск. Это была последняя поездка в Сибирь и последняя встреча со старым другом Г. Н. Потаниным, который физически дряхлел, но душевно оставался молодым. Он расспрашивал Шишкова о жизни в Петрограде: «Ну как настроение столицы, как война, каково настроение рабочих, крестьян, солдат, не пахнет ли революцией? А революция неизбежна...»

Г. Н. Потанину шел девятый десяток лет. В дни празднования его 80-летнего юбилея Вячеслав Шишков послал ему теплое, трогательное письмо, в котором восхищался его талантом и радовался тому, что вся просвещенная Россия высоко оценила его подвижнический труд.

Командировка Вячеслава Шишкова в Томск была кратковременной. Ему предстояло сдать свои проекты по перестройке Чуйского тракта. После двадцатилетнего хождения по Сибири, после стольких скитаний и приключений, огромных, запавших в душу на всю жизнь впечатлений Вячеславу Шишкову, естественно, хотелось побыстрее возвратиться в Петроград и сесть за письменный стол.

Помимо «Тайги», в 1915–1916 годах он создает рассказы «Колдовской цветок», «Варин сон», «Веселая штука», «Сибирский дед», «Стуколка», «Солдатка», «Шквал», «Бобровая шапка», «Золотая беда» и небольшую повесть «Пурга». Вячеслав Шишков теперь получил возможность встречаться с М. Горьким, советоваться с ним по поводу своих рассказов. В

письме к М. Горькому от 9 января 1916 года Шишков пишет: «Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович! Позвольте представить Вам 2 рассказа с надеждой, что один из них пригодится для „Летописи“. Моя „Бобровая шапка“, очевидно, погибла из-за своего поведения, из-за морали, которую я, кажется, некстати развил у проруби. Пробовал я переделывать конец: а) Сапожник спас купца, а сам утопился — ерунда, ложь; б) Сначала вытащил, а когда увидел, что враг вновь поволок его в прорубь и оба туда угодили — жестоко, не надо. Решил оборвать рассказ на том месте, где „профессор Уткин“, крикнув: „А ну вас!“ — бежит к проруби. Значительно почистив во всех частях, попытаю куда-нибудь его пристроить, не знаю только куда»^[18].

В этом же году Вячеслав Шишков готовит для издательства «Огни» свою первую книгу «Сибирский сказ» и посвящает ее Г. Н. Потанину. Литературная известность Вячеслава Яковлевича растет. В периодической печати появляются о нем статьи. Одни в нем видели содержательного и яркого представителя «Этнографической беллетристики», другие причисляли его к «старой почетной школе идейных бытовиков». Все это, разумеется, было далеко от истинной и правильной оценки творчества Шишкова.

Как бы ни писали о Вячеславе Шишкове, одно было неоспоримым — появился новый, самобытный писатель, взыскательный художник, обладающий свежим, необычным материалом.

Февральскую революцию Вячеслав Шишков встретил в Петрограде, на улицах, среди простых людей, интересами и чаяниями которых он жил. «...Бегали вдвоем по митингам, — пишет в своих воспоминаниях К. М. Жихарева, — самопроизвольно зарождавшимся буквально на каждом перекрестке, бегали в думу, жались под выстрелами к стенкам зданий и под перилами мостов, без конца волновались и спорили, особенно с конца апреля, когда приезд Ленина внес резкую перемену в народное настроение».

В эти первые бурные дни революции Вячеславу Шишкову довелось побывать у М. Горького. Среди гостей, естественно, велись разговоры о настоящем и будущем России, о революции. М. Горький поделился своими мыслями об организации культурно-просветительского общества, с тем чтобы объединить усилия для работы среди трудящихся.

«К концу завтрака, — вспоминает Шишков, — послышалось с улицы „ура!“ и музыка. Крики ликования ясно доносились через двойные рамы четвертого этажа. Мы подбежали к окнам. По улице, по дорожкам

Александровского парка валил народ и строем шли солдаты.

— Пройдемте на улицу! Это фронтовики, — сказал Алексей Максимович.

Мы оделись и вышли. Колонны оборванных, в истрепанных сапогах солдат с винтовками и красными флагами стройно, в ногу, огибая Народный дом, густо двигались по направлению к Каменноостровскому проспекту... Они шли молча, были закалены и суровы, они несли в себе большую силу. И нам стало ясно, что революция победит в стране и укрепится. Недаром, приветствуя войско, так радостно кричит народ, на лицах у всех бодрая уверенность. Я взглянул на Горького. Он стоял, высоко подняв голову, и почмыкивал носом, подбородок его дрожал.

— Алексей Максимович... — наивозможно ласково сказал я и взял его за руку.

— Трогает это меня, трогает... Да, да... трогает. Стройно идут, чинно... Спасена революция!»

Свои чувства и переживания этого периода Вячеслав Шишков отразил в очерках и фельетонах, которые печатались в «Воле народа», в «Новой жизни», выходявшей при участии М. Горького; не забывал он и о своей второй родине: материалы о жизни столицы отсылал в газету «Сибирская жизнь». Отдельные очерки и фельетоны вошли в книгу «Подножие башни». Вячеслав Шишков с бодростью и надеждой смотрел на происходящие события, в которых наряду с уничтожением всего старого, прогнившего ему виделись контуры нового мира.

В пламенном очерке «Подножие башни» Шишков в те дни пишет:

«От господина Великого Новгорода через тьму прошедших столетий, по могилам бойцов за свободу мы, ведомые просвещенными сынами человеческими, пришли к подножию башни, которую надлежит создать волею народов. Достойный взять камень и положить его на крепком цементе в основание — бери и клади! Нерадивый, не мешай строить!»

«Глухо, словно в толстый слой ваты, — вспоминает Жихарева октябрь 1917 года, — бухнули новые, непохожие на обычные выстрелы. И тут уж мы узнали, что это поработала „Аврора“ и что Керенскому теперь — крышка!»

Октябрьская социалистическая революция была решающим, поворотным этапом и в творческой судьбе Вячеслава Яковлевича. Он, связанный прочными узами с народом, мог теперь сказать: «Профессионалом-писателем я стал после Великого Октябрьского переворота, когда я почувствовал и осознал себя полноправным членом и

работником нового, молодого советского общества.

С большим вниманием всматриваясь в небывалые события народной жизни, я работал с особым рвением, будучи настроен бурно и радостно».

В бурные революционные годы, в годы гражданской войны Вячеслав Шишков много работает: он выступает с очерками и статьями в газетах, пишет повести и рассказы, сотрудничает в разных литературных комиссиях. В тяжелые для писателей времена М. Горький организовал Общество помощи писателям. Для издания избранных произведений живших в Петрограде авторов были отпущены значительные денежные средства. В редакционный комитет входили Горький, Блок, Куприн, Шишков, Ремизов и другие.

В 1917–1919 годах из-под пера Вячеслава Шишкова выходят «Каторжник», «Веселый бродяга», «Соловьиная ночь», «Опись моего происшествия», «Кутерьма», «На травку», «Мериканец», «Крокодил», «Золото», «Коммуния», «Маевка в Снегах», «Страшный Кам» и другие. Помимо рассказов на сибирские темы, под влиянием войны и революции все чаще появляются произведения, отражающие жизнь столицы, жизнь деревни, овеянной дыханием Октября.

Уже с 1918 года, желая ознакомиться с тем, как проходят революционные преобразования на местах, Шишков предпринимает поездки в прилегающие к Петрограду районы, а затем и в области Центральной России. Он встречается с молодежью, с деревенскими активистами, с красноармейцами и моряками, борющимися за новую, социалистическую деревню.

Возвращаясь в столицу, Шишков видел, как напряженно живет город: Петрограду угрожал Юденич, не хватало продовольствия. В квартире было холодно, электростанция работала 2–3 часа в сутки, спать приходилось на кухне, которая отапливалась маленькой «буржуйкой». Шишков вместе с женой во время наступления Юденича роет окопы, убирает снег на улицах, сажает деревья и кусты на Марсовом поле, участвует в разрушении старых деревянных построек, по ночам дежурит в домкомбеде. «К концу 20-го года, — вспоминает К. М. Жихарева, — мы оба пришли в такой упадок, не столько от голода, сколько от общего неустройства жизни, что А. М. Горький переселил нас в Дом Советов, где уже жил А. М. Ремизов. Нам дали две прекрасные большие комнаты, температура там была всегда не ниже 12° по Реомюру... С переездом в Дом Советов вообще начинается эра благополучия — значительно улучшилось снабжение ученых и писателей, я перешла на службу в Бюро объединенных кооперативов на должность секретаря правления и получала там такое количество продуктов, которое

совершенно освобождало Вячеслава Яковлевича от всякой „добывающей промышленности“ и возни с хозяйственной „петрушкой“, и он вплотную занялся литературой».

В 1918 году Вячеслав Яковлевич печатает в «Ежемесячном журнале» рассказы «Под колоколами» («Кладбище»), «Кутерьма». «На травку», «Провокатор», «Лунной ночью». В издании «Парус» выходит отдельной книгой повесть «Тайга».

Таким рассказом, как «Провокатор», Вячеслав Шишков дебютирует в новом для себя жанре. Он с присущим ему лукавым юмором позже напишет большой цикл рассказов, вошедших в его отдельные сборники, в собрания сочинений под общим названием «Шутейные рассказы».

Вячеслав Шишков безропотно, со свойственным ему спокойствием переносил все трудности и неурядицы.

Среди старшего поколения писателей, начавших свой творческий путь до революции, шло размежевание, определялось их отношение к происходящим событиям, к Советской власти. Некоторые из них уехали из России: Куприн, Ремизов, позднее Замятин и другие.

Для Вячеслава Шишкова, прочно связавшего свою жизнь с трудовым людом, оставался единственный путь — идти вперед вместе с народом, с народной властью... «Он принадлежал к тем „старикам“, — пишет М. Слонимский, — которые всем сердцем приняли революцию. Литературные юнцы с уважением глядели на этого властного, спокойного человека с седеющей бородой».

Все эти годы Вячеслав Шишков много пишет — очерки, статьи, рассказы и даже по совету Горького пьесы: «Старый мир», «Вихрь», «Грамотеи», «Единение», «Корниловцы», «Дурная трава», «Черный час», «Попутчики» и другие.

В одном из писем к своему сибирскому другу В. Бахметьеву Шишков рассказывает о своей жизни в Петрограде: «Хотя не сходят мозоли с рук и некогда отдохнуть спине, однако я все это не только приемлю, но и благословляю. Живем оба в радости, а ежели и бывает печаль, то в дождливые дни, когда вороны каркают и мало в запасе крупы и масла. О сладких пирогах скушаем редко — душа жива иным и радуется иному».

Вместе с народом он радовался новому, свободному миру. Вместе с народом скорбел о невзгодах, с которыми после стольких лет войны столкнулось молодое Советское государство. Не испугали его ни холод, ни нужда...

Подходила к концу гражданская война. Началась мирная жизнь,

большая созидательная работа по восстановлению разрушенного хозяйства. Вся честная, связанная с жизнью народа творческая интеллигенция включилась в эту огромную работу. Наряду с известными еще до революции писателями, объединившимися вокруг М. Горького (Серафимович, Пришвин, Вересаев, Сергеев-Ценский, Чапыгин, Шишков, Бахметьев, Гладков), в годы революции и гражданской войны появляются новые писатели: Федин, Вс. Иванов, Тихонов, Шолохов, Леонов и другие. По всей стране поднимается новая и могучая поросль молодой советской литературы...

С котомкой за плечами

Теперь уже навсегда, на всю жизнь, до конца заковывает себя Вячеслав Шишков «в позлащенные кандалы литературы». Писательский труд становится для него гражданским долгом.

Во время встреч и бесед с М. Горьким Шишков убедился, что его кругозор все еще недостаточно широк, что в самой России он не сумел разглядеть того, что удалось выявить Горькому. Поэтому Шишков с большим интересом слушал его рассказы, запоминал его суждения и мысли о жизни рабочих и крестьян, о городе и деревне. «Да, да. Темно у нас на Руси, темно, — врезались в его память именно эти слова Горького. — В

особенности в деревне у нас плохо... Никакой духовной жизни, никаких запросов, мужик живет как скот...»

Но ведь это Алексей Максимович говорил о дореволюционной деревне. Но вот свершилась Октябрьская социалистическая революция, победоносно закончилась гражданская война. Миллионы молодых, способных крестьянских сынов были участниками этих исторических событий. Многие из них стали коммунистами и комсомольцами. Они-то и явились той могучей силой, которая поднялась на борьбу со старой, патриархальной деревней.

В годы мирного строительства Вячеслав Шишков продолжает активную творческую работу. Написанные им пьесы «Старый мир», «Вихрь» с успехом шли на сцене в Петрограде, но еще большую популярность завоевали пьесы, примыкающие по своему характеру к «Шутейным рассказам», такие, как «Мужичок», «На птичьем положении», «Единение», «Кормильцы», «Хоровод», «Веселый разговор» и другие. О своих успехах в драматургии Вячеслав Шишков 23 августа 1920 года сообщает в письме В. Бахметьеву: «Теперь я, Милостию Неба (а может, и Земли), заделался драматургом, ха-ха! Очень занятное это ремесло, много веселее, чем беллетристика. Сочинишь комедию, а потом, господи помилуй, перед тобой на сцене живые люди, рожденные не утробой матери, а твоей собственной головой. Да другой раз такое на сцене загнут, что от души хохочешь!»

Позднее в статье, помещенной в сборнике «Как мы пишем», Вячеслав Шишков расскажет, как под влиянием просмотренной им своей же пьесы «Грамотеи», в постановке которой, в поведении зрителей было много любопытных курьезов, он написал известный юмористический рассказ «Спектакль в селе Огрызове».

Кроме драматических произведений, Шишков к первой половине 20-х годов создал около 120 юмористических рассказов.

В 1923 году он задумывает большую повесть «Пейпус-озеро», рассказывающую о гражданской войне, об офицерах, эмигрировавших в буржуазную Эстонию, и о возвращении главного героя Николая Реброва на Родину.

Пишет повесть «Ватага», где отображает стихийные действия одного из «партизанских» отрядов Сибири. С перерывами идет работа и над романом-эпосом «Угрюм-река», и в то же время Шишков продолжает разъезжать по стране.

Походы «с котомкой за плечами» по Тверской и Петроградской губерниям, по Смоленщине и Приволжью, посещение сельских сходов,

беседы с крестьянами были важнейшей частью творческой деятельности писателя. Уж кто-кто, а Вячеслав Яковлевич мог найти общий язык с молодым деревенским активистом — коммунистом или комсомольцем, скромным учителем, послушать недовольного деревенского богатея, священника, осуждающего молодежь за неверие в бога, деревенского знахаря, теряющего своих клиентов, старушку богомолку — все, чем жила деревня после революции, попадало в поле зрения писателя, отражалось в его очерках, рассказах и повестях. Центральные газеты и журналы охотно печатали произведения Шишкова. «Правда» поместила его корреспонденции под рубрикой «Смоленские письма», журнал «Красная новь» публикует путевые очерки «С котомкой», статьи из Приволжья и другие. В журналах «Новый мир», «Красная новь», «Молодая гвардия», «30 дней», «Прожектор», «Красная нива», «Красная панорама», «Красный перец», «Смехач», «Бегемот», «Лапоть» печатаются шутейные и другие рассказы, пьесы и зарисовки. «Первый раз, — пишет Шишков, — иду по своей земле, по Российской Советской Республике, первый раз встречаю свободного мужика, русского республиканца... Мысли его в узелках, в обрывках, как спутанные нитки... Ему надо все сразу, вот сейчас, как в сказке, и руки протянул — давай! История же наградит хорошей судьбой, может быть, только его потомство».

В ноябре 1925 года Шишков пишет из Сухуми в Италию Горькому: «Я гляжу с горы в окно — туман редет, показываются очертания прибрежной полосы, фелюги и даже рыбацьи лодочки вдали. Так постепенно проясняется и советская наша жизнь: из хаоса, тумана постепенно рождаются радующие сердце факты нового строительства, внутреннего и внешнего. Я летами путешествую по деревням, в прошлом году в Костромской, нынче в Новгородской губернии, присматриваюсь, взвешиваю и вижу: делается новое, мужик стал цепким, локти — врозь, стал зубастым, лезет на хутора, заводит многополье, сеет клевер, выращивает племенной скот, жрет самогонку и в пьяном виде, конечно, поругивает Советскую власть. Но в душе, конечно же, думает, что эта власть всамделишная, она старается для мужика».

Далее Вячеслав Шишков рассказывает про Боровичский уезд Новгородской губернии, где 200 деревень освещаются электричеством, где на электрифицированном гумне быстро обмолачивается хлеб, имеются лесопилки и мельница, сообщает также о том, что работает над брошюрой об электрификации деревни. Литературных тем, житейских фактов у Шишкова накопилось много. И пишет он теперь «и смешное, и соленое, и горькое. Тянет на смешное, чтоб весело было читать и чтоб в душе

получался осадочек».

Не мог оставаться Шишков писателем одной темы, пусть и неисчерпаемой, крепко связанной с его «второй родиной» — с Сибирью! Не мог отсиживаться он и за писательским столом, когда в стране происходили столь грандиозные перемены.

Все, что делалось в деревне, особенно волновало и трогало писателя. Деревенская тема и по духу и по материалу была близка Шишкову. Многие проблемы деревни 20-х годов, с которыми сталкивался Вячеслав Шишков, о которых он писал в своих очерках, перекликались с темами статей В. И. Ленина «Странички из дневника», «О кооперации», напечатанных в «Правде» в 1923 году.

В своих очерках «С котомкой», «Приволжский край» Вячеслав Шишков поднимает вопросы культурной работы в деревне, рассказывает о комсомольцах, о молодежи, показывает их самоотверженную борьбу с невежеством, суеверием. В очерках много внимания уделяется деятельности сельских Советов, волисполкомов; приводится немало жалоб крестьян на то, что некоторые служащие пьянствуют, берут взятки и тем самым подрывают авторитет Советской власти.

Вот что рассказал об этом Шишкову деревенский ветеринар Степан Степанович: «Среди местных исполкомов, как в городах, так и в селах, вместе с хорошими идейными людьми работают иногда и шушера, взяточники, пьяницы. Это раздражает мужика. Мужик говорит: „Мысли-то у них боевые, а исполнители плохие“. И мужик прав, — замечает Шишков. — Но это, конечно, вопрос времени: постепенно у власти встанут люди, преданные не своему брюху, а своему народу».

И как бы в подтверждение своих мыслей Вячеслав Шишков пишет: «А познакомился я с комсомольцами в их клубе, наверху чайной. Я обещал им прочесть свои рассказы. Разговор был днем. Кудрявый молодец, оказавшийся секретарем коллектива молодежи, сумел привлечь к вечеру слушателей не только из своего села, но успел оповестить и другие деревни.

— У нас дисциплина, — гордо заявил он. — Раз кому приказано — беги, хочешь на своих ногах, хочешь верхом. Восьми человекам наряд был дан.

Перед чтением я присутствовал на деловом заседании коллектива. По-настоящему шевелят мозгами и сызмальства приучаются скопом обсуждать и решать свои дела».

В одном из очерков Вячеслав Шишков рассказывает о работе Ретинской школы первой и второй ступеней, о стремлении сельской

молодежи к учению, о тяжелом материальном положении учителей, ставит вопрос о коренном улучшении их быта, о повышении заработной платы.

В. И. Ленин писал в это время: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения»^[19].

Ленинские мысли о народном образовании, об искоренении «полуазиатской бескультурности» были созвучны мыслям Шишкова. По воспоминаниям В. Бахметьева, смерть В. И. Ленина Вячеслав Яковлевич «воспринял как величайшее народное горе». Поэтому в первый же приезд в Москву он пошел на Красную площадь, чтобы поклониться великому другу и вождю народа Владимиру Ильичу Ленину...

К сожалению, «хождения» Шишкова в отдаленнейшие районы Европейской России были внезапно прерваны: возле деревни Овсянкино Вячеслав Яковлевич перепрыгнул через глубокий ров и повредил ногу. У него оказалось растяжение сухожилия, разрыв мускульной ткани с внутренним кровоизлиянием. Как ни старалась местная бабка-костоправка Фекла лечить ногу, боли не унимались, и Шишкова отвезли в город Буй, а оттуда пришлось добираться до Петрограда. Долго и мучительно предстояло ему лечить поврежденную ногу.

«Теперь лечусь горным солнцем и массажем, — писал он позднее из Крыма Бахметьеву, — обожгли лучами всю ногу — ни лечь, ни сесть». Несмотря на болезнь, он продолжает работу... Вячеслав Яковлевич подготовил для издательства «Земля и фабрика» собрание сочинений в 12 книгах, объемом около 150 авторских листов. Первый том открывался повестью «Тайга». В нем же были помещены обзорная статья о творчестве Шишкова критика П. Медведева и автобиография писателя. Над портретом автора и обложкой работал художник В. М. Кустодиев.

В эти годы крепнут дружеские связи Шишкова, растет его популярность среди читателей. «Изучение читательских запросов в Ленинграде и в Москве, — пишет В. Бахметьев, — утверждало неубывающий спрос на книги Шишкова. Так, одна из Ленинградских массовых библиотек располагала свыше ста экземплярами его книг — по несколько на каждый том, и этот сравнительно большой запас не в

состоянии был удовлетворить требования читателей. В одной из рабочих библиотек Москвы (клуб завода „Серп и молот“) имевшиеся на полках книги „зачитывались до дыр“. Обследования библиотек южных районов Украины, произведенные профессором Л. Коганом, показали, между прочим, что, по данным более двух тысяч читательских анкет (рабочих и крестьян), Вяч. Шишков по спросу читателей занял среди современников первое после Горького место, читался он наравне с Чеховым и Короленко».

В первом собрании сочинений «Шутейным рассказам» отведены четыре тома из двенадцати.

Юмор — это вторая сторона дарования Вячеслава Шишкова. Одну сторону он называл «суровой, реальной», другую — «шутейной». «Все мои „трагические“ темы перемешаны с юмором, — на мой взгляд, это делает вещь жизненной и правдивой», — писал Шишков в 1934 году.

Юмористические рассказы Вячеслава Шишкова, посвященные советской деревне 20-х годов, дружелюбны и беззлобны, доброжелательны по своему характеру. Вячеслав Шишков — юморист, заботится главным образом об очищении складывающихся новых общественных отношений от скверны прошлого.

Каждому, кто жил и работал в эти годы в деревне, помнится деятельность первых партийных и комсомольских ячеек. Приметными были бедовые парни — комсомольцы. «Семь значков системы МОПРа на груди его висят...» — писал о таких ребятах Александр Прокофьев. — Именно они под руководством коммунистов боролись с кулаками, самогонщиками, пьяницами, порой неумело, но всегда искренне вели они антирелигиозную пропаганду, ставили на примитивных сценах в клубах и школах спектакли, устраивали концерты. Это была жизнь сложная, полная самых высоких устремлений.

Она, эта пора 20-х годов, нашла своеобразное отображение в очерках, шутейных рассказах и пьесах Вячеслава Шишкова. Во многих произведениях — показаны типичные явления деревенского быта той поры, характерные не только для села Огрызова («Спектакль в селе Огрызове») или деревни Темноватой (рассказ «Гумага»), но и для многих российских сел и деревень.

Самодеятельные спектакли были весьма распространенной формой культурно-массовой работы в деревне. О настроениях деревенской молодежи того времени хорошо написал в своем раннем стихотворении «В день моего ухода» известный поэт Александр Решетов:

Битый голодом,
Битый громом,
Одиночеством, темнотой,
Озираясь, к миру другому
Я тянулся юной мечтой...

С книгой прячась в глуши сосновой
От ударов и от обид,
Узнавал я о доле новой,
Что в душе и сейчас горит.

К ней ничем путей не закажешь —
Ни насмешками, ни клюкой,
Свет ее не погасишь даже
Материнской родной слезой...

Так я шел мимо хат, амбаров,
Хуторских обходя собак.
И редел на дороге старой
Предрассветный сентябрьский мрак...

Конечно, пьеса бывшего красноармейца Павла Мохова, героя рассказа «Спектакль в селе Огрызове», — неумелое произведение, но значение его заключалось в том, с каким огромным энтузиазмом и увлечением Мохов сочинял и вместе со своими товарищами ставил пьесу. Все это они делали сознательно, чтобы люди не жили «как самая отсталая национальность».

И хотя спектакль провалился, над ним смеялись, Павел Мохов все-таки не уронил своего достоинства в глазах зрителей. Он сделал большое и важное дело. Что-то новое и серьезное вошло в серую, скучную и однообразную жизнь огрызовцев. Его труд, его благородный порыв, его старания не остались без внимания... Мучительно переживал Павел Мохов свои неудачи, неудачи своих друзей. Он ушел за кулисы и долго как ребенок плакал. Комическое в рассказе переплелось с драматическим.

«Васютин — представитель уездного культагитпросвета — пошел на сцену и в недоумении остановился.

— Товарищ Мохов! Как вам не стыдно? Вас вызывает публика. Слышите? Ну пойдите скорей.

Павел Мохов вытер кулаками глаза и уже ничего не мог понять, что с

ним происходило. Куда-то шел, где-то остановился. Из полумрака впились в него сотни горящих глаз...

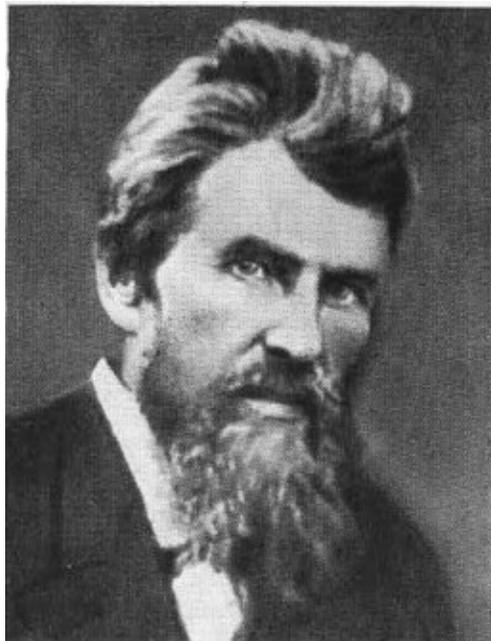
— Товарищи, у вас теперь свой Народный дом, свой драматический кружок. А кто организовал его? Да конечно же, бывший красноармеец товарищ Мохов. Ежели спектакль прошел не совсем гладко, это ничего, ведь это же первый опыт, товарищи. Вот перед вами тот самый автор, сочинитель пьесы, которой вы только что любовались... Почтим его. Да здравствует талантливый Павел Мохов! Bravo! Bravo! — захлопал Васютин в ладоши, за ним — сцена, за ней — весь зал.

— Бра-в-во! Биц-биц! Bravo! Молодец, Пашка! Ничего... Жалаим...

— ...Ничего, дядя, все наладится... Вот только ученья во мне недостает, это факт. Поеду-ка я за просвещением в город. А как вернусь, уж вот спектакль загнем, уж вот загнем! И обязательно библиотеку устрою, чтоб наше Огрызово село было передовым...

И Павел Мохов направился в город на курсы избачей».

Вячеслав Шишков учился у великих русских писателей, главным образом у Гоголя и Чехова, мастерству и умению показывать и смешное и грустное. Усвоение классического наследия и большая кропотливая работа над словом, знание жизни и определяют своеобразный и необычный шишковский юмор.

Яков Дмитриевич Шишков.

Сестра Катя, мать Екатерина Ивановна и отец В. Шишкова.

Школа, в которой учился В. Шишков.

Вячеслав Шишков с сестрой Марией накануне отъезда в Сибирь.

В. Шишков — ученик Вышневолоцкого училища (1891 г.).

Вячеслав Яковлевич с матерью и сестрой Екатериной (1900 г.).

Ледоход на реке Томь.

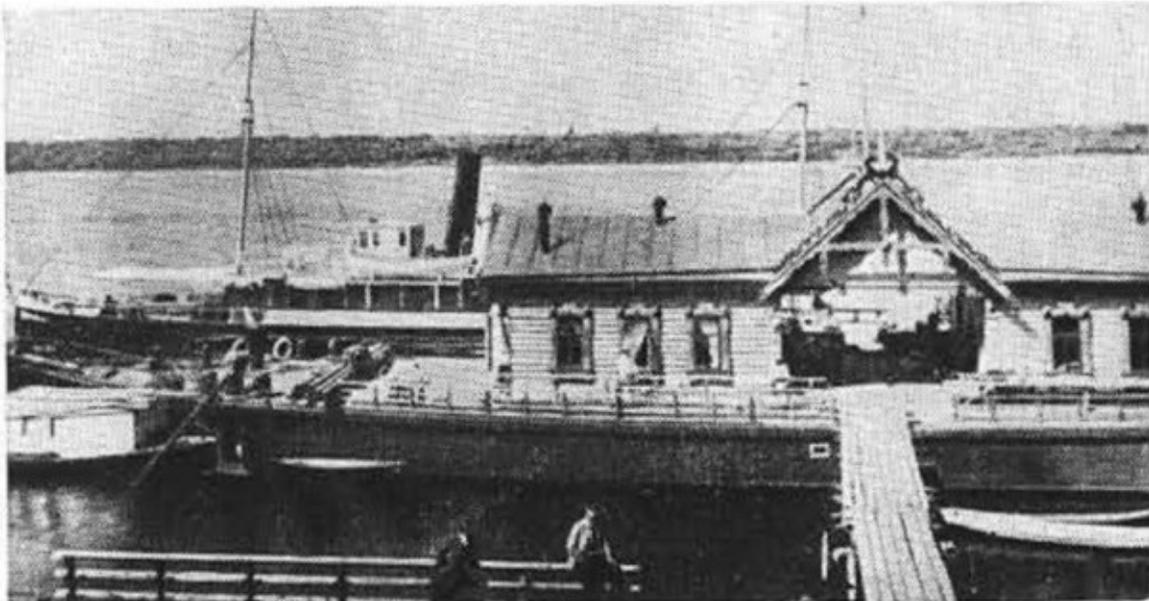
Вячеслав Шишков в своем кабинете (1912–1915 гг., Томск).

В. Я. Шишков (г. Томск, 1900 г.).

Дом в Томске, где жил Вячеслав Яковлевич.

В. Шишков перед отъездом экспедицию (1906 г.).

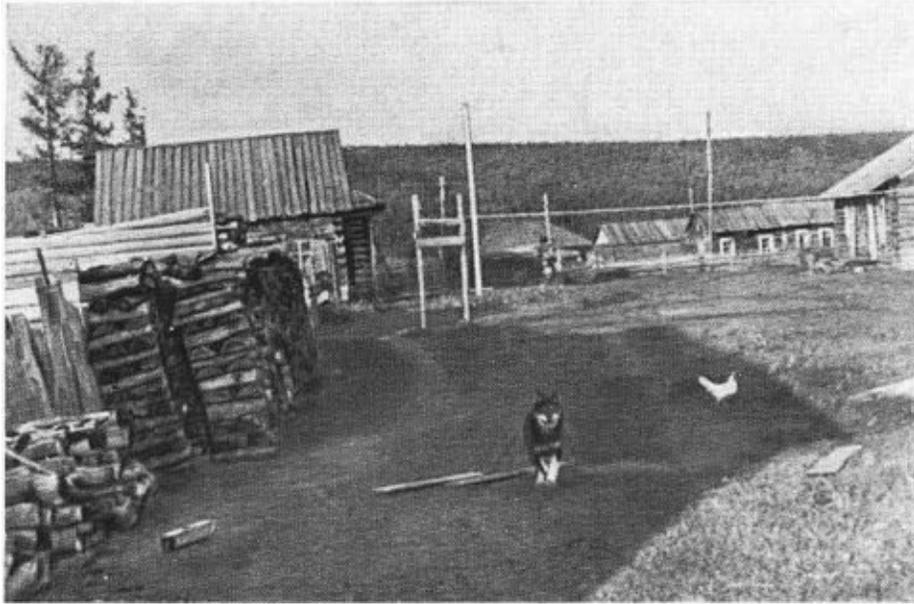
Две семьи тунгусов-кочевников возле чума (фото В. Шишкова, 1911 г.).

Шаман Николай Дондин и его дочери (фото и подпись к нему В. Шишкова, река Нижняя Тунгуска, 1911 г.)

В. Я. Шишков (1912 г.).

Деревня Непа на Нижней Тунгуске (1911 г.).

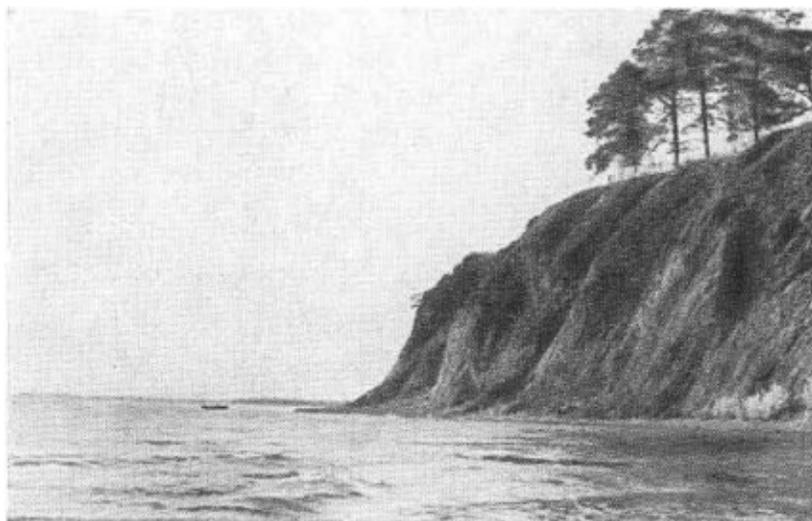
Киргизы в юрте на Иртыше (1906 г.).

Домик на берегу Нижней Тунгуски, в котором останавливался Шишков.

В. Шишков среди участников экспедиции (1910 г.).

Река Ангара (1911 г.).

Вячеслав Шишков.

В. Шишков и К. Жихарева (1914 г.).

Алтайские девушки (фото В. Шишкова).

В. Шишков на отдыхе (экспедиция по изучению Чуйского тракта, 1914 г.).

Чуйская экспедиция (1914 г.).

В. Шишков со своей изыскательской группой (1910 г.).

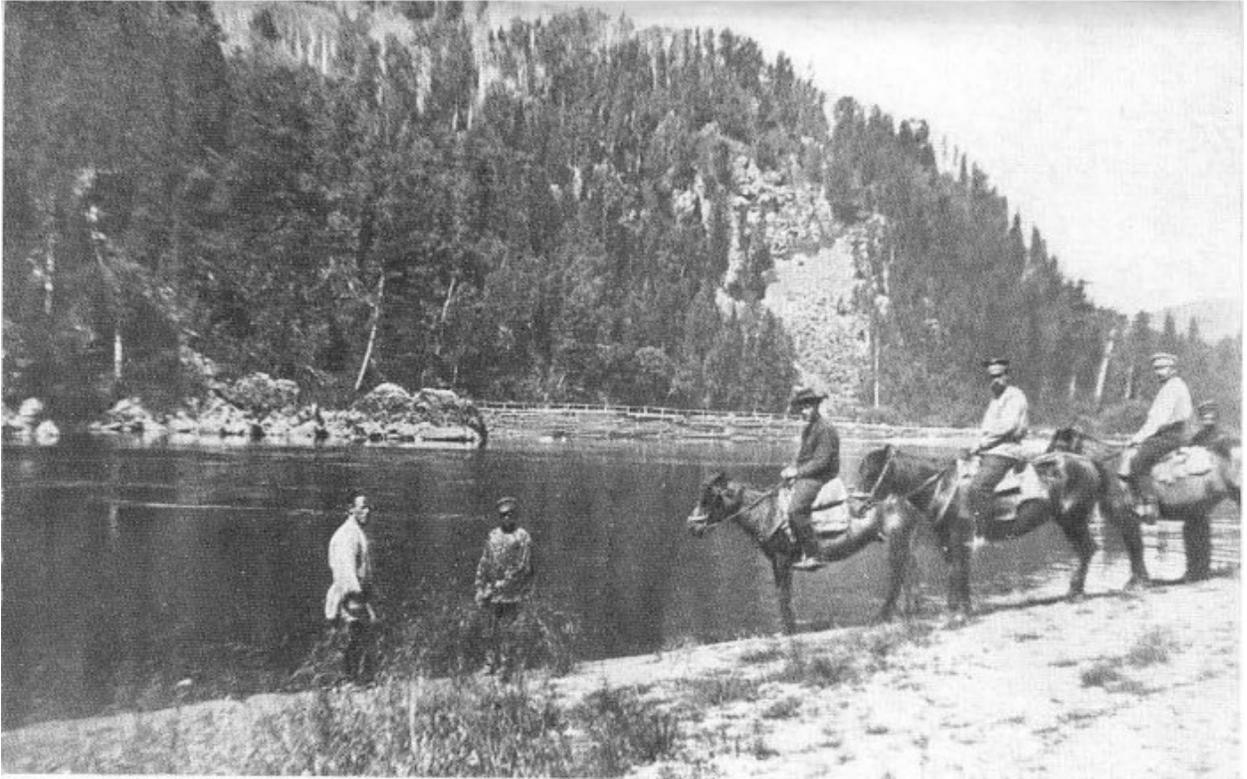
В. Шишков и техники экспедиции (1910 г.).

Алтай. Жители Чуйской долины (1914 г.).

На реке Бии.

Экспедиция на Алтае (1910 г.).

В. Я. Шишков (1914 г.).

Появление «Шутейных рассказов» Вячеслава Шишкова, юмористических рассказов М. Зощенко, первого романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» связано с нэпом, во времена которого социальные конфликты стали обнаженной.

Именно в эти годы в Москве и Ленинграде издавалось несколько сатирических журналов, в которых часто печатались произведения В. Шишкова, М. Зощенко, М. Кольцова. От редакций журналов Шишкову и другим авторам поступали заказы, подсказывались темы, может быть,

иногда и не совпадающие с творческими планами писателя, и тогда, видимо, не всегда получался рассказ таким, каким бы его хотелось видеть автору.

«Рассказы мелкие шутейные, — отмечает Шишков в сборнике „Как мы пишем“, — возникают и пишутся двояко. Когда хочется безотчетно смеяться или через смех сознательно грустить, рассказ получается живой, веселый, он течет легко, как родник. Но бывает необходимость высказаться, а не осмыслить, как сказать. Тогда рассказ переделывается по три, по четыре раза, он становится все суше, мертвенней, хотя, может быть, поверхностно изящней. Словом, после большой затраты сил рассказ в конце концов уподобляется дистиллированной водичке, не вредной для здоровья, но противной».

Факты и события, отраженные в «Шутейных рассказах», весьма разнообразны по содержанию. Почти все виденное, а порой и услышанное, кем-то рассказанное, вычитанное в газетах будило творческую фантазию автора.

Наряду с актуальными и злободневными рассказами Шишков создал и ряд проходных рассказов: «Змея», «Гром», «Усекновение», «Кот Васька», «Сочувствующий», «Клетчатые брюки», «Жара», «Настюха», «Зайка» и другие, основу которых составляли забавные и смешные ситуации. Многие из этих рассказов не выдержали испытания временем и ныне уже не представляют интереса для читателей.

К «Шутейным рассказам» как по содержанию, так и по материалу примыкают лирические рассказы, в которых конфликты, как правило, разрешаются счастливо для героев. В таких рассказах только кое-где, местами промелькнет шутка, а в основном от них остается ощущение грусти, сердечной жалости, сострадания, которое испытывает автор к своим героям.

«Осень. Лист поблек, наполовину облетел, и заря за рекой цвела холодной бледно-зеленой сталью.

Сон еще далек, деревня в вечерних хлопотах: бабы доят коров — пахнет молоком, — запоздалые девичьи руки торопливо доканчивают нужную работу — мялка деревянно стучит вот у тех ворот, и травянистые стебли льна превращаются в пепельно-серые волокна. Воздух свеж, стеклян, и стеклянна река, на студеном стеклянном небе вспыхнули бледные точки звезд, и мутно-белый туман зачинается у померкших берегов. Через туман, через стеклянную гладь остывших струй тоскливо маячит на том берегу огонек...»

Так начинается полный драматических событий рассказ «Свежий ветер».

Один из героев рассказа, Терентий, пьянствует, измывается над своей женой. От постоянных побоев она прежде времени превратилась в старуху, оглохла. «Жена Терентия, тетка Афросинья, хотя моложе его на пять лет, но в сравнении с ним старуха. Угловатая, сухая, сутулая, правый глаз в кровоподтеке заплыл, левый — с ненавистью и неизъяснимой скорбью смотрит на гуляк». Но вот вернулся из Красной Армии Петр — старший сын Терентия. Он вступился за мать и объявил «войну» отцу. Кончилось это тем, что в один из дней разбушевавшегося, с топором в руках отец Петр вынужден был усмирить выстрелом из охотничьего ружья. Терентию раздробило выстрелом руку, которую пришлось ампутировать. Но и это не отрезвило Терентия. Он подал на сына в суд. Вся молодежь пришла на заседание суда, чтобы защищать Петра. Комсомолец Галкин сказал: «...И обратите, товарищи, внимание, как деревня разлагается по всем слоям. Пьянство, разбой, поножовщина... Мужья калечат жен, отцы — детей. А кругом такая тьма, как в непроходимых брынских лесах. И это наша Россия, новая Россия, за которую, за благо которой пролито столько человеческой крови и всяких легло жертв!.. Может быть, старики приняхались, им ничего, по нраву, а нас от такой России, откровенно скажу, тошнит... Наша молодая душа, товарищи, такую Россию не желает. К черту ее! Даешь новую Россию!! Даешь новую жизнь! К черту пьянство, к черту самогон...»

Петр Гусаков был оправдан. Стало спокойнее в деревне: присмирели и приутихли хулиганы. Рассказ кончается такими словами: «Свежий ветер с размаха бросается на избы, метет поля, взвиваясь до самых туч, и, ворвавшись в лес, набитый нежитью и лешими, валит с ног подгнившие дубы».

«Ах и ночи бывают ранней осенью — задумчивые, мудро-грустные. Крепко спят живыми снами осиротевшие леса, нивы, луга, воздух. Но земля еще не остыла, в небе стоят звезды, и через широкую реку протянулся зыбкий лунный мост. На середине реки большая отмель, и через голубоватый полумрак слышны долетающие оттуда странные крики журавлей. Осенние птицы крепки, сыты, веселы и перед отлетом в теплый край затеяли игру...

— Танюха, чу!.. Пляшут... — сказал Андрей.

— И то пляшут, — ответила девушка. — Давай в лодку, поплывем...»

Начало лирического рассказа «Журавли», казалось бы, не предвещает

ничего драматического. Осень, игра загадочных перелетных птиц окрасили чувства молодых людей в радостные светлые тона... Андрей и Татьяна зарегистрировали свой брак по-новому, в сельском Совете. Таня живет у отца, но он не желает видеть у себя в доме Андрея.

«— Я тебе перейду, — ругал он Андрея, когда тот заговорил с ним о переходе к своей жене. — Много таких мужьев поганных найдется... Отлыниваешь ты, черт... Испакостил девку, да и...»

А родители Андрея не приняли в свой дом Таню. «Женись на девке по-настоящему, вокруг наля», — говорили они Андрею.

«— Я по декретам желаю жить, — отвечал Андрей, — раз новые права, надо уважать».

Горестно сложилась судьба Тани. В мучениях она родила ребенка, который через день умер. Поползли вокруг ее имени гнусные слухи. Поверил сплетням и Андрей. Охладели его чувства к Тане. Ловко воспользовалась этим давно равнодушная к Андрею молодая, красивая вдова Настасья. Окрутила она, околдовала его, и Андрей согласился на ней жениться. Пережила все это, перестрадала Таня. Оправилась. Хоть и хороша она была собой, однако никто теперь на нее не заглядывался. Крепко держались в селе старые предрассудки. Так и считали Таню гулящей, незамужней...

Несказанно обрадовалась Таня, когда брат пригласил ее к себе в Питер.

«Раз сама пишешь, что жить тяжело, собирайся ко мне. Я тебя определю на курсы, человеком будешь».

«Прощай родимое село!

Настасья едва оттащила смущенного Андрюху от окна. Григорий, надвинув шапку, помахивал кнутом и весело насвистывал, но его сердце ныло. На телеге Татьяна. Она собиралась искать судьбу. Милое лицо ее свежо и радостно. Просветленные глаза упорно смотрят вдаль. Но даль туманна, и над головой висит туман.

И сквозь туман падают на землю вольные крики перелетных журавлей. Летят на юг, прямо к цели.

Что им туман, когда в вышине простор и солнце».

Нет ничего удивительного в этих переходах Вячеслава Шишкова от шуточного к грустному и от грустного к смешному. Такова была жизнь: «То разгулье удалое, то сердечная тоска». Со смешным живет грусть, с горем — веселье. Так и сказывает старая русская поговорка: «Где радость, тут и горе; где горе, там и радость».

И смешное и грустное талантливо отображено Вячеславом Шишковым не только в шуточных и иных рассказах, юмор всеми своими красочными

народными узорами расцвечивает и «Угрюм-реку», и «Емельяна Пугачева».

В эти годы происходят серьезные изменения в личной жизни Вячеслава Шишкова. В 1921 году в Бежецке скончался его отец. «На похороны, — вспоминает Алексей Шишков, — собралось все молодое поколение Шишковых, кроме брата Мити, который жил в Томске и не мог приехать. Очень давно в таком составе мы не собирались в родном доме... Смерть отца для нас была большим горем. Все мы, и особенно Вестенька, отца очень любили. Хорошими своими письмами он ободрял, подбадривал и как-то связывал всю нашу большую семью... Долго мы говорили об устройстве домашней жизни наших сестер, которые все время жили с отцом. Сестрам Вестенька передал дом, но при этом заметил, что продавать его не следует, так как, быть может, кому-либо из братьев позднее придется вернуться в родной дом».

Путешествия по Руси, большая и напряженная литературная работа в какой-то степени неблагоприятно сказались на отношениях Вячеслава Яковлевича с К. М. Жихаревой. Во всех письмах к близким и друзьям он всегда тепло и сердечно отзывался о своей жене, слал поздравления и поклоны не только от себя, но и от нее. Но вот уже в июне 1924 года в письме к своему лучшему другу В. П. Петрову Вячеслав Яковлевич совсем не упоминает Ксении Михайловны.

В ноябре 1925 года в письме к М. Горькому Вячеслав Шишков со свойственным ему юмором пишет: «А с Ксенией Михайловной Жихаревой я разошелся 1 1/2 года тому назад. Теперь человек одинокий, богатый, нет ли у Вас на примете молодой вдовы-итальянки, желающей выйти замуж за советского писателя, говорящего лишь на одном русском и немножко на тунгусском языках?»

Разрыв с Ксенией Михайловной был неожиданным для Вячеслава Яковлевича, и он переживал его мучительно. Нам кажется, что на одну из причин этого события указывает в своих воспоминаниях Алексей Яковлевич Шишков.

«Однако и второй брак Вестеньки оказался неудачным. Ашлова (первая жена. — *Н. Е.*) не сумела в свое время понять глубину и богатство души брата. В ее глазах он мало чем отличался от окружавшей их молодежи. Не то — Жихарева. Ксения Михайловна была женщина образованная, известная в литературных кругах как хорошая переводчица. Очень самолюбивая, она считала своим призванием находить и выдвигать молодые литературные таланты. Она быстро разглядела и оценила творческие способности брата и всемерно старалась ему помочь. Впрочем,

под непосредственным руководством Горького Вестенька настолько быстро становился самостоятельным в своем творчестве, что литературное влияние Жихаревой все больше и больше ослабевало. Брат тяготел к кругу демократических писателей, близких к Горькому, а это было чуждо Ксении Михайловне».

Почти три года Вячеслав Шишков живет одиноким, отдаваясь литературному труду, общественным обязанностям, поездкам по России. Он много сил уделяет работе в организации писателей, участвует в литературных собраниях и конференциях, рецензирует рукописи начинающих авторов, дает им советы. Он все чаще и чаще выступает с чтением своих произведений.

Об одном таком выступлении среди студентов Ленинградского университета Шишков рассказывает в своем письме к профессору П. С. Богословскому: «Вчера я с 8 до 11 вечера с двумя пятнадцатиминутными перерывами читал студентам в актовом зале университета. Весь зал — битком (актовый зал вмещает около 900 человек. — *Н. Е.*), а те, кто не попал, едва не выломали дверь. С такими бурными овациями меня еще нигде не встречали. Хотя я охрип, надорвал голос, но получил большое нравственное удовлетворение».

Публичные выступления Вячеслава Шишкова слушатели любой аудитории принимали с большим интересом. Читал он самые смешные вещи серьезно, без улыбки; выразительно передавал речь своих героев. Это было мастерское чтение, которому мог позавидовать иной актер. Интересно было наблюдать, когда Шишков выступал вместе с М. Зощенко. Помню, как заразительно смеялись летчики-планеристы, слушавшие их в Коктебеле.

Неустроенность, одиночество порой сказывались на настроении писателя. Вот-вот да промелькнет в письмах к друзьям грустинка: «Живу в хорошей, — пишет Шишков К. А. Федину, — но дорогой — 60 руб. в месяц — комнате, на юг, на море — просторы передо мной невообразимые, а за спиной стена Кавказа — не перескочишь: Россиюшки не видно... И поэтому скучно, одиноко. Под „Россиюшкой“ мыслю все родное, близкое, главное — милых друзей, милых женщин, любовь свою, которой нет ни там, ни здесь».

В эти годы Вячеслав Шишков ведет деятельную переписку с П. С. Богословским — профессором Пермского университета, который исследовал творчество писателя. Он подробно сообщает ему, что помещено в томах его собрания сочинений, выходящих в издательстве «Земля и фабрика», рассказывает о своих планах. Письма идут то из Ленинграда, то

из Сухуми, то из города Ждани. Писатель все время в разъездах: летом 1926 года он в Пскове, знакомится с древними архитектурными памятниками, затем направляется в Бежецк — к родным. В октябре и ноябре 1926 года в Кисловодске лечит «пошаливающее сердце». Однако ни один год, как бы он ни был тяжел и как бы ни одолевали недуги, у Шишкова не остается бесплодным. В 1925 году им написаны рассказы «Алые сугробы», «Весенний сон», «Отец Макарий», «Комар», «Лайка», «Кольцо», «Земля и лес», «Петух», «Трагический случай» и другие. В сборнике «Наши дни» печатается «Пейпус-озеро», в Госиздате выходит повесть «Ватага». В 1926 году, несмотря на длительные поездки в Псков, Бежецк, Кисловодск, написаны рассказы: «Бакланов — таежный волк», «Кот Васька», «Усекновение», «Плотник», «Бракосочетание», «Трубка», «Режим экономии», «Диктатура», «Редактор», «Светлый грех», пьеса «Веселый разговор», вышло также несколько томов собрания сочинений.

В январе 1927 года Вячеслав Яковлевич решает перебраться на постоянное жительство из Ленинграда в Детское Село. Ему приглянулся этот маленький, утопающий в зелени городок с его тихими липовыми аллеями, пушкинскими местами, где все располагало к спокойному раздумью над новыми произведениями и где можно было хорошо отдохнуть после напряженной работы.

Здесь Вячеслав Яковлевич обрел душевный покой и наконец-то нашел подлинное счастье, женившись на Клавдии Михайловне Шведовой. Он по-прежнему, несмотря на шестой десяток лет, молод и непоседлив. «26 июля 1927 года, — пишет В. Бахметьев, — отпраздновав в кругу близких друзей договор двух сердец, как выразился Вячеслав Яковлевич в одном из своих писем, он и Клавдия Михайловна отправились в Вышний Волочок, к брату Алексею Яковлевичу, затем через Москву пароходом до Нижнего и дальше в Пермь». Здесь Шишковы встречаются с П. С. Богословским, который познакомил их с городом. Из Перми по Каме и Волге они едут в Рыбинск и затем в Бежецк — к сестре Марии Яковлевне.

«Я в свое время достаточно постранствовал по Сибири первобытным способом, — писал Шишков об этом путешествии в журнале „30 дней“, — верхом на лошади, на оленях, на плотах, на лодках и „по образу пешего хождения“. А вот сейчас мы с женой неспешно проплываем на великолепном пароходе в Пермь через Москву-реку, Оку, Волгу, Каму. Этим маршрутом от Москвы до Нижнего я еду впервые и не раскаиваюсь: путь этот замечателен и красотой своей, и возможностью широкого знакомства с промышленным Приокским краем.

Уходящие в седую глубину времени достопримечательности щедро

разбросаны историей по рекам Москве и Оке: город Коломна, основанный в 1152 году, Касимов, старая Рязань, Муром с полумифическим пригородом своим селом Карачаровом, родиной мужичьего богатыря Ильи...» Затем, что называется, не переводя дыхания, Шишковы едут в Сочи, Гагры, Новый Афон, Сухуми, Батуми, Зеленый мыс, Тифлис.

Во второй половине 20-х годов, в 30-е годы многие ленинградские писатели также предпринимают длительные поездки по стране. Яркие произведения после путешествия в Среднюю Азию и на Кавказ выпускает Н. С. Тихонов. Много путешествовал по стране один и вместе с Шишковым Алексей Толстой.

В 1928 году Шишковы побывали в Старой Руссе, Велибицах, в Новгороде. На следующий год осенью они в Ростове (Ярославском), в Ярославле Вячеслав Яковлевич посетил текстильную фабрику «Красный Перекоп», познакомился с рабочими. Многие приглашали его к себе, и вечерами он охотно вел с ними душевные беседы.

Клавдия Михайловна Шишкова рассказывала, что поездки Вячеслав Яковлевич вместе с ней совершал почти каждый год. Во время их Вячеслав Яковлевич делал все для того, чтобы побольше и почаще встречаться с рабочими и крестьянами. Вместо плацкартного или мягкого вагона он брал билет в общий, в котором всегда находил спутников по душе и просиживал с ними до поздней ночи, беседуя о жизни.

В 1930 году Вячеслав Шишков вместе с Алексеем Толстым совершает большую поездку в Сталинград, Ростов-на-Дону, Краснодар и другие южные города. Они побывали на Сталинградском тракторном заводе, Сельмашстрое, в совхозе «Гигант». В своих письмах об этой поездке Вячеслав Шишков выражает чувства радости и гордости за свою социалистическую Родину, за те исполинские дела, которые совершаются в ней.

Поездки по стране, знакомство с новыми индустриальными предприятиями, колхозами и совхозами, общение с советскими людьми были Вячеславу Шишкову необходимы.

В этих путешествиях писатель черпал материалы не только для очерков и рассказов, но и для своих исторических произведений и в первую очередь для «Емельяна Пугачева».

В сборнике «Как мы пишем» Вячеслав Яковлевич рассказывает, как, встречаясь с рабочими, крестьянами, он «обогащался», записывая в книжечку незнакомые слова, интересные выражения, фразы: «Зима скоро ляжет: лес-то задумываться стал», «Тихо падал снег — гость небесный».

Не только очерки и рассказы, появлявшиеся из-под пера Шишкова, но

и его последующие исторические произведения пропитаны народной мудростью.

По пути к «Угрюм-реке»

Казалось бы, что вслед за «Тайгой» автор вплотную займется «Угрюм-рекой». Тема этого романа-эпопеи зародилась у Вячеслава Шишкова гораздо раньше, чем он приступил к ее осуществлению. Неизгладимые впечатления, связанные с памятным путешествием на Нижнюю Тунгуску. Записи и зарисовки позднее и стали основой «Угрюм-реки». Но уже в 20-е годы писатель был и морально и творчески подготовлен к тому, чтобы писать роман, он тщательно разработал план, основанный на хорошо изученном материале, на глубоком знании людей, событий, фактов, природных условий.

Но все произошло по-другому. В промежутке между «Тайгой» и «Угрюм-рекой» Вячеслав Шишков создал столько разных по содержанию произведений, что они составили целый этап в его творческой биографии.

Прежде всего писатель вновь вернулся к тому жанру, с которого начинал свою литературную деятельность в Сибири, — к жанру очерка.

После Октябрьской социалистической революции Шишков пришел к выводу, что его новый роман, который он начал обдумывать еще в 1918 году, будет не ко времени, что сейчас надо оперативно откликаться на текущие события. Писатель должен изучать новые явления в жизни страны.

«В наше советское время, — писал Шишков в 1943 году, — я не сидел на месте. Жизнь кабинетного литератора была чужда мне. Пока были силы, я путешествовал, не чураясь и пешего странствования».

А роман «Угрюм-река» из года в год откладывался. «Я предвидел, что так долго буду писать его, — сообщает Шишков в книге „Как мы пишем“, — он психологичен, несовременен, поэтому работа над ним часто перебивается новыми темами, с отрывом от романа на год, на два».

Но в одном, нам кажется, был не прав автор — в том, что «Угрюм-реку» считал «несовременным» романом. Этого мнения он придерживался в течение всего периода работы над романом вплоть до его издания.

Но все было к лучшему. Параллельно с работой над «Угрюм-рекой», как бы попутно, Шишков написал и опубликовал книгу интересных очерков о деревне 20-х годов «Ржаная Русь», четыре книги «Шутейных рассказов», несколько пьес, часть рассказов о сибирской жизни и такие крупные вещи, как «Ватага», «Пейпус-озеро» и «Странники».

Весь этот промежуток времени был весьма плодотворным для Шишкова. Автора увлекла жизнь советских людей, проявляющаяся в разных аспектах. Для него не существовало второстепенных жанров: требовалась для самостоятельных коллективов пьеса — Шишков ее создавал. Хотя отлично понимал, что драматургия не есть его истинное призвание. Нужны были очерки для «Правды», для журналов, отображающие жизнь деревни, он ехал или шел пешком в самые глухие уголки России. Ему надобно было лично посмотреть, изучить, как старый деревенский уклад «перевивается с былью наших дней».

Алексей Максимович по-писательски завидовал Шишкову в том, что он имел возможность, путешествуя по стране, изучать и наблюдать новую Россию.

«...За эти годы, — писал он в 1925 году Шишкову, — я читал в разных журналах Ваши очерки российской жизни и всегда, с благодарностью Вам думал: как это бодро, надежно и как — поэтому — хорошо, нужно...

Далеко я от России, но мне кажется, что в ней есть чему порадоваться. Вы — утверждаете это...

Вообще такие, как Ваши, очерки современной деревни замечательно своевременно и хорошо рисуют текущую жизнь»^[20].

А. М. Горький с большим одобрением относился к походам и поездкам Вячеслава Шишкова по России и высоко ценил литературное и общественное значение его очерков и шутейных рассказов.

Одной из крупных и спорных вещей, написанной вслед за «Тайгой», является повесть «Ватага». В ней Вячеслав Шишков попытался отразить малоизвестную ему тему — партизанскую борьбу в Сибири. Его внимание привлекла роковая судьба Рогова, который, по официальным сведениям, со своей ватагой убил в Кузнецке более 500 человек. Вначале Шишков на основе свидетельств одного ответственного работника об этом страшном событии собирался написать рассказ, но в процессе работы планы его изменились, и заурядный разбойник Рогов трансформировался в фантазии автора в эдакого сибирского богатыря, борца за кержацкую правду — Зыкова.

Но именно на этом пути автора подстерегали неудачи. Дело в том, что какие-то толком не оформившиеся в сознании Зыкова идеи борьбы за народ, за правду меркнут, тонут в кровавых, разбойных злодеяниях.

Дела Зыкова — бандитские, звериные. Поэтому его выкрики «Сердце мое за народ кипит», его распоряжения выдавать бедным горожанам разграбленное добро ничего не стоят. Это лишь напоминает лозунги и действия «белых» и «зеленых» банд времен гражданской войны. Зыков как вожак своей ватаги и не пытался унять самых ярых истязателей и насильников (Наперсток, Срамных), пресечь их низменные, садистские чувства.

Но он и сам разбивал черепа безменом, как закоренелый палач. Главного своего бандюгу — каторжника, рубившего топором головы невинных людей, Наперстка, Зыков решил утопить в проруби, потому что видел в нем еще более хищного зверя, чем он сам, и побаивался его...

Не мотивирована и далека от жизненной правды любовь и привязанность к Зыкову красивой купеческой дочери Тани. Подручные Зыкова убили ее отца. На ее глазах был казнен Ванька-Птаха — молодой и задорный певун из ватаги, у которого еще теплились истинно человеческие чувства...

И вот Таня все-таки разыскивает прячущегося Зыкова, зная, что пришедшие в город носители настоящей, подлинно народной правды

воины Красной Армии уже разыскивают преступника Зыкова, чтобы наказать его по высоким, справедливым революционным законам.

Среди труднодоступных Алтайских гор, в долине, расположилась заимка старого знакомца Степана Зыкова — охотника-медвежатника Терехи Толстолобова. Никто сюда не знал дороги, кроме Зыкова да горбуна Наперстка, которого Зыков не опасался, так как считал, что он погиб. Сюда-то и приехал Степан Варфоломеевич вместе с Таней, которая пожелала стать его женой.

Не стерпела этого жена Терехи Толстолобова Степанида, у которой была давняя связь с Зыковым, и повесилась недалеко от заимки в тайге.

Зыков в бане. Он, как истый сибиряк, любил попариться. При нем винтовка, кинжал и десятифунтовая гирька на ремне. «Таня сидела в своей горнице под раскрытым окном. Она вся еще была в прошлой ночи, улыбалась самой себе большими серыми глазами, прямые темные брови ее спокойны, сердце под черной шелковой кофтой бьется ровно, отчетливо. Как хорошо жить... Скорей бы приходил к ней Степан. Нет, никогда не надо думать о том, что будет завтра...»

А оно — это завтра — пришло неотвратимо. Наперсток-то, избежавший все-таки смерти, привел сюда отряд красноармейцев под командованием Николенки Перепреева — родного брата Тани.

«— Как, ты здесь? Татьяна... Тебя Зыков украл? Да?

— Нет... Я сама пошла к нему...

— К нему? Сама?! — лицо юноши вытянулось, и сама собой поползла на затылок шапка. — К Зыкову?!»

Этому удивляется не только брат Тани, но и читатель.

Почему, действительно, к нему — разбойнику и садисту, видевшая его злодеяния, творимые в городе, все же пришла тихая, скромная и красивая девушка Таня? Больше того, несмотря на все уговоры брата оставить Степана сейчас, когда того должны были тут же расстрелять, Таня вместе с ним приняла смерть.

Закономерно ли это? Оправдано ли это всем ходом событий?

Думается, что нет. Автору захотелось, чтобы казнь Зыкова была хоть как-то скрашена. И весь материал, привлеченный для того, чтобы «очеловечить» смерть негодяя, выглядит нежизненным. В этом, думается, основной недостаток «Ватаги».

Критика в свое время отмечала порочные стороны этой повести: ее натурализм, несоответствие отображаемых событий историческим фактам. Вячеслав Шишков, видимо, понимал слабые стороны своей повести, так как во вступлении к «Ватаге» написал:

«Имея под руками лишь разрозненные, неполные данные о зыковской ватаге, автор нашел возможным выключить историческую фактичность из плана своей работы и поставить в центре романа психологию масс, лишенных идейного руководства... Она была — эта зыковщина, она имела своих вожаков, но в ее жестоком разгуле и неизбежной ее гибели не следует искать типичных черт для всей сибирской партизанщины. Зыковщина — это горячая накипь в народном движении».

По словам В. Бахметьева, автор в начале 30-х годов коренным образом переделал «Ватагу», удалил из нее все, что противоречило исторической правде и уводило от реалистического показа событий. Переработанная рукопись погибла в Пушкине в 1941 году. Однако, раздумывая над критическими замечаниями по «Ватаге», над «зыковщиной», автор нашел исторически верный подход к отражению крестьянской войны XVIII века, что проявилось впоследствии в эпопее «Емельян Пугачев».

И все же «Ватага» представляет определенный интерес даже и в том виде, в каком она была опубликована: читатель понимает, как много поработал В. Шишков, прежде чем создать такие реалистические произведения, как «Угрюм-река» и «Емельян Пугачев». Однако нужно еще раз сказать, что Шишков глубоко заблуждался, представив Зыкова вожаком сибирских партизан и сделав из него какого-то искателя истины, в которой якобы слились старообрядческое и эсеровское правдоискательство.

Другим крупным произведением после «Тайги» является повесть «Пейпус-озеро». В ней отражены судьбы солдат и офицеров разбитой армии Юденича, бежавшей в буржуазную Эстонию. К созданию этой повести Вячеслав Шишков готовился тщательно, усердно собирая материал.

«„Пейпус-озеро“ движется медленно, — писал он В. Бахметьеву в январе 1924 года, — его надо проверить, как работу школьника первой ступени, написанную каракулями: наверное, масса ошибок против истины, в Эстонии я не был, а в таких случаях собственные глаза и уши надежней всякого воображения. Надо ознакомиться с работами об Эстонии, чтоб не получилось где-нибудь „развесистой клюквы“. Надо отыскать людей, бывших там во времена Юденича, надо повидаться с юношей, рассказ которого о своих скитаниях положен в основу повести».

Замысел «Пейпус-озера» возник в процессе поездок Шишкова по Руси в 20-е годы. Где-то в уездной Лужской глуши он отыскал своего юного героя — прообраз Николая Реброва, пережившего тяжелую болезнь — тоску по Родине.

Этот юноша своими немудреными, искренними рассказами вдохновил писателя. Вячеслав Шишков увидел в его характере что-то для себя новое, необычное и очень важное. Он и в этой повести, как и в большинстве своих произведений, пошел не по проторенной дорожке, а так же, как когда-то в Сибири, нехоженными путями.

Повесть эта написана не только на хорошо изученном историческом материале, но и с большим художественным мастерством. Каждый герой, а их там, как и в «Тайге», несколько десятков, наделен своими, присущими ему чертами характера. Все они, начиная от русских солдат, офицеров и генералов и кончая тружениками-эстонцами, — живые люди.

«Надрывно скрипят на снегу немазаные колеса таратаек, истощенные быстрым отступлением, обезноженные лошади тяжело поводят ребристыми боками, мобилизованные псковские мужики угрюмо шагают возле своих кляч и с ненавистью поглядывают на скачущих верхами на конях офицеров.

„— Вот и Эстония, — сказал Николай Ребров...“

На пути в эстонский хутор возле белого чистого домика стоит семья эстонцев. „Сам“ в белой рубахе и ватной жилетке. Бритое лицо его зло, серые узкие глаза сверкают. Он кричит что-то по-эстонски на разрозненно шагающих солдат и, выхватив трубку, бросает с презрением:

— Ага, белы черть! наших баронов защищать пришли? Куррат!

— Мороз померзнуть надо их, — подхватывает другой эстонец. — Повоевал ладно... А жрать в Эстис пришел...

Обезоруженные солдаты отвертываются, глядя в сторону, вздыхают, пробуют громко между собою говорить. Вот один надрывно крикнул:

— Молчи, чухня!

Солнце склонилось за лес. Стало темнеть. Беглая, неприкаянная Русь огромным ужом утомленно вползала в Эстонию».

Из этой запоминающейся сценки уже ясно, что жизнь простого солдата в Эстонии будет тяжелой и мрачной. Не обретет он здесь, вдали от Родины, даже в мирных условиях покоя. Да и не только простой солдат, мобилизованный в белогвардейскую армию, обманутый, уведенный командирами в чужую страну, ощущает свою ненужность, но и юноша из интеллигентной семьи — главный герой повести Николай Ребров, прапорщик Ножов, поручик Баранов — все, в ком никогда не могла угаснуть любовь к Родине, расставшись с ней, с первых же дней переживали огромную душевную трагедию.

Николай Ребров сравнительно неплохо мог устроить свою жизнь, и в буржуазной Эстонии. Двоюродный брат рекомендовал его в штаб к

генералу Сахарову, куда юношу зачислили писарем. Трудно сказать, как бы сложилась судьба юного Реброва, если бы не влияние Петра Баранова, в глазах Реброва офицера мыслящего, старавшегося разобраться в происходящих событиях.

«— А ведь я римских классиков в подлиннике читаю! Речи Цицерона... — говорил он Реброву. — Да и по естественным наукам запасец у меня кое-какой. Я ведь когда-то к кафедре готовился. А теперь я что? Где мой отец? Где моя мать-старуха?.. Ножов прав, и все агитаторы правы. Может быть, правда там, за озером... Во всяком случае, настоящие игроки у красных. Юденич хотел пройти в два хода в дамки, а теперь сидит здесь, в нужнике. Да... Черт его знает. Но как же теперь я?! Я — Баранов, боевой офицер? Как я отсюда вылезу?»

Сколько похожих на Баранова русских офицеров так и не нашли выхода из создавшегося положения. У многих честных офицеров старой русской армии в отличие от генерала Брусилова, от Каменева, Шапошникова не нашлось мужества отказаться от сословных и кастовых предрассудков и отдать все свои силы и знания трудовому народу, Советскому государству. Не сумел этого сделать и боевой русский офицер Петр Баранов. Но он понял, что правда там, за озером, в новой России, и поэтому одобрил уход туда прапорщика Ножова. Баранов осознал, что новая Россия удержится, выстоит.

На реплику Реброва: «...Я думаю, что большевикам не укрепиться». — «Ого! — желчно воскликнул, поручик, торопливо шагая от стены к стене. — Да еще как укрепятся-то. А штык на что? Они умеют править... Это тебе не Керенский, чтоб ему на мелком месте утонуть».

Петр Баранов своими рассуждениями помог Николаю Реброву понять, что у него есть только два пути: либо смерть, либо Россия.

Ребров выбрал последнее.

Помышлял об этом, собирал свои чемоданы, уверял Реброва, что он бежит с ним вместе, и Петр Петрович Баранов. Но, видимо, только для того, чтобы в это поверил Ребров...

В последний момент Баранов предпочел первое — смерть. Он оставил Реброву письмо: «Ну, вот, Николаша, я и убежал. Хотя и не в одну с тобой сторону... Поручик Баранов умер единственно из-за того, что ему нечего делать на земле. Слепцу, сбившемуся с пути, трудно отыскать свою тропу. И я не хочу тыкаться лбом в стену: я горд. Я заблудился, не туда пошел, я обманулся и обманут...

Я теперь над жизнью, и я вижу: введение в историю закончилось, хаос людских взаимоотношений сгущается в два неравных,

противоборствующих ядра, человечество обмакнуло перо в кровавые чернила и каракулями начинает писать первые слова новой своей истории. Пройдет положенное время, наука и людская власть по-настоящему расправят свои крылья, каракули выровняются, встанут четкими рядами, вспыхнут огнем, и вместе с ними вспыхнет сердце человека в чистой любви, в порыве исканий высокого идеала во благо всех людей».

В 1930 году В. Шишков закончил повесть о беспризорниках — «Странники». Тема эта, необычная для его творчества, разумеется, назревала исподволь. Писателю, разъезжавшему и ходившему по Руси, конечно, не раз приходилось встречаться с беспризорной детворой. В 20-е годы беспризорничество, как прямое наследие войны, голода и разрухи, широко распространилось по всей стране. Борьба с ним являлась задачей большой государственной важности.

Советское государство в самые тяжелые годы проявляло исключительное внимание к беспризорным детям. Отпускалось немало средств для того, чтобы создать нормальные условия для их существования, перевоспитать и вырастить из них сознательных советских граждан. В этом благородном подвиге нашего народа, успешно решившего важную социальную проблему, большая роль принадлежит литературе и искусству. К таким произведениям, как «Правонарушители» Л. Сейфуллиной, «Республика Шкид» А. Пантелеева и Г. Белых и «Педагогическая поэма» А. Макаренки, знаменитый фильм «Путевка в жизнь», примыкает и повесть «Странники» Вячеслава Шишкова.

Вначале автор предполагал написать только рассказ. Поводом для его создания было письмо беспризорника из Симферополя, который сообщал несколько ярких эпизодов из своей скитальческой жизни. Однако Вячеслав Шишков так увлекся темой, что рассказ перерос в крупную повесть, над которой он работал около трех лет.

Автор скрупулезно изучал эту проблему и по книгам, и главным образом посредством общения с будущими своими героями. Он чаще стал бывать на окраинах Ленинграда: забирался в заброшенные баржи, склады — обычные места скопления бездомных ребят, посещал тюрьмы. На пристанях, на железнодорожных станциях, на рынках — словом, везде, где встречались беспризорники, они привлекали пристальное внимание Вячеслава Шишкова.

Вслед за подростками и ребяташками — Амелками, Фильками, Павликами, Марусями, Дуськами — Шишков заинтересовался повадками взрослых преступников вроде громилы Ваньки-графа, руководителя шайки

бандитов Ивана Не-Спи и многих других, использовавших детей в своих преступных целях.

Много труда, житейской мудрости, тонкой наблюдательности, творческой фантазии вложил Вячеслав Шишков в это произведение, много сделал для того, чтобы развенчать так называемую романтику «блатной» жизни.

Сколько же напастей, тяжелых испытаний выпало на долю главного героя повести Амелки! Казалось, что такое не выдержит никакой самый выносливый, самый крепкий человек. Отец Амелки, коммунист, рабочий цементного завода, «погиб мучительной смертью в схватке с контрреволюционной бандой. Дома в большой бедности осталась мать Амелки. Ни коровы, ни лошади она не имела, земля же была неродимая — пески, кусты, болото. А в наследство от мужа получила баба лишь кожаную потрепанную куртку. Кроме куртки, еще осталась матери на всю жизнь печаль и дума об Амелке».

Рос Амелка без отца «озорным и задирчивым», хулиганил и никому спуску не давал. В деревне к нему относились плохо. Чужие мужики трепали его за уши, «драли розгой». «Презрительное отношение к нему деревни не давало Амелке силы переломить себя, уничтожить в душе раз появившееся зло. Вот как-то не выдержало впечатлительное сердце: Амелка поджег амбар у кулака и в ту же ночь бежал». С этого момента и начались трагические злоключения Амелки. Он вожак ватаги беспризорников, расселившихся на берегу реки под баржой. Затем Амелка попадает в железные лапы беспощадного бандюги Ивана Не-Спи. Отныне юноша вместе с другими ребятами должен был выполнять его задания, а не выполнил — смерть. Этот страх за свою жизнь толкает и самого Амелку на преступление. Присмотрев на вокзале самодовольного спекулянта с бумажником, полным денег, Амелка решает убить его, чтобы расплатиться с Иваном Не-Спи. Но обстоятельства сложились так, что жертвой преступления Амелки стала его родная мать. Ее он столкнул с идущего поезда, а не спекулянта. Это была страшная трагедия... Он любил мать, мечтал к ней вернуться. Амелка попадает в тюрьму. Под влиянием воспитателей он начинает переосмысливать свою прежнюю жизнь. Еще в тюрьме Амелка решает честно трудиться. Но его путь тяжел и драматичен. Преступники преследуют его, считают изменником, «легашом». Он не раз вступал в схватку с ними. В образе Амелки как бы отразились изломанные судьбы его сверстников.

Удивительно цельным, законченным, написанным в чисто шишковской шутейной манере, представляется нам образ мальчишки Павлика

Маклыгина («инженер» Боткин). Кажется, что беспросветное существование ничего для него не значит по сравнению с постоянно живущими в его воображении изобретательскими идеями. Ничто не могло отвлечь его от постоянного стремления что-нибудь придумать, что-нибудь сделать необычное.

Менее удачными получились образы воспитателей — Марии Николаевны — Марколавны, заведующих детдомом Нил Нилыча и Ивана Петровича, начальника трудовой колонии Краева. Но это нам кажется естественным. Основное внимание автор уделял ребятам, показу их чувств и переживаний в сложнейших условиях беспризорной жизни.

Повесть выдержала несколько изданий, была переведена на иностранные языки. Ее высоко оценил Ромен Роллан, который во время своего пребывания в СССР познакомился с деятельностью одного учреждения для бывших беспризорников. «Это посещение, — писал он, — показало мне работу по перестройке людей в СССР. Моя жена как раз в это время читала мне книгу, которую я нахожу замечательной, „Странники“ В. Шишкова о беспризорниках и о детских домах».

Повесть «Пурга», впервые опубликованная в 1927 году, — одно из самых приметных произведений, написанных на сибирскую тему, поражает прежде всего изумительно ярким описанием Заполярья. Многие в описании диких сил природы связано с личными переживаниями Вячеслава Шишкова в период его деятельности в Сибири. Поэтому так талантливо, так правдоподобно отображено душевное состояние политического ссыльного Петра Лопатина, человека исключительной воли, большой физической силы, очутившегося в сложной обстановке за Полярным кругом, на берегу Северного Ледовитого океана.

Полярная ночь. Петр Лопатин в избушке четырех рыбаков, оставленных на произвол судьбы красноярским купцом. Двое из них уже умерли от голода и цинги, и трупы их лежат в сенях. Попав к рыбакам, Петр Лопатин, движимый гуманными чувствами, пытается спасти умирающих. Психологические переживания Петра, его борьба за жизнь людей, борьба со стихией показаны с большим мастерством.

«Часы ночи медленно ползли. Буря крепла. С океана мчались все новые и новые волны урагана. В сенцах хозяйничал ветер, со свистом врываясь в пазы. В стену бухали камни и, как дробь, стучала галька. Вот сорвет крышу, вот по бревну расшвыряет зимовье. Под ударами ветра дрожали стены.

Кто-то идет, шоркает ногами, бормочет. Кто-то крадет, как вор.

„Уы-ы-ы!.. уы-ы-ы!“

И вдруг тьма сенец сотряслась и задрожала. Пронзительно, дико заорал Петр... С хохотом, свистом пурга враз набросилась на него, закрутила, застегала, заткнула рот, отняла дыхание, приподняла упругим ветром и, как куль, швырнула в мутную бесовскую кутерьму...»

В первом варианте повести Петр умирал в поле, застигнутый пургой, то есть необузданная сила природы победила. Шишков считал, что «человек может... жить с ней в дружбе, изучив ее законы и поняв ее мудрость». Затем автор пересмотрел свою точку зрения, и переработанная повесть вышла в Новосибирске в 1938 году. Трагическая концовка была заменена на более оптимистическую. Застигнутый в поле свирепым бураном, занесенный снегом, Петр отсиживается в снежной берлоге и остается живым.

Новый финал повести соответствует всему ходу повествования, той самоотверженной борьбе, которую ведет волевой человек со страшным, длившимся целую неделю бураном. Но даже такой храбрец, как Петр Лопатин, в конце концов под влиянием обрушившихся на него стихийных сил теряет бодрость духа. Одному Петру Лопатину, без помощи рыбаков, от настигшего его в открытом поле бурана спастись, пожалуй бы, не удалось. Одиночка, какой бы силой и волей он ни обладал, все же оказался беспомощным в длительной и суровой борьбе с природой.

Работа над очерками, рассказами, пьесами, повестями была насущной творческой потребностью писателя.

Произведения В. Я. Шишкова привлекли внимание исследователей. Профессор П. С. Богословский вспоминает: «Вячеслав Яковлевич занят был кипучей литературной работой... Планы у него были широкие, жажда творчества „неимоверная“, все его живо интересовало, он жадно наблюдал действительность, впитывал все новое, живое, передовое... Ему очень хотелось делиться своими творческими планами, проверять себя в дружеской беседе, он нуждался, по его словам, в строгой критической оценке своих произведений». В одном из писем к П. С. Богословскому Шишков писал: «Общую оценку кропотливого, честного Вашего труда мне, по некоторым причинам... сделать трудно. Я бы сказал — хорошая работа... Я вместе с тем настаиваю, чтоб все отрицательные стороны моего творчества, выявленные Вами, не только остались, но были бы преумножены вдвое, втрое... Будьте суровым обличителем лжи, неправды, греха против словесной красоты». Это письмо весьма красноречиво свидетельствует о принципиальности Шишкова: главное — правда.

«„Человеческая теплота“ его души...»

Работал Вячеслав Яковлевич в Детском Селе (Пушкин) много и продуктивно. Здесь была обдумана и написана повесть «Странники», здесь создавались многие части романа «Угрюм-река» и был начат роман о «Емельяне Пугачеве», завершены рассказы «Дикольче», «Цветки и ягодки», «Алчность», «Холодный душ», «Сочувствующий», «Научный рыбовод», «Пятерка», «Бродячий цирк», «Товарищ Митрофанов», очерк «„Садко“ — гость Советский», «Полет», «Вспомнил», воспоминания о М. Горьком.

Кроме того, Шишков активно участвует в общественной жизни

городка: выступает на вечерах, работает председателем особой комиссии по охране дорогих каждому советскому человеку памятных мест, связанных с А. С. Пушкиным. По установившейся традиции каждый год здесь праздновался день рождения гениального поэта, в подготовке и проведении которого Вячеслав Шишков принимал самое деятельное участие.

Вячеслав Яковлевич и Клавдия Михайловна радушно принимали в своей скромной квартире как близких друзей, живущих в Пушкине, так и приезжавших из Ленинграда и Сибири знакомых и незнакомых писателей, работников искусства. Хозяйка дома славилась своим гостеприимством и хлебосольством. Гостей встречали у Шишковых просто и душевно.

В доме Шишковых по пятницам собирались литераторы, музыканты и художники, чтобы поговорить о литературных делах, об искусстве, чтобы после напряженной работы провести в кругу друзей часы отдыха. Эти литературные пятницы часто посещали А. Толстой, К. Федин, О. Форш, А. Прокофьев, И. Соколов-Микитов, композитор Ю. Шапорин, художник К. Петров-Водкин; бывали здесь М. Пришвин, профессора Б. Греков, В. Евгеньев-Максимов, Б. Эйхенбаум и другие. «Живые и веселые были эти шишковские „пятницы“, — пишет в своих воспоминаниях профессор Л. Коган. — Здесь все чувствовали себя свободно и непринужденно. Не было никакой предвзятости. В товарищеской беседе мирно уживались люди разных воззрений на искусство, хотя беседы эти имели очень дискуссионный и страстный характер, отражая те споры, которые волновали тогда литературную общественность, критику и читателей.

„Пятницы“ лишены были какой бы то ни было „программы“, разве что иногда заранее было известно, что кто-либо собирается прочитать товарищам по искусству новый рассказ или отрывок, чтобы услышать их нелицеприятное мнение».

Разумеется, душой этих «пятниц» был Вячеслав Яковлевич. Он умел мастерски заводить разговор, оживлять его своими рассказами о путешествиях по Сибири и по Центральной России. Его юмор, острые словечки всегда вызывали смех присутствующих.

Участники вечеров допоздна задерживались у гостеприимных хозяев. После обязательного ужина на большом столе несколько раз появлялся самовар. И только отходящий в Ленинград последний поезд заставлял гостей «пораньше», этак часов в одиннадцать, покинуть хозяев, а те, кто жил в Пушкине, за беседами и чайком засиживались до часу — до двух ночи.

«Вячеслава Яковлевича искренно любили его друзья и его многочисленные читатели, — вспоминает известный писатель И. Соколов-

Микитов, — разбросанные в просторах родной страны, искушенные и неискушенные в чтении книг. Нас, близких друзей, тянули к Шишкову „человеческая теплота“ его души, его ум, талант и острая наблюдательность, товарищеское умение радоваться чужим радостям, делить чужие горести. На огонек гостеприимной шишковской квартиры охотно сходились разные люди, знакомые и друзья. Сходились писатели, художники, водолазы, ученые и неученые, музыканты, путешественники, военные, врачи. Вспомнить шишковские вечера очень приятно: шуточные и серьезные разговоры, чудесные шишковские пироги. Особенно приятно вспомнить самого гостеприимного хозяина этих вечеров: его добродушную, чуть лукавую улыбку, живые, по-татарски прищуренные веселые глаза. Из шишковского дома засидевшиеся гости уходили обычно в поздний час, когда притихали пустынные улицы Детского Села, — уходили веселые, шумливые, немного хмельные, согретые теплом домашнего шишковского очага»^[21].

Необычная встреча с Вячеславом Шишковым произошла у молодого начинающего писателя Григория Мирошниченко. Он был командирован на учебу в Ленинградский коммунистический политико-просветительный институт. Рабочие депо, провожая Мирошниченко в Ленинград, поручили ему непременно побывать у Шишкова, рассказать ему о веселом спектакле, который был поставлен у них в клубе по известному рассказу писателя «Спектакль в селе Огрызове», и написать подробнее, каков из себя Шишков, «не баран ли?». В Детском Селе Мирошниченко сперва долго бродил по паркам, вертелся вокруг дома Шишкова «и не мог осмелиться войти так, ни с того ни с сего. Но вот из дома вышел пожилой человек и медленно пошагал в парк... „Он — не он!.. Нет, это все же не он... Нет, он!“ Я пошел следом. Человек налево пойдет — и я иду налево. Человек направо пойдет — и я иду направо. Не отстаю... И чем больше я ходил за ним, наблюдая, тем ближе и больше казался он мне схожим с тем, давно воображаемым писателем... Решившись наконец, я пошел незнакомому человеку навстречу.

— Простите, не можете ли вы случайно сказать, где я могу разыскать писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова?

— Писателя Шишкова? — удивленно сказал этот кряжистый, с доброй ухмылкой человек. — Право, не знаю. Ничего о нем не слыхивал. Он что, местный или приезжий?..»

После продолжительной беседы о литературе, о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Горьком собеседники, наконец, добрались и до писателя Шишкова.

«— А какие книги Шишкова читали у вас в станице?

Я перечислил их.

— И они вам нравятся? Только по чистой совести скажите. Мало ли что читают. Важно другое — что люди запоминают из прочитанного, что им в душу крепко запало.

Ну, тут я насчет души не постеснялся, все вылил, как знал, как чувствовал. И он едва не прослезился.

Неторопливо открыл защелку высокой калитки, застучал палкой в дверь веранды и позвал хозяйку.

— Клавдия Михайловна! Клавдия Михайловна! К вам гость из Кубани приехал.

Дверь распахнулась... Ласковая и милая хозяйка Клавдия Михайловна любезно пригласила нас. Смотрю, человек мой, как у себя дома, ставит в угол кизилую палку, снимает шляпу, вешает ее на гвоздик, берет меня за руку и ведет в гостиную.

— Будем знакомы, — говорит он громко, — Вячеслав Яковлевич Шишков. Вы извините меня, что так получилось. Но любопытство писателя иногда не знает предела.

Я долго сидел озадаченный, хотя и раньше догадывался, что это Шишков. Целый час я не мог прийти в себя. „Здорово он меня обвел вокруг пальца. Здорово!“ — думал я.

Хозяйка накрывала на стол, а он задорно, по-своему, рассказывал ей о нашей далекой станице.

В доме было светло, уютно, необыкновенно просто. Беседа за столом шла непринужденно и задушевно...

Так я встретился с Шишковым», — писал позднее Григорий Мирошниченко.

Много внимания Вячеслав Яковлевич уделял работе в Ленинградской писательской организации. В 1928 и 1929 годах он избирается председателем Ленинградского отдела Всероссийского союза писателей. К Вячеславу Яковлевичу часто обращались начинающие писатели, приносили рукописи. Шишков терпеливо читал рассказы, повести, романы и всегда старался помочь молодым. В оценке произведений был строг, советы и рекомендации давал убедительные.

Когда Вячеслав Шишков понимал, что прочитанное им то или иное произведение не содержит в себе никаких данных, чтобы называться художественным, он отвечал начинающему литератору прямо, без обиняков.

«Присланные Вами вещи, — писал он сибирскому журналисту и краеведу И. Лясоцкому, — очень слабы, это не литература, это просто исписанная бумага. Очерк „Знамение“ в тематическом отношении мог бы быть интересным, но он сделан без всякого напряжения, и момент пробуждения рассказчика совсем не оттенен.

И почему Вас вдруг потянуло к писательству? Путь писателя труден, обязанности его велики, ответственность огромна. Не всякий пишущий и печатающий свои книги есть писатель. Это большое заблуждение, и многие десятки, а может, и сотни сбитых с толку людей воображают себя писателями и, не имея никакого багажа за душой, заняты бесполезным, никому не нужным делом. Конечно, по двум коротеньким очеркам трудно категорически оценить способности человека, пришлите что-нибудь еще совершенно отделанное и наиболее удавшееся Вам. Тогда можно будет дать Вам тот или иной ответ в окончательной форме».

Это принципиальное письмо земляку, человеку, с которым Вячеслав Яковлевич был знаком, — свидетельство высокой требовательности к литератору, желание по-настоящему помочь ему. Письмо это заканчивалось такими строчками: «На меня не сердитесь, писал от души и с желанием сделать Вам добро».

Через год И. Лясоцкий снова послал Вячеславу Яковлевичу два рассказа и опять получил суровый и правдивый ответ:

«Уважаемый И. Е., я внимательно прочел Ваши два рассказа, в конце каждого из них дал отзыв.

За время от первого Вашего присыла до сих пор Вы не продвинулись вперед ни в способе выражения своих наблюдений, ни в стиле. Если Ваше писание не отнимает у Вас много времени, конечно, писать можно, и на этот способ убивать досуг надо смотреть как на приятное (для Вас) времяпрепровождение. Если же Вы склонны мечтать, что Ваше писание есть путь к литературной деятельности, то Вы заблуждаетесь. Настоящий писатель вряд ли выйдет из Вас.

Я отлично понимаю, что Вам тяжело читать эти строки, но я не хочу Вас вводить в заблуждение, чреватое тяжелыми разочарованиями.

Всего Вам хорошего.

И не сердитесь на меня».

Это письмо, разумеется, оставило горький осадок в душе Лясоцкого. Он всерьез задумался над отзывом Шишкова, и когда прочитал в журнале «Красная панорама» автобиографию писателя Шишкова и те требования, которые он предъявлял к себе как к писателю, то не стал спешить с новыми рассказами, а начал внимательно читать Горького, самого Шишкова, учился

у них писать...

В письме к П. С. Богословскому в марте 1926 года Шишков, посылая ему черновики первых частей романа «Угрюм-река», жалеет, что не окончил его три-четыре года тому назад, когда было, мол, больше сил, а теперь вот приходится «раскачиваться». Через месяц в письме к М. Горькому Шишков сообщает: «С 1920 года я пишу с большими перерывами — по году и больше — роман „Угрюм-река“. Примечательно то, что наши с Вами романы внешне совпадают. (Речь идет о романе М. Горького „Дело Артамоновых“. — *Н. Е.*). У меня тоже изображено семейство купцов-сибиряков. Данило Громов — дед-разбойник, умирая, оставляет наследство сыну-пьянице, Петру. Сын Петра — Прохор Громов — гений, делец, на голом месте в тайге строит заводы, фабрики, оживляет огромный район и, в зените своей славы и могущества, гибнет. Сознание, что дело ради дела, что дело, не одухотворенное высокой идеей, а основанное лишь на эксплуатации другого, это сознание создает в его душе крах... Самое же главное, скрытое главное — идет с самого начала, и главное это — Угрюм-река, т. е. Жизнь, в широком понимании этого слова».

В письме к П. С. Богословскому от 11 февраля 1931 года Шишков отмечает, что продолжает писать «Угрюм-реку». «Вот беда! Не дай бог плыть по большой реке». Но к концу года в письме к Петрову он с радостью пишет: «Кончил „Угрюм-реку“, дал себе отдых. Наслаждаюсь, еще и еще раз перечитывая со смыслом „Войну и мир“ гениального Толстого».

После поездки на Урал у Вячеслава Яковлевича зародилась мысль писать большой роман об этом замечательном крае: «Мечту об Урале не оставил. Буду писать с самых азов, не с Демидова и Петра Первого, а с мамонтов, пещерных жителей — вкратце, конечно, но чтоб было занятно и чтоб весь Урал был со дня создания до наших дней. Главный удар — на наших днях. Если писать сжато, беря от веков „ударные“ страницы, то и тогда роман выйдет больше „Угрюм-реки“».

Весной 1932 года Вячеслав Шишков принес в редакцию Ленинградского издательства художественной литературы сборник «Шутейные рассказы». В ту пору рассказы показались нам «старомодными», не соответствующими духу времени. Но среди этих уже известных широкому кругу читателей произведений, написанных в юмористической, свойственной для Шишкова манере, резко выделялся и по жанру и по содержанию нигде не публиковавшийся ранее рассказ под названием «Громов».

Мне, тогда еще неискушенному редактору, все же не трудно было определить, что это новое произведение является отрывком из какой-то большой повести или романа. Во всяком случае, «Громов» привлек мое внимание, и я, перечитав его несколько раз, стал готовиться к беседе с Вячеславом Яковлевичем. Вскоре эта беседа состоялась. Вячеслав Шишков приехал из Пушкина, чтобы справиться о судьбе своей рукописи.

Разговор у нас был сердечным, искренним и, конечно, не о сборнике, а о новом произведении «Громов». Я, разумеется, не высказал Вячеславу Яковлевичу своего отношения к шутейным рассказам, да этого и не требовалось. Я был захвачен новой вещью, ее социальным звучанием и какой-то большой, хотя еще и не совсем ясной значимостью. Свои впечатления о «Громе» я высказал Вячеславу Яковлевичу с откровенной радостью. Автора, разумеется, все это живо интересовало; мнение первого читателя было для него весьма важным.

Оказалось, что «Громов» — это маленький отрывок из большого романа, над которым писатель работал с перерывами более двенадцати лет, что роман вчерне написан и вот автор не знает, подошло ли время его печатать. Произведение это никакому издательству автор еще не предлагал; а кроме жены, Клавдии Михайловны, отдельные главы романа читал только Алексей Толстой.

На меня смотрели прищуренные, улыбающиеся, умные глаза Вячеслава Яковлевича. Они как бы определяли, спрашивали... «Вот роман, ну и что ж? А что мы станем с ним делать? Ведь его надо читать, оценивать его идейные и художественные достоинства, решать вопрос об издании. А кто это будет делать? Не вы ли, молодой человек? А можно ли вам доверить такое важное и ответственное дело?»

Кто знает, какие еще мысли и чувства были на душе писателя. Ведь не прошло еще и года, когда он в письме к К. Федину сообщал, что хотя роман и закончен, «но над книгой, чтоб она заговорила высоким голосом, надо еще работать долгие месяцы, а то и годы. Да и не моей голове. Мне очень трудно стать над этой вещью, как над чужой и чуждой, и властной рукой поставить все на свои места, вдунуть душу...».

Думается, что Шишков взвешивал, сомневался, стоит ли нести молодому редактору такое большое произведение, где еще что-то не так, что-то надо ставить на свое место.

Единственное, что могло заставить Вячеслава Шишкова принести мне новый роман, — это, видимо, мое искреннее и доброе расположение к автору и непреодолимое желание прочитать его новую рукопись. Во всяком случае, такому опытному и проницательному человеку, каким был

Вячеслав Шишков, мое поведение, видимо, понравилось... Через некоторое время первая часть романа лежала у меня на столе, и я по просьбе автора читал его дома, после работы.

С каждым последующим приездом Вячеслава Шишкова в издательство отношения между нами становились все более сердечными. Вячеслав Яковлевич привозил новые части романа, а я высказывал свое отношение к прочитанному. Беседы наши затягивались. Они становились откровенными, дружественными. Вячеслав Яковлевич шутил, рассказывал разные истории из своей жизни, о своих путешествиях по Сибири, по Европейской России. Начинались эти беседы с каких-либо смешных эпизодов, приключавшихся с Шишковым.

— Ехал я в трамвае на задней площадке, — начинал Вячеслав Яковлевич. — Увлечен я был какими-то думами, смотрел на прохожих, на ленинградские дома, витрины... Вдруг слышу, чья-то рука тащит из моего жилетного кармана часы... А носил я их на цепочке, продетой через петлю жилета и соединенную с другим карманом. Медленно поворачиваю голову в сторону воришки и, улыбаясь, смотрю ему в глаза. Он, разумеется, испуганно и недоуменно смотрит на меня. Постепенно рука его удаляется от моих часов и кармана. На первой же остановке воришка вместе со своим приятелем, стоявшим рядом со мной, выходит из трамвая.

— Понимаешь... Сво-ой! — услышал я разочарованный голос карманника, бросившего виноватый взгляд на меня.

Однако охотнее всего Вячеслав Шишков рассказывал о Сибири, о тайге, о своих встречах с тунгусами, о своих походах по рекам и лесам сибирским, которые так красочно, так правдиво описаны в его ранних произведениях. Природа и люди Сибири глубоко волновали и занимали ум писателя. Какие бы темы современной жизни ни затрагивались в беседах, почти все они заканчивались воспоминаниями о таежных странствиях, об особенностях сибирского характера.

Сибиряки — народ своеобразный, стойкий, выносливый. Они не раз выручали Вячеслава Шишкова из разных бед, спасали от неминуемой гибели. Вячеслав Яковлевич с особой теплотой отзывался об этих людях, удивлялся их сметке, их природному чутью, умению выходить из самых трудных, неожиданных положений, в которые они попадали в тайге.

Постепенно, в течение нескольких недель, я закончил чтение нового романа Вячеслава Шишкова. Роман произвел на меня очень сильное впечатление. Он покорила меня новизной, широким показом дореволюционной Сибири, яркостью и самобытностью образов, своеобразием языка. Я рассказал об этом директору издательства и

предложил заключить с автором договор.

Мои предложения были одобрены. Мне только надлежало отрецензировать роман, и тогда директор согласен был подписать договор. А вскоре был представлен и отзыв В. А. Десницкого. Известный литературовед высоко оценил литературные достоинства, социальную направленность романа, важность темы, поднятой в нем. Помню, рецензия заканчивалась словами, что многие главы могут украшать любую литературную хрестоматию, что роман будет хорошо встречен читателями.

С автором был подписан издательский договор. Роман намечался к изданию двумя книгами и двойным тиражом. Вячеславу Яковлевичу была определена высшая ставка — четыреста рублей за авторский лист. Редактировать роман было поручено мне^[22].

Меня это и радовало и пугало. Радовало то, что мне досталась такая интересная и значительная рукопись, в художественных достоинствах которой у меня не было никаких сомнений. Я чувствовал и понимал, что на фоне посредственных рукописей, которые тогда в большом количестве поступали от многих еще малоопытных молодых писателей, роман Вячеслава Шишкова был событийным явлением.

Как редактору мне предстояло вести разговор с известным писателем, выпустившим в свет много книг, человеком, умудренным большим житейским опытом, испытавшим на своем веку многое, видевшим немало разных редакторов. Это меня пугало. Одно дело — вести произвольные разговоры с писателем и высказывать ему приятные слова о его произведении, а другое дело — «врываться» в его творение с какими-то своими замечаниями, своими мыслями.

Оказалось, что опасения мои были напрасными. Работать с Вячеславом Яковлевичем было поучительно и легко. Разумеется, у меня не было никаких претензий к языку романа. Язык Вячеслава Шишкова, изобразительные средства писателя вызывали восхищение. Тут мои пометки были незначительны. Они касались отдельных фраз, местных речений. Меня настораживало другое. Много места в романе занимали религиозные старцы-отшельники, вокруг которых у нас с автором велись споры.

В ранних рассказах Вячеслава Шишкова вместе с добром, которое делают люди, обязательно присутствует зло. Часто на всякие злые дела толкает человека черт, который всегда появляется, когда надо сотворить что-нибудь неприятное. Для современного читателя черти — это анахронизм, но мне думается, что показ золотых приисков, где развертывались события романа «Угрюм-река», показ психологии людей,

их быта без добрых и злых духов, без бога и черта был бы неполным.

Черт почти всегда «преследовал» темного, религиозного человека. Он появлялся где-нибудь в мрачных местах — в болотах, овинах, в непроходимых лесах — и вершил свои злые делишки. Об этом в письме к М. Горькому говорит и сам автор. «В романе есть мистика, есть всякая чертовщина — без нее трудно обойтись».

Однако для меня было бесспорным и другое. Автор чересчур много внимания уделял этой стороне. Поэтому я с молодым задором старался не соглашаться с этим и добивался от Вячеслава Шишкова определенных уступок и сокращений некоторых глав рукописи «Угрюм-реки».

Теперь, когда напечатаны письма Вячеслава Яковлевича к друзьям, многое становится известно о тех чувствах и переживаниях, о сомнениях и колебаниях которые возникали у автора во время нашей совместной работы над романом. Привожу отрывок из письма к Л. Когану от 26 июля 1933 года. «Дорогой Лев Рудольфович! Ваше письмо начинается: „До того обленился“ — я же начну: „До того заработался, до того расхворался, что сразу не мог ответить Вам“. Наступила мне на горло корректура второго тома и высосала всю кровь из жил. В гранках сгоряча повыбрасывали с товарищем Еселевым разные места и местечки в романе — и сразу в верстку. А в верстке стал вчитываться — мать честная! — всюду нелепости, хвостики, пробелы, излишки. И на шпаклевку прорывов потратил множество времени. Оказывается, не так-то легко делать выбросы — это тебе не аборт! — надо с умом и глубокой оглядкой. Глава пустынников — осталось только начало. „Давайте, В. Я. ограничимся показом быта пустынников и тем, что Прохор у них“, — убеждал меня милый мой Еселев, и я, дурак, согласился. А на кой черт мне быт, мне нужна психология. Ведь в этой главе — начало будущей болезни героя, он в первый раз сам себе признается: „Мысль моя затмевается“. Он весь тут во власти „сумбуров“. А раз все это насмарку, нет достаточной подготовки к сумбурной речи героя на пиршестве. Кой-что все-таки исправить в этой ошибке удалось, но в общем и целом, целиком и полностью — ни порционально, ни согласуемо, а так как-то... Шапошников у Прохора (сцена экспроприации) и смех-хохот Прохора выброшены. А для чего ж я тогда воскресил Шапошникова? Немножко обидно, ведь нелегкая штука воскресить человека, ведь я не граф Калиостро-Феникс и наш век не век Екатерины Второй. А кто его знает, может, Еселев прав, может, все ко благу, все к лучшему. Во всяком случае, он действовал в согласии с собственной совестью и из единого желания — принести мне добро. („Критика, критика, критика!“) Но, милый мой Еселев, мае все-таки думается, что

большие вещи рождаются не часто, что они создаются не столько для критики, сколько для читателей наших и будущих, но так ли, сая ли, а в августе обе книжицы выйдут в 487 стр. и в 559...»

Это письмо, хотя в нем присутствуют и самокритика, и критика по адресу редактора, написано, как мы видим, в раздумьях и в колебаниях: «Надо или не надо?» У Вячеслава Яковлевича появились некоторые сомнения в содеянном. Они естественны. Каждому автору трудно подчас бывает расстаться с написанным, потому что писалась каждая строчка не случайно, а рождалась в процессе творчества и казалась необходимой. Однако Вячеслав Шишков ни в одном из последующих изданий не восстановил опущенный и в рукописи и в гранках большой раздел главы о пустынноиках, за исключением небольшого количества строк.

Надо полагать, что автор впоследствии убедился в правильности произведенных им сокращений.

В процессе работы над рукописью мне часто приходилось общаться с Вячеславом Яковлевичем, бывать в его скромной двухкомнатной квартире в Детском Селе. Я чувствовал, как все глубже раскрывается светлая натура Вячеслава Яковлевича. Был он очень прост и человечен. Его заботливая и приветливая улыбка всегда выражала доброжелательность и уважение к собеседнику. Что я, молодой парень, мог представлять для Вячеслава Яковлевича, прожившего большую жизнь, прошедшего всю Сибирь, всю Россию, глубоко познавшего деревенских и городских людей, повидавшего вдосталь и плохого и хорошего?

Но я ни разу не уловил в поведении Вячеслава Яковлевича хотя бы маленькую нотку превосходства. Говорил он со мной просто, непринужденно, как с издавна знакомым и близким человеком. О чем бы я только ни спросил Вячеслава Яковлевича: то ли о его литературных убеждениях, то ли о его отношении к тому или иному писателю, он всегда охотно делился своими мыслями.

Среди своих современников Вячеслав Яковлевич в особенности выделял Алексея Толстого, высоко отзывался о его таланте. Роман «Петр Первый» считал лучшим историческим произведением советской литературы.

В докладе на праздновании шестидесятилетия А. Толстого Вячеслав Шишков говорил: «Толстой много на своем веку перевидал — и в этом его писательское преимущество. Он, как вкусивший от библейского „древа познания добра и зла“, испытал... разную цивилизацию, но нигде ничего не нашел выше русской страны, полноценней нашей национальной культуры»

и русской широкой, способной на подвиг души человека».

Вячеслав Яковлевич восхищался языком «Петра Первого», считал его своеобразным, неподражаемым. Об этом он сказал в том же юбилейном докладе.

С большой радостью Вячеслав Яковлевич встретил появившиеся тогда в печати первые части «Тихого Дона». Он гордился талантом Михаила Шолохова и считал его самым выдающимся представителем молодого поколения советских писателей.

Любил Вячеслав Яковлевич рассказывать о Михаиле Пришвине. Его литературную деятельность Шишков связывал с поездками Михаила Михайловича по стране. «Вот я здесь отсиживаюсь в Детском Селе, — говорил Вячеслав Яковлевич, — а Пришвин на своем грузовичке с сыновьями путешествует по „краю непуганых птиц“, изучает природу, людей, выполняет большое и важное дело. Он хорошо приспособил грузовичок для поездок, сделал его маленьким домиком, где можно и поработать, и отдохнуть».

Вячеслав Яковлевич с большим пониманием относился к работе Пришвина. Их связывала общность интересов. Я два раза встречал в его квартире сыновей Пришвина, которые рассказывали Вячеславу Яковлевичу об отце, о местах, которые они посещали вместе с ним.

Делился Вячеслав Яковлевич и своими дальнейшими творческими планами. «Вот напечатают „Угрюм-реку“, отдохну немного и начну, пожалуй, писать роман об аракчеевщине. Любопытное было времечко в истории нашей родины».

Мысль о создании романа об аракчеевщине занимала писателя не первый год. Об этом он сообщал в письме П. С. Богословскому в мае 1929 года. Но романа такого он не написал.

Почему писатель охладел к этой теме, почему не стал работать над романом, хотя к этому готовился, подбирал материал?

Нам думается, что дело тут не в разочаровании в теме, а скорее всего в некоторой удаленности авторских симпатий от тех событий, от той обстановки, которая была характерна для первой трети XIX века. Все герои ранних рассказов, повестей, романа «Угрюм-река» и по духу, и по бытовому укладу ближе к пугачевщине, чем к аракчеевщине. Даже трудно представить, что-то другое из прошлого, кроме пугачевского движения, о чем бы мог более искренно написать Вячеслав Шишков. Видимо, это хорошо чувствовал и понимал Алексей Толстой, который усиленно советовал ему писать о Пугачеве.

Только такому знатоку жизни народной, каким был Вячеслав

Яковлевич, оказалась по плечу пугачевская эпопея. Поэтому выбор именно этой темы был закономерным для Вячеслава Шишкова.

А как же роман об Урале — от мамонтов до наших дней, или, как его называл автор, «Книга Бытия»? Думается, что эта тема была не по силам писателю. Для ее осуществления потребовалось бы новое освоение материала, глубокое изучение не столько истории Урала, сколько современных людей, их быта и всей обстановки, которая резко изменилась за годы Советской власти и потребовала бы постоянного общения с уральской действительностью. Не следует забывать, что к этому времени Вячеславу Шишкову исполнилось 60 лет. И погружаться в новое, неизведанное было бы делом весьма трудным.

Появление в свет романа «Угрюм-река» явилось большим событием в литературной жизни Ленинграда, да и не только Ленинграда. Роман быстро разошелся и был тепло встречен читателями. Разумеется, это было большой вехой и в творческой жизни самого Вячеслава Яковлевича. После сравнительно небольших повестей и рассказов, талантливо отражающих сибирские годы жизни писателя, шутейных рассказов о деревне, повестей «Пейпус-озеро» и «Странники» роман «Угрюм-река» был самым крупным, самым замечательным произведением писателя.

По случаю выхода в свет романа у Вячеслава Яковлевича собрались его близкие друзья. Мне было приятно присутствовать на этом памятном вечере. Здесь, помимо жены Шишкова — Клавдии Михайловны, ее отца, матери и братьев, были Алексей Толстой со своей семьей, Соколов-Микитов с женой, Петров-Водкин с женой. В этот день я последний раз видел Вячеслава Яковлевича.

Вскоре, в этом же 1933 году, когда вышел роман, я был командирован на работу на Дальний Восток. Проезжая несколько раз Сибирь, работая в Верхней Полтавке Амурской области, в Благовещенске и Хабаровске, путешествуя по Дальнему Востоку, я не раз вспоминал Вячеслава Яковлевича. Образ писателя часто возникал в моем воображении при встречах с сибиряками, которые напоминали своей внешностью то героев «Угрюм-реки», то героев сибирских повестей и рассказов. Можно сказать без преувеличения, что я встречал людей, похожих и по характеру и по внешности на Леонтия Бакланова и других героев произведений Вячеслава Шишкова.

«Угрюм-река»

«„Угрюм-река“ — та вещь, ради которой я родился». Эти знаменательные слова самого творца известной эпопеи, до самых глубин охватившей былую, дореволюционную Сибирь, исповедальные слова, не только дают нам право, а и налагают обязанность всмотреться попристальнее в роман Шишкова, чтобы вместе с читателем попытаться проникнуть в тайное тайных этой все еще до конца не постигнутой вещи.

Ведь слова эти не мимоходом брошены Шишковым, нет, они взяты нами из его письма к Константину Федину, написанного в июле 1931 года, то есть в те времена, когда Шишков был весьма популярен, когда он создал

многие замечательные произведения. И вот все-таки: «...та вещь, ради которой я родился!»

В первую очередь следует вспомнить, что «Угрюм-река» хотя и с перерывами, но писалась на протяжении 12 лет: с 1920-го по 1932-й^[23]. Но ведь это лишь писалась! А по существу, в широчайшем по охвату событий романе воплощено и все то, что видел и слышал, думал и чувствовал сам его создатель в долгие и трудные сибирские годы, изобилующие смертельными опасностями, — годы исследовательской работы.

Нужны ли этому доказательства? Они в прямом смысле неисчислимы. Самоочевидно, что плавание Вячеслава Шишкова по Нижней Тунгуске, едва не окончившееся гибелью, помогло ему воспроизвести столь же страшное путешествие юного Прохора Громова с черкесом Ибрагимом-Оглы.

Ведь этих же героев «Угрюм-реки», обреченных на смерть, как и самого Шишкова, спасают тунгусы.

Автор романа не изменил даже некоторых подлинных имен. В частности, один из героев носит имя Сенкича, как звали проводника-тунгуса, который вывел Шишкова и его спутников из непроходимой тайги. Связана с путешествием Шишкова по Нижней Тунгуске и фамилия Фарков, ею тоже воспользовался автор, работая над романом.

Даже названия таежных деревень — Подволочная, Ербагачево, Ербохомля, — расположенных на берегах Нижней Тунгуски, сохранены в романе.

Что касается фамилии главного героя «Угрюм-реки» — Громова, то в годы пребывания Шишкова в Сибири там процветала известная купеческая фирма Громовых, которая проявляла определенный интерес к Нижней Тунгуске и поручала другу Шишкова, политическому ссыльному Ткаченко, собрать сведения о золотоносных участках в районе Тунгуски.

Как будто с полной уверенностью мы имеем возможность раскрыть «псевдоним»: «Угрюм-река» — это Нижняя Тунгуска. Да, но далеко не во всем. Во многом это Лена. Достаточно сказать, что чудовищный, со множеством жертв расстрел правительственными войсками рабочих на приисках Громова, столь ярко и правдиво изображенный в романе, — это несколько трансформированный Ленский расстрел.

Однако по-разному и в самой различной степени используют писатели это свое высокое право — сочетать подлинно бывшее с творческим вымыслом. Нам кажется, мы с полным основанием можем сопоставить в этом смысле Бунина и Шишкова. В самом деле, Бунин оставил нам поистине жестокою для читателей исповедь о том, как складывались

многие из его рассказов. То и дело неожиданные и беспощадные признания, вроде: «...Тут тоже все сплошь выдуманно, — кроме того, что я когда-то часто и подолгу жил в Москве, на Арбате в номерах „Столица“... И никак не могу вспомнить, почему, откуда взялась эта странная Муза Граф, никогда подобной не встречал... А Завидовский тоже выдуман, не выдумана только его усадьба, на самом деле принадлежавшая когда-то нашей матери».

Своим подчеркиванием этих бунинских «выдуманно», «все сплошь выдуманно», «стал выдумывать» и т. п. и т. д. мы ни в малейшей степени не намерены посягать на всеми признанное изобразительное мастерство Бунина. Не о том речь! Но как-то невольно спрашиваешь себя: а не в этой ли декларированной им отрешенности писательского воображения от больших событий заключается трагедия большого художника, в конце концов покинувшего Родину?

Много сил, творческой страсти вложил Вячеслав Шишков в свое любимое произведение. На создание «Угрюм-реки» затрачены годы. В романе слились воедино впечатления и переживания всей жизни автора...

Помните, Петр Громов, разыскивая своего сына Прохора, останавливается в трактире «Тычек». Это название автор перенес из Бежецка, где в юные годы Шишкова существовал такой трактир. Один из жителей села, где жили Громовы, пользовался поговоркой «елеха воха». Оказывается, в Бежецке был чудак человек, который в каждой фразе употреблял «елеха воха». Ему и прозвище дали «Елеха воха».

В первой главе романа дано описание драки между «кутейниками» и «мещанами». «Кутейниками», по словам бежецкого учителя А. Кирсанова, называли учеников духовного училища, а «мещанами» — учеников городского училища а. Такие бои проходили в городе Бежецке почти каждое зимнее воскресенье. Клич «Кутью бьют!» был позывным кличем для всех озорных мальчишек Бежецка, так же как в романе.

В романе «Емельян Пугачев» мы также встречаем фамилии купцов живших и торговавших в Бежецке: Титов Нил, Арбузов, Постников, Гладышевы. Князя Хилковы — богатые помещики из Сеновой-Дубравы, в окрестных лесах которой бывал на охоте с отцом Вячеслав Яковлевич.

В письме к брату в 1941 году Вячеслав Яковлевич вспоминает: «Я часто представляю картины давно отшумевшего милого детства. Люди, хотя и провинциального масштаба, были ярки по своей индивидуальности. И очень типичны. И Сергей Лукьяныч, и Никандр, и кабатчик из Мокрековского кабачка Королек Порфирий Петрович, хороший песенник, даже Ваня Бом».

На протяжении долгой, многолетней работы над романом «Угрюм-река» Вячеслав Яковлевич делился с близкими друзьями своими размышлениями, своими впечатлениями об отдельных главах.

«Надо было начать роман с конца, — пишет он в 1926 году П. С. Богословскому, — я его почти забыл и потому перечитывал с интересом, как чужую вещь. Но сказать, насколько он интересен и интересен ли вообще постороннему читателю, этого сказать не могу. Поэтому мне хотелось бы от Вас, как от просвещенного читателя — просто читателя, — получить некоторую оценку, хотя бы самую краткую: длинен, вял, бессодержателен, утомителен или, наоборот — читается хорошо».

Через шесть лет, в январе 1932 года, Шишков сообщает своему другу Ивану Петровичу Малютину: «Закончил роман „Угрюм-река“. Напряг все силы и закончил. Объем романа 8 томов „Тайги“. Но печатать не буду. Он написан в продолжении 12 лет с огромными, разумеется, перерывами. Но в общем надо класть чистой работы лет пять. Считаю большим подвигом. Эта работа, может быть, та самая, зачем я послан в жизнь?»

В апреле этого же 1932 года в другом письме Шишков категорически пишет Малютину: «„Угрюм-реки“ не дожидайтесь, можете прочесть ее в рукописи, если приедете как-нибудь к нам».

Но в мае рукопись «Угрюм-реки» уже была в издательстве.

В сентябре 1932 года Вячеслав Яковлевич посылает письмо И. П. Малютину из Коктебеля в Ярославль:

«Милый Иван Петрович, спасибо за хорошее письмо. Мне его переслали в Крым... Живем неплохо, но питание наше домашнее вдвое лучше. Потерял в весе пока 1 кило... Сижу правлю „Угрюм-реку“. Договор подписал. В начале 33 года будете, пожалуй, читать ее. А народ у нас живет хороший, веселый, молодой. Из старцев я да профессор-доктор. До свиданья. К. М. кланяется.

Ваш Вяч. Шишков».

Помнится, это плохо оборудованная дача (дом отдыха Литфонда) с низкими, стоящими поодаль помещениями, похожими на сараи. Как раз в одном из них и размещались Шишковы. Неудивительно, что Вячеслав Яковлевич потерял в весе — с утра и до позднего вечера он сидел над «Угрюм-рекой». Лишь изредка выходил на прогулку, появлялся на пляже...

Но как бы напряженно ни трудился Вячеслав Яковлевич, он никогда не изменял чувству юмора. «Я не помню случая, — рассказывает Клавдия Михайловна, — чтобы, приезжая в Крым, Вячеслав Яковлевич не вспомнил бы своего любимого героя из повести „Странники“ — „инженера“ Вошкина, и не повторил бы его слова: „Я думал: Крым что-нибудь

особенное, а это — полуостров...“»

Почти все в Коктебеле увлекались собиранием камушков. Среди отдыхающих на даче Литфонда знали, что лучшая коллекция была у профессора В. А. Десницкого. И вот в один из дней какой-то злоумышленник забрался на дачу Десницкого и похитил эту коллекцию. Многие переживали это событие и сочувствовали Десницкому, удивляясь тому, что похититель больше ничего не тронул, даже пренебрег золотыми часами, лежащими на столе рядом с камушками.

Число страдающих «каменной болезнью» увеличилось. Увлёкся этим делом и Вячеслав Яковлевич, правда, далеко не в такой мере, как М. Зощенко, Н. Браун или Е. Шварц. М. Зощенко часто удавалось находить камушки оригинальные по форме, и он тут же давал им соответствующие названия — например, «грудь негритянки», «бог Шива». Однажды среди камнеискателей пронёсся слух: на одном из участков пляжа некоторые «счастливицы» нашли оригинальные по расцветке камушки. Они с гордостью показывали свой «улов».

При внимательном рассмотрении специалисты-собиратели обнаружили, что камушки-то были обычными, но очень ловко раскрашенными. Тут же вскоре выяснилось, что сделал это Вячеслав Яковлевич Шишков...

Через год Вячеслав Шишков писал Малютину: «Милый Иван Петрович, через неделю получите „Угрюм-реку“. 25 экземпляров свои авторские роздал, жду выхода тиража, чтоб докупить и дослать приятелям. Читайте роман помаленьку с толком, не торопитесь сразу проглотить, как шкалик водки. А потом сообщите мне свое мнение».

«Угрюм-река» — это роман из романов: столь переполнена книга действующими лицами с их многообразными, правдиво изображенными судьбами. Но еще мы называем эту книгу Шишкова эпопеей Сибири. То есть это такое повествование, в котором изображается не только путь отдельного человека, но и движение народных масс.

Примат правды жизни над вымыслом — это одна из определяющих и неизменных особенностей творческого склада автора «Угрюм-реки».

Думается, что Вячеслав Шишков мог бы сказать о следующем отрывке из «Авторской исповеди» Н. В. Гоголя, одного из наиболее почитаемых автором «Угрюм-реки» писателей: «Я тоже так думаю».

«Это полное воплощение в плоть, это полное округление характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу в уме своем весь этот прозаический существенный дрязг жизни, когда содер­жа в голове все

крупные черты характера, соберу в то же время вокруг него все тряпье до малейшей булавки, которое кружится ежедневно вокруг человека, словом, когда соображу все от мала до велика, ничего не пропустивши. У меня в этом отношении ум тот самый, какой бывает у большей части русских людей, то есть способный больше выводить, чем выдумывать...»

И Шишкову, как Гоголю, были «нужны все те бесчисленные мелочи и подробности, которые говорят, что взятое лицо действительно жило на свете».

Наконец, требование Гоголя к драме: «Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два» — с замечательным мастерством воплощено в «Угрюм-реке».

Вспомним действующих лиц романа — и каждый, кто знаком с его содержанием, должен будет признать, что за малым исключением все они от самого начала так или иначе участвуют в «завязке» трагической судьбы главного героя «Угрюм-реки» — Прохора Громова. Дед — Данило Громов, «убивец», положивший своей кровавой добычей начало громовским капиталам; Петр Данилыч — отец Прохора, его лютый соперник, любящий Анфису Козыреву; сама Анфиса, впоследствии убитая Прохором; верный черкес, гнусно им оклеветанный; пристав Амбреев — шантажист и преступник, завладевший уликами, способный погубить Прохора; купец Груздев, проглотивший «улику», то есть обгорелый пыж из ружья убийцы, и тем спасший Прохора от каторги и позора; он же сосватал ему Нину Куприянову; Илья Сохатых — приказчик у Громовых, подлец, отвергнутый Анфисой, но с готовностью продающий сердце по приказу хозяина, готовый сойтись с его покидаемой супругой; прокурор Страцалов, убежденно обвиняющий Прохора в убийстве Анфисы; горный инженер Протасов — дока в своем деле, «ведущая ось» предприятий Громова; «царский преступник», политический сыльный Шапошников, также одержимый страстью к Анфисе, в начале романа — добрый, хотя и неудачный наставник юного Прохора, а в конце — один из грозных обвинителей убийцы, когда шайка Ибрагима-Оглы творит суд над пойманным Громовым. Все они участники и «завязки» и «развязки» громовской трагедии.

Незаурядное мастерство проявил автор для того, чтобы связать движение и помыслы людских масс с трагической судьбой главного героя.

Не умолкли до сих пор упреки, что многие из образов романа, многое из описаний тайги и всего того, что творилось на золотых приисках, изображены чересчур густыми и яркими красками. Но если даже и признать в отношении отдельных мест романа уместность подобных

суждений, то нельзя забывать главнейшего: произведения Шишкова отнюдь не «акварели», они — «масло», близкие по духу эпическим полотнам художника-сибиряка В. И. Сурикова. Да простит нам читатель, если, не желая оставить без подтверждения свою глубокую убежденность в этом, мы напомним ему некоторые места из «Угрюм-реки», из которых явственней станет изумительное искусство писателя и в портрете, и в картинах природы, и в бытовых сценах, и в лепке характеров.

...Ибрагим-Оглы — ссыльнопоселенец, отбывший каторгу за убийство, совершенное на Кавказе по изуверскому обычаю кровной мести. Но он благороден и добр душою, и, несмотря на свою удаль и мужество, тяжкий житейский опыт, во многом по-детски прост и наивен.

С первых же страниц романа он входит в сознание читателя как забавный, добродушный, чуть ли не комический персонаж.

Одна вывеска над его «хазой» чего стоит: «Стой, црулна, стрижом, брэим, первый зорт».

Но, оказывается, кроме искусства ловко стричь и брить, Ибрагим-Оглы известен пьющему люду как человек, у которого в любое время найдется водка. Вечером «пропившиеся двадцатники, — так звали здесь чиновников, — мастеровщина-матушка, какое-нибудь забулдыжное лицо духовного звания, старьевщики, карманники, цыгане, да мало ли какого народу находило отраду под гостеприимным кровом Ибрагима-Оглы. А за последнее время стали захаживать к нему кое-кто из учащихся...»

Стал похаживать туда среди прочих гимназистов и семнадцатилетний сын богача Петра Даниловича Громова — Прохор.

Что привлекало этих подростков, кроме возможности изведать недозволенное? Сама личность черкеса: «Ведь это же сам таинственный дьявол с Кавказских гор. В плечах широк, в талии тонок, и алый бешмет, как пламя. А глаза, а хохлатые черные брови: взглянет построже — убьет. Вот черт!

Но посмотрите на его улыбку, какой он добрый, этот Ибрагим. Ухмыльнется, тряхнет плечами, ударит ладонь о ладонь: алля-аллягей! — да как бросится под музыку лезгинку танцевать. Вот тогда вы полюбуйтесь Ибрагимом...»

Но это описание черкеса было бы неполным, если бы Шишков не прибавил, что у Ибрагима уже большая лысина, а еще он сопровождал все сказанное кратким, но удивительно характерным гортанным восклицанием: «Цх!» Мелочи как будто, а вот отбросьте их, и как потускнеет тогда образ Ибрагима-Оглы!

Ужас неминуемой «белой смерти» оледенит вас, когда черкес и

заболевший Прохор Громов, любимый больше, чем родной сын, видят неотвратимость мучительной, вплотную подступившей к ним гибели. Прохор временами в забытии. «Он еще не знал, что зимний нешуточный мороз сковал за ночь реку и шитик — единственная надежда путников — вмерз в толщу льда». Ему все же легче: Ибрагим скрывает от него, что сухари уже на исходе, в занесенной сугробами палатке верный черкес отдает ему последние крохи, сам же страшно мучается от голода. В течение нескольких дней он не говорит Прохору, что не осталось никаких надежд на спасение. Но в тот самый миг, когда черкес решает уже, что ради избавления от голода и замерзания лучше одним ударом кинжала оборвать жизнь спящего Прохора, а затем и свою, тут вдруг ему удалось прямо-таки чудом кинжалом убить сохатого: «Здрав большую голову с ветвистыми рогами, лось глодал кору молодых осин... Слабый ветерок дул со стороны животного, и лось не мог унюхать подползавшего врага... Черкес наметил место пониже левой лопатки и, ринувшись вперед, всадил кинжал по самую рукоятку в сердце оплошавшего зверя...»

Эта неожиданная добыча спасла их.

Но если бы верный и простодушный черкес, так ревностно оберегавший «Прошку», как он называет Прохора Громова, мог заглянуть в самое ближайшее будущее, то, по-видимому, предпочел бы смерть! Вскоре Прохор убьет Анфису и на суде, выгораживая себя, назовет убийцей... Ибрагима-Оглы.

«Геть, шайтан! Кто? Я?! Я убил Анфис?! Собака, врешь!!! — вскочив и хватаясь за лысую, вспотевшую голову свою, пронзительно закричал черкес». И отныне и до конца жизни Прохора Громова самоотверженный спаситель его — это уже совсем другой человек: черкес, в первых главах романа идилично-добродушный, временами — комичный персонаж, несмотря на всю свою преданность юноше, которого он полюбил, становится трагически грозным и страшным мстителем.

И на вершине своего могущества, в зените власти, которую в капиталистическом мире дает обладание миллионами, Прохор Громов трепещет перед ним.

Такое же точно диалектическое развитие образа, по только на примере лица второстепенного, провинциального приказчика Ильи Сохатых, нам хотелось бы проследить. Пошлый волокита и сердцеед, жуликоватый и самовлюбленный глупец, стремящийся говорить «интеллигентно», он то и дело употребляет напыщенные словечки, а то и сочиняет любовные стишки:

Ангел ты изящный,
Недоступны мне ваши красы,
Форменно я стал несчастный
Илья Сохатых сын.
Сойду с ума или добьюся,
Адью, мой друг, к тебе стремлюся!..

Прочитав этот «перл» кухарке Громовых и черкесу, он поясняет: «Это называется акростик... В нем сказан предмет любви в заглавных буквах, но вам никогда не вообразить, кого я люблю. Эх, миленькие вы мои... Варвара! Ибрагим!.. Не знаете вы, кого я страстно люблю и страдаю...»

Но кто только в этом глухом таежном, на краю света городишке не знал, что и приказчик Громовых Илья Сохатых тоже обезумел от страсти к Анфисе!

А вот образчик его речей (надо сказать, что он произносит все это, упражняясь в стрельбе из револьвера, оскорбленный отказом Анфисы):

«— Каторга так каторга. Мне все едино без нее не жить! Застрелю ее! А может быть, случайно и себя».

Прохор незаметно подошел к нему:

«— Ты что?»

— Да вот в лопату испражняюсь. Прохор Петрович... А попасть не могу. Курсив мой...»

Однако, несмотря на столь «губительную», казалось бы, страсть, Илья Сохатых послушно по приказанию хозяина, который решил жениться на Анфисе, предлагает руку и сердце его супруге Марье Кирилловне.

И вот здесь-то автор романа дополняет психологический портрет этого комического пошляка такой «деталью», от которой он вдруг становится омерзительно-страшен. Расфранченный, в цилиндре, взятом напрокат у парикмахера, Илья Сохатых спешит исполнить приказ хозяина и объясниться в любви матери Прохора. Подползши к ее креслу на коленях, он ухитряется надеть ей на палец «супир», «суперик» (по старому сибирскому выговору). А вслед за тем он делает ей «рапорт», что ее мужа разбил паралич, Анфиса же «застрелена из ружья», и на Прохора пало подозрение.

Сердце Марьи Кирилловны не выдержало. Она умерла...

Илья Сохатых мчитя в город. Глаза его подпухли от слез. Однако «суперик» свой «с камешком» снять с пальца умершей он не позабыл!..

Или другой второстепенный персонаж — купчик Иннокентий

Филатыч Груздев. Человек он не злой, шутник, балагур с добродушной хитрецей, — но вы посмотрите, каким он становится, когда узнает, что в убийстве Анфисы обвиняется Прохор, сынок дружественной ему семьи купцов Громовых!

Неопровержимой против Прохора уликой является пыж, сделанный из оторванного уголка газеты, которую выписывают именно Громовы. Да и газета сама найдена в комнате Прохора. А обгорелый пыж, упавший в горнице убитой Анфисы, обнаружен учителем Роциным, и теперь в руках строгого и неподкупного следователя. Прохору — крышка!..

Но, к несчастью своему, следователь Голубев, человек вдовый и одинокий, «водил хлеб-соль и с семейством Куприяновых, и с Иннокентием Филатычем». Тут, как нарочно, Голубев простудился и заболел. «Тридцать восемь шесть десятых... Опять вверх пошла», — тревожно жалуется несчастный следователь Груздеву. Тот посочувствовал конечно, а сам исподволь начал разговор о Прохоре, о том, что тот, дескать, ни при чем и напрасно его хотят обвинить в убийстве Анфисы... Как добрый знакомый, следователь начинает со стариком доверительно беседовать. Правда, он оговаривается: «Только имейте в виду: этот разговор между нами. И чтоб никому ни-ни... Поняли?..»

Он, «торжествующе играя густыми бровями и морщинами на лбу, достал с этажерки старенький портфель. — Вот видите, газета без уголка. Я видел ее у Прохора Петровича при допросе. А вот и уголок».

И он показывает своему собеседнику обугленный комок газеты, послуживший убийце в качестве ружейного пыжа.

А Иннокентий Филатыч вдруг прикидывается ошарашенным неким происшествием на улице и взволнованно указывает пальцем в окно. Невольно заглянул туда и следователь. В это мгновение Груздев схватывает со стола «вещественную улику» и проглатывает ее, запивая поспешно чаем!

«— Где?! — будто из ружья выпалил следователь, и охваченные дрожью руки его заскакали по столу. — Бумага, клочок, пыж?! — Одной рукой он сгреб купца за грудь, другой ударил в раму и закричал на улицу:

— Десятский! Сотский! Староста!..

— Иван Иванович, друг... Ты сдурел. Я тебе тыщу, я тебе полторы, две...» Он доводит посулы взятки до трех тысяч, но тщетно. По требованию следователя его схватывают и подвергают унижительному обыску. Но ничего, конечно, не было найдено.

Тяжелая против Прохора Громова вещественная улика исчезла бесследно!..

Таким вот зловещим «ликом» оборачивается и этот, в начале романа плутоватый, заурядный купчишка.

Диалектическое построение образов — это одна из особенностей романа, ведь прямолинейные, статичные герои не выдержали бы той колоссальной нагрузки, которую они испытывают, участвуя в стольких событиях, совершая такое количество поступков. Внезапными событиями и поступками, которые, однако, оказываются закономерными и безупречно обоснованными, роман переполнен от начала до конца. А это и преступление Прохора, замысленное как центральная часть сюжета, дает нам в какой-то степени возможность и право рассматривать это произведение не только как народно-бытовую и психологическую панораму дореволюционной Сибири, но и как великолепный образец «криминального романа» с четким социологическим анализом общественных отношений. Но эта сторона «Угрюм-реки» должна стать предметом особого литературоведческого исследования, а теперь еще несколько слов об одном второстепенном персонаже — о простом и бедном учителе Пантелеймоне Рощине, том самом, который первым заметил и поднял с пола в горнице убитой Анфисы злополучный пыж.

Хотя расторопный купец Иннокентий Филатыч Груздев и проглотил эту вещественную улику, но учитель остается все же опасным для Прохора свидетелем и может дать показание, что пыж был самолично им, учителем Рощиным, обнаружен и передан следователю. Но Иннокентий Филатыч убежден, что денежки — всевластная сила, что крупная взятка кого хочешь одолеет, и не таких, мол, одолевала, а тут какой-то «голодранец», «учителишка», на грошовом жалованье едва концы с концами сводит... И купец, «толстенький, веселый, в бархатном купеческом картузике, пошел после обеда к учителю для дружеских переговоров. Что произошло там — неизвестно, только священник с дьяконом, вместе проводя мимо учительской квартиры, видели, как Иннокентий Филатыч катом катился по лестница и прямо вверх пятками — на улицу».

Спущенный учителем с лестницы, дошлый купчишка все ж таки старается предстать перед людьми так, как будто с ним ничего позорного не произошло.

«— А, отец Ипат! Отец дьякон... Мое вам почтение, — встав сначала на корточки, а потом и разогнувшись, весело воскликнул Иннокентий Филатыч, даже бархатный картузик приподнял.

Духовные лица хотели было рассмеяться, но, видя явную растерянность Иннокентия Филатыча, оба прикусили губы».

Пострадавший тут же сочиняет сплетню про учителя. «Вот они народы какие паршивые, эти должники!.. — на ходу выбивал купец пыль из сюртука, вышагивая рядом с духовными особами. — Тридцать два рубля должен, тварь. Третий год должен. И хоть бы копейку возвратил, шкелет! А тут стал я спускаться с лестницы, да сослепу-то и оборвался.

— Да, — пробасил дьякон, сияя рыжей бородой. — Сказано в писании: „Лестницы чужие круты“.

Мы потому остановились на этом происшествии, что оно имеет огромное социально-политическое значение. Продажность чиновников — повальная. В деле по убийству Анфисы всемогущая взятка одолевает почти всех. И вдруг осечка! И кто же устоял? Простой учитель, бедняк, больной! И в каком „окружении“: вся эта свора могла его в самом прямом смысле со свету сжить!

Светлый образ народного учителя, неоднократно привлекавший к себе внимание писателей-демократов еще в прошлом столетии, дан в „Угрюм-реке“ в ореоле гражданского мужества, правдивости и неподкупности. Поступки учителя словно струя живительного кислорода в этой удушливой атмосфере вероломства и продажности!

Пейзаж, бытовые картинки всегда связаны с настроениями, с характерами героев. Часто описание домов, квартир, интерьеров помогает оттенить социальное положение действующих лиц.

Вот, к примеру, горница зажиточного крестьянина-охотника, отца той самой Тани, которой суждено было стать первой женщиной Прохора: „Семь ружей на стене; малопулька, турка, медвежье, централка, три кремневых самодельных; в углу рогатина-пальма, вдоль стен — кованые железом сундуки, покрытые тунгусскими ковриками из оленьих шкур. На подоконниках груды утиных носов — игрушки ребятишек. Образа, четки, курильница для ладана...“

И противопоставьте этому безжалостно верное изображение вкопанных в землю бараков, где жили сотни и тысячи громовских рабочих с женами и детьми. Вот в сопровождении инженера Протасова супруга „самого“ Прохора Громова, благотворительница-ханжа, „квакерша“ (так обозвал ее Прохор), вздумала посетить барак. „Проходили мимо семейного барака. Четыре венца бревен над землею и — на сажень в землю“. У дверей толпа играющих ребятишек со вздутыми животами. „Я здесь никогда не бывала, — сказала Нина. — Я боюсь этих людей: все золотоискатели — пьяницы и скандалисты...“

— Может быть, заглянем? — осторожно улыбнулся инженер Протасов.

И они, спустившись по кривым ступенькам, вошли в полуподземное

обиталище. Из светлого дня — в барак, как в склеп: темно. Нинушибанул тлетворный, весь в многолетнем смраде воздух. Она зажала раздушенным платком нос и осмотрелась. На сажень земля, могила. Из крохотных окошек чуть брезжит дряблый свет. Вдоль земляных стен — нары. На нарах люди: кто по праздничному делу спит, кто чинит ветошь, оголив себя, ловит вшей. Мужики, бабы, ребятишки. Шум, гармошка, плевки, перебранка, песня. Люльки, зыбки, две русские печи, ушаты с помоями, собаки, кошки, непомерная грязь и теснота. — Друзья! — сказала Нина громко. — Почему вы не откроете окон? Бог знает, какая вонь у вас. Ведь это страшно вредно...“

Один из рабочих, задыхаясь от ярости, кричит: „Все они — гадючье гнездо... — И Яшка стал ругаться черной бранью. Его схватили, поволокли в угол. — Я правду говорю, — вырвался он. — Десятники нас обманывают, контора обсчитывает, хозяин штрафует да по зубам потчует. Где правда? Где бог? Бей их, иродов, бей пристава!“

Прежде чем закончить эту пространную выдержку, обратим внимание на то, что в этих яростных выкриках рабочего проявился стихийный протест против эксплуататорского мира. „Главная тема романа, — писал Шишков в 1933 году, — так сказать, генеральный центр его, возле которого вихрятся орбиты судеб многочисленных лиц, — эта капитал со всем его специфическим запахом и отрицательными сторонами. Он растет вглубь, ввысь, во все стороны, развивается, крепнет и, достигнув пределов могущества, рушится. Его кажущуюся твердыню подтачивают и валят нарастающее самосознание рабочих, первые их шаги борьбы с капиталом, а также неизбежное стечение всевозможных обстоятельств, вызванных к жизни самими свойствами капитала“.

Автор, это сейчас не вызывает никаких сомнений, всесторонне раскрыл эту тему.

В сибирских рассказах Вячеслав Шишков неоднократно писал о таких явлениях, как спаивание и ограбление тунгусов и других „инородцев“ „мелкими купчишками“ типа „харлашек“, как их презрительно называли местные жители. Как же поступал герой „Угрюм-реки“ Прохор Громов? Мог ли он не воспользоваться столь важной статьей дохода? Будучи еще молодым, неопытным, он намеревался торговать с тунгусами честно и снабжать их товарами „по-божески“. И вот, наторговавшись, завалив дорогими мехами свой склад, Прохор Громов решил на прощанье изрядно угостить тунгусов водкой. Выпил и сам с ними. Но алкоголь ввергает их в ужасное, невменяемое состояние:

„Возле дома барахталась куча пьяных тунгусов. Они таскали друг друга за длинные косы, плевались, плакали, орали песни. Из разбитых носов текла кровь. Увидели Прохора, закричали:

— Вот тебе сукно, бери обратно, вот сахар, чай, мука, свинец, порох. Все бери назад. Только вина дай.

Прохор гнал их прочь. Они валялись у него в ногах, целовали сапоги, ползали за ним на коленях, на четвереньках, плакали, молили:

— Давай, друг, вина! Сдохнем! Друг!..“

И тогда Прохор, не всерьез, конечно, говорит одному из тунгусов, сделав, однако, вид, что это отнюдь не в шутку:

„— Хочешь, выткну тебе глаз вот этим кинжалом? Тогда дам.

— Который? Левый? — спросил старик.

— Да, — и Прохор вытащил кинжал.

Старик подумал и сказал.

— Можно. Один глаз довольно: белку бить — правый. А левый можна“.

Русские трудящиеся Сибири, сами жестоко эксплуатируемые, сочувствовали угнетенным народностям. Это также ярко показал Вячеслав Шишков в главе, где шитик молодого Прохора встречается на Угрюм-реке с обратно плывущим, наполненным дорогами мехами шитиком торговца-хищника Аганеса Агабабыча.

Русский таежный богатырь Фарков, тот самый, что ведет шитик Прохора, издали опознает купчину.

„— Аганес Агабабыч! — крикнул Фарков, приподымаясь. — Вот имячко-то чертово, язык сломаешь, — сказал он Прохору. — Политики его тянут, царские преступники...“

Оплывший жиром, „в два обхвата, в густой, как у медведя шерсти“, ярый в гневе и глумливый со своими наемными, купчина орет Прохору, предостерегая его:

— ...Зачем едешь? Может, торговлю желаешь заводить? На-а-прасно! Здесь пропадешь... Тунгусишки — зверье, орда, того гляди зарежут... Ой, не советую! Ой-ой!..

Этой бесстыдной лжи не стерпела прямая душа — Фарков:

— Чего зря врешь, — кричит он ему в ответ. — У нас народ хороший. А ты ведь как клещ впился — ишь брюшину какую насосал...»

Купчина взъярился. Но вмешался Прохор и перевел на другое.

«— А это кто такие? — спросил он, указав на тех, кто тянул лямку шитика».

И что же отвечает на это гнусный торгаш, бывший уголовник?

«— Политики... Смутьяны... Ссылка... Дрянь. Я их во!..

— Почему дрянь? — вопросительно взглянул Прохор в его заплывшие, свинячьи глазки.

— А как! Против царя, против порядку, против капиталу? Пускай-ка они, сукины дети, на себе теперича меня повозят, пускай лямку потрут... Ха-ха-ха... Я их — во! — вскинул мохнатый кулак и покачал им в воздухе».

Затем между купцом и горячо вступившимся и за тунгусов, и за политических ссыльных Фарковым завязывается едва ли не смертельная драка...

У иного не осведомленного в истории каторги и ссылки, быть может, возникнет недоумение: да неужели и политические ссыльные, да еще такие, как фармацевт и бухгалтер, уж настолько бедствовали на поселении в Сибири, что должны были за кусок хлеба идти в бурлаки?.. Не сгущает ли Шишков краски? Нет, ничуть! Как всегда, автор верен исторической правде и в этой сцене.

Именно в образе главного героя «Угрюм-реки» наиболее четко прослеживается то основное правило (а может быть, закон), которого придерживался Шишков, — речь идет о диалектике образа, о тех, казалось бы, несоединимых противоречиях, которые проявляются в эволюции характера Громова. По сути дела, убийство Анфисы позволяет Шишкову по-новому разрешить вечную тему «преступления и наказания», проблему угрызений совести. Пред нами предстает не рефлектирующий Раскольников, а волевой сибиряк, рвущийся без удержу к воплощению своих мечтаний о могуществе, о власти над «людишками» через обладание первой силой капиталистического мира — богатством, золотом.

Вспомним начало яростной, бурной жизни Прохора Громова, до его кровавого преступления: какая заря перед ним занималась! Тогда еще не «людишки», а люди были у него в думах. Заметим попутно, в какой-то степени он так думал благодаря влиянию политического ссыльного Шапошникова. Кто он в смысле его партийной принадлежности — определить трудно, но, во всяком случае, революционер и в прошлом подпольщик. Он снабжает юношу хорошими книгами, старается своими беседами пробудить его совесть, знакомит с трудами ученых, но все это могучему и эгоцентричному парню кажется слишком отвлеченным, далеким и «мудреным».

«— Вот вы всегда мудро очень, мне и не понять...

Да оно, впрочем, и действительно уж слишком мудровато отвечал Шапошников на страстные, с душевной болью, пытливые вопросы юного

богатыря». Тут автор «Угрюм-реки» с помощью чрезвычайно сжатого диалога, с помощью лишь обозначения жестов создает у читателя иллюзию непосредственного участия в беседе, он как бы находится в той же комнате, что и герои:

«— Я совсем не знаю жизни... Я ничего не знаю, а надо начинать. Научите.

Прохор стоял, скрестив на груди руки и обратив к нему задумчивое, грустное лицо.

Шапошников раскуделил бороду и прокрутил в воздухе рукой, как бы раскачиваясь к длинной речи.

— Жизнь, — начал он, — то есть весь комплекс виденной природы, явлений свойств...»

Вот здесь-то и оборвал его Прохор бесцеремонным заявлением, что «мудро очень» и «не понять».

«— Обстоятельства — плевок!» — кричит Шапошникову юный Прохор, с разбегу перепрыгивая через костер.

«— Ежели есть сила, — обстоятельства покорятся».

Культ силы. А сила — в деньжищах, в золоте. Вот так постепенно выкристаллизовывается *sine qua non* Прохора Громова, в юные годы старавшегося быть человеколюбивым, а позднее превратившегося в настоящего хищника.

Обстоятельства, толкнувшие Прохора на убийство Анфисы, искусно показаны во всей их совокупной неотвратимости.

Причин, вытекающих из характера Прохора Громова, как будто бы вполне достаточно предлагает автор «Угрюм-реки», дабы объяснить «мотивы преступления». И все же весь строй произведения свидетельствует о том, что виноват «его препохабие» капитал, растливший Громова. То есть психологические мотивы переплетаются с социальными, причем акцент сделан на последних. Вот что говорит следователь в беседе с купцом Груздевым:

«Вы, милейший, сами подумайте, кому была выгодна смерть Анфисы Петровны? Отцу Ипату не нужна, приставу не нужна, нам с вами тоже не нужна. Теперь так: ни для кого не секрет, что старик Громов хотел жениться на Анфисе Петровне и что она требовала перевести на ее имя все имущество и весь капитал, в том числе и капитал Прохора. Это доподлинно известно следствию. Известно также следствию и то, что Прохор Петрович хотел через женитьбу на дочери купца Куприянова приумножить свои капиталы и заняться промышленностью в широком масштабе».

И наконец, чтобы не оставалось никаких сомнений в истинных

причинах убийства Анфисы, припомним, какие картины будущего «сменялись и оценивались с молниеносной быстротой» в сознании Прохора, когда отец ошеломил его своим ложным, будто бы невольно вырвавшимся признанием, что Анфиса уже второй месяц как беременна.

«Вот Анфиса — жена Прохора: значит, наступят бесконечные дразги с отцом; капитала Нины Куприяновой в деле нет, значит, широкой работе и личному счастью Прохора — конец. Вот Анфиса — жена отца, значит, капитал Нины Куприяновой в деле, зато в руках мстительной Анфисы — вечный шантаж, вечная угроза всякой работе...»

Преступник Прохор Громов торжествует — он владыка золотой тайги, а по существу, ни к чему ему эта победа: воспоминания о кровавом злодеянии разрушают психику этого когда-то могучего человека. Он пытается утолить свою боль то в чудовищных оргиях, то в бегстве в таежные дебри, к «старцам», то в исповеди перед отцом Александром.

«— Душа моя за последнее время как-то мрачнеть стала. Загнивает, понимаете ли...»

Он все чаще и чаще прибегает к помощи кокаина. Им овладевают длительные галлюцинации устрашающего характера, доводящие его до неистовства.

Когда наступает просветление, Прохор Громов принимается за дело.

Многим казалось невероятным, что после мятежа доведенных до отчаяния приисковых рабочих, после расстрела их шествия Прохор Громов ничего лучшего не мог придумать для быстрого поправления своих пошатнувшихся дел, как издать приказ: «С первого числа понизить заработок всем рабочим на двадцать процентов, рабочий день удлинить на два часа». Да, еще удлинить, когда уже и без того стон стоном стоял! Но Прохор Громов считал: «Рабочие избаловались повышенной платой, „наживали“ на его хлебах жирные морды, вместо двенадцати часов работают... по десяти». Прохор Громов считал, что, если рабочие не захотят выполнять эти его условия, пусть уходят, он найдет других...

Да это ж какой-то сумасшедший, изувер! Но вот что писал об эксплуататорах К. Маркс:

«Как капиталист, он представляет собою лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала... Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает»^[24].

Заканчивая этот анализ эпопеи, необходимо признать, что автор «Угрюм-реки» не только прекрасно знал жизнь, но и оценивал историческую действительность с точки зрения борьбы классов. В

созвучии романа-эпопеи «Угрюм-река» с современностью должны мы признать ее непреходящее историко-художественное значение...

«Угрюм-река» — это действительно такое произведение, ради которого стоило жить и тяжело трудиться в Сибири.

«В этой книге Шишков, — подчеркивает Федин в статье „Прощание“, — проявил все стороны большого русского бытописателя, и когда наш читатель захочет заглянуть в глубины глубин истории Сибири, он не сможет обойтись без Вячеслава Шишкова...»

Профессор Б. Томашевский отмечал: «Кто раз прочел „Угрюм-реку“, тот уже не забудет эту вещь, хотя бы из памяти и стерлись отдельные извилины в сложном рисунке сюжетного развития».

По трудному пути

Надежды на отдых после столь продолжительного и напряженного труда над романом «Угрюм-река» остались неосуществленными. После долгих раздумий и советов друзей он решает писать роман о Емельяне Ивановиче Пугачеве. Уже в начале 1934 года в письме к М. В. Аверьянову Вячеслав Яковлевич сообщает, что работает «над Екатериной и Пугачевым и их сродниками, книг нашел много, но не все еще...».

Да, это было далеко не все. И материалов, и книг, и журналов у него было много, и с их помощью писатель мог разобраться в обстановке XVIII века, нащупать среди разнообразных и противоречивых высказываний о

Пугачевском восстании, о царе-самозванце исторически правильный ориентир, почувствовать и осознать движущие силы эпохи, составить представление о грандиозных событиях, наметить приблизительный план своего повествования. Но ведь от художника слова в историческом романе требуется иное, и куда большее! Поэт, писатель, вторгшийся в давно минувшую эпоху, должен в идеале, говоря словами Белинского, вынести «из нее вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненное всякой истории».

И, приступая к работе, он испытывал мучительнейшие сомнения.

«„Пугачев“, — опасался Шишков в письме к И. А. Новодворскому, — к сожалению, будет, думаю, плоше (в сравнении с „Угрюм-рекой“. — Н. Е.). Ушли годы, не та кровь во мне, — охладела (разве что подогрею на сухумском солнышке), и чувствуешь большую узду выучки на своем пере, которая, черт бы ее драл, сдерживает размах естественного творчества. А это, может быть, лучше, а может и хуже, я и сам не разберу, одного боюсь, как бы из живого родника не потекла дистиллированная водичка».

Речь шла о характере пугачевцев, об их душах, мыслях и чувствах, о людях, которые должны были «заселить» новое произведение Шишкова. Вот их-то Вячеслав Шишков искал не в книгах, а в жизни и, представьте себе, в советской действительности.

Поэтому в беседах с друзьями, которые ему рекомендовали сосредоточить все свое внимание исключительно на «Емельяне Пугачеве», он с улыбкой снисходительности говорил, что не собирается, подобно «скупому рыцарю», сидя безотлучно на сокровищах, отрытых в кургане древности, наживать себе геморрой.

— Да я б ни хрена и в мужике-пугачевце не понял, когда б не знал мужика-колхозника... Там — коренья, здесь маковка в цвету. Попробуй-ка распознать породу дерева по одному его замшелому пнищу.

В работе над «Емельяном Пугачевым» Вячеслав Шишков встретился с большими трудностями. Все первоначальные планы писателя, намеченные сроки и объем повествования значительно изменялись в процессе писания. Автор предполагал закончить «Пугачева» в 3–4 года и объем его определял в 40–50 авторских листов. Однако работа над этой исторической эпопеей длилась десять лет и все же не была закончена. Смерть вырвала перо из рук писателя. Объем повествования превысил сотню авторских листов и равнялся двум третям объема полного собрания сочинений Шишкова, выпущенного издательством «Земля и фабрика» в 1927 году.

Каждый герой повествования, а их сотни, имеет исторически правдивую биографию, свой характер, свои особые черты. В письмах К.

Федину и архитектору А. Суслову Шишков жалуется, какие трудности ему приходится преодолевать. Судя по гравюре, например, Сумароков черноволос, а оказывается, он рыжий; по одним источникам Иван Антоныч высок, по другим — среднего роста; зодчий Баженов по двум источникам Василий Петрович, а в монографии Снегирева — Василий Иванович. «Трудновато с Екатериной: она женщина чрезвычайно умная, а надо, чтобы Пугачев был поумней ее... Хорошо, что я успел полюбить Емельяна Ивановича и, кажется, более или менее правильно оценить его как вождя».

Прежде всего надо было на основе тщательной проверки многочисленных противоречивых материалов выявить те искажения, которые допустили буржуазные историки, оценивая Пугачева как разбойника и грабителя. Все это Вячеслав Шишков проделал с большой последовательностью. Он тщательно исследовал каждый факт, имеющий отношение к Пугачеву и пугачевскому движению: даже изучал в Эрмитаже ювелирные изделия, фарфор, живопись XVIII века. Большую помощь писателю оказывала К. М. Шишкова, которая подбирала по заданию автора необходимые материалы в библиотеках и архивах, переписывала их на машинке и вообще делала все, что было в ее силах, дабы помочь ему в неимоверно сложном труде.

Работал Вячеслав Яковлевич над «Пугачевым» с большим увлечением. По словам Клавдии Михайловны, он начинал работу с утра и продолжал до двух-трех часов. Часто ходил по небольшому кабинету, рассуждал про себя, хмурился, улыбался, представляя в своем воображении какую-то сцену. Иной раз, прищелкнув пальцами, говорил вслух: «Есть, придумал, нашел!» — и садился за стол, чтобы писать страницу за страницей.

Каждый день Вячеслав Яковлевич совершал двухчасовые прогулки. Но и отдыхая, он не переставал думать о своих героях. Богатая пушкинская природа, аллеи и парки, населенные птицами, помогали ему в этом. Летом Вячеслав Яковлевич любил уйти из парков в поля, чтобы полюбоваться там луговыми травами и цветами.

Нравилась ему осень, пролетающие на юг птицы. В эти минуты припоминалась Шишкову далекая Сибирь, Нижняя Тунгуска и улетающие от нежданно пришедшей зимы лебеди.

Здесь, наедине с природой, обдумывались разные эпизоды и картины первой книги «Емельяна Пугачева», действие которой развивалось в Петербурге, во дворцах Петергофа, Ораниенбаума. Надо было в деталях продумать придворную борьбу, свержение Петра III, возведение на престол Екатерины II. Вот под командованием Григория Орлова гвардейские полки мчатся в Ораниенбаум для того, чтобы взять под стражу русского

«самодержца»... А затем мысли писателя стремительно переносятся на Дон, в Зимовейскую станицу — родину Емельяна Пугачева, на реку Урал к яицким казакам... Трудно было советскому писателю в XX веке познать судьбы и характеры большой массы разных по классовому положению людей XVIII века. Тяжелую ношу взвалил на свои плечи Вячеслав Шишков...

В. Я. Шишков (1927 г., село Никольское, под Москвой).

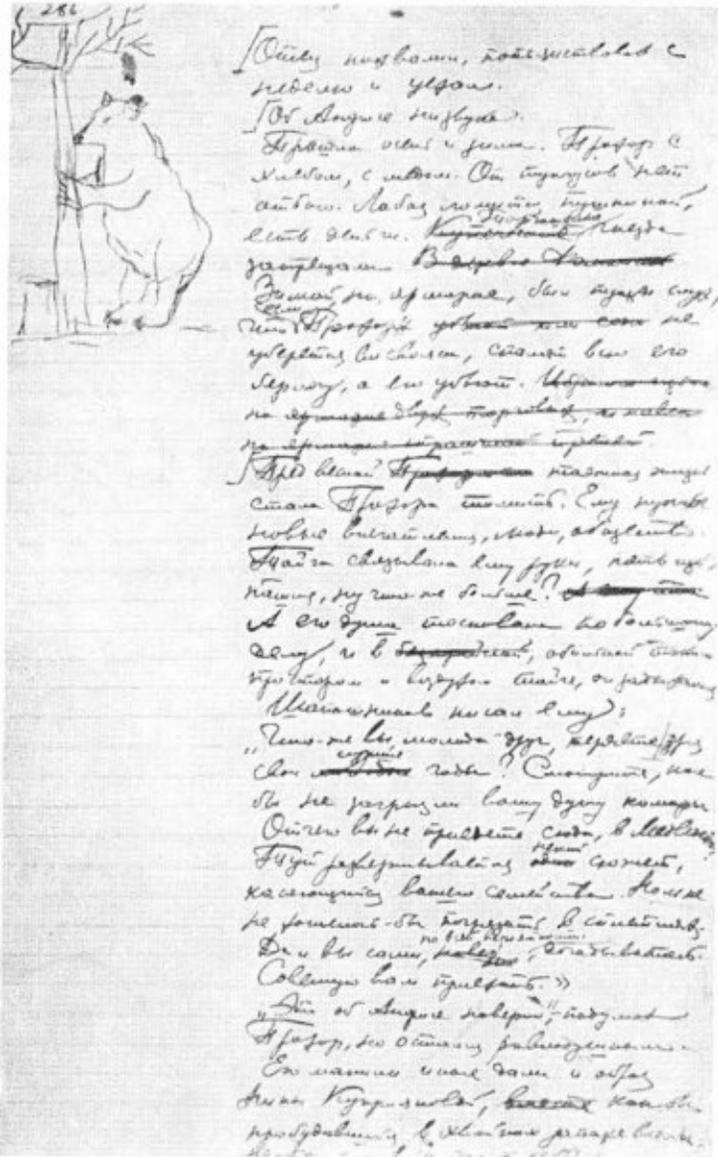
В. Я. ШИШКОВ (1928 г.).

Дом, в котором жил В. Шишков с 1929 по 1941 год (г. Пушкин).

В. Я. Шишков после занятий с членами литературного объединения.

Страницы из рукописи романа «Угрюм-река» с рисунками автора.

В. Я. Шишков в Перми (1931 г.).

Роман «Угрюм-река» (издание 1952 г., г. Куйбышев).

Первый том «Емельяна Пугачева» (Гослитиздат, 1957 г.).

К. М. и В. Я. Шишковы с Г. Н. и И. А. Новодворскими в Сухуми.

Вячеслав Яковлевич в период работы над «Емельяном Пугачевым» (г. Пушкин, 1938 г.).

В. Шишков (1938 г.).

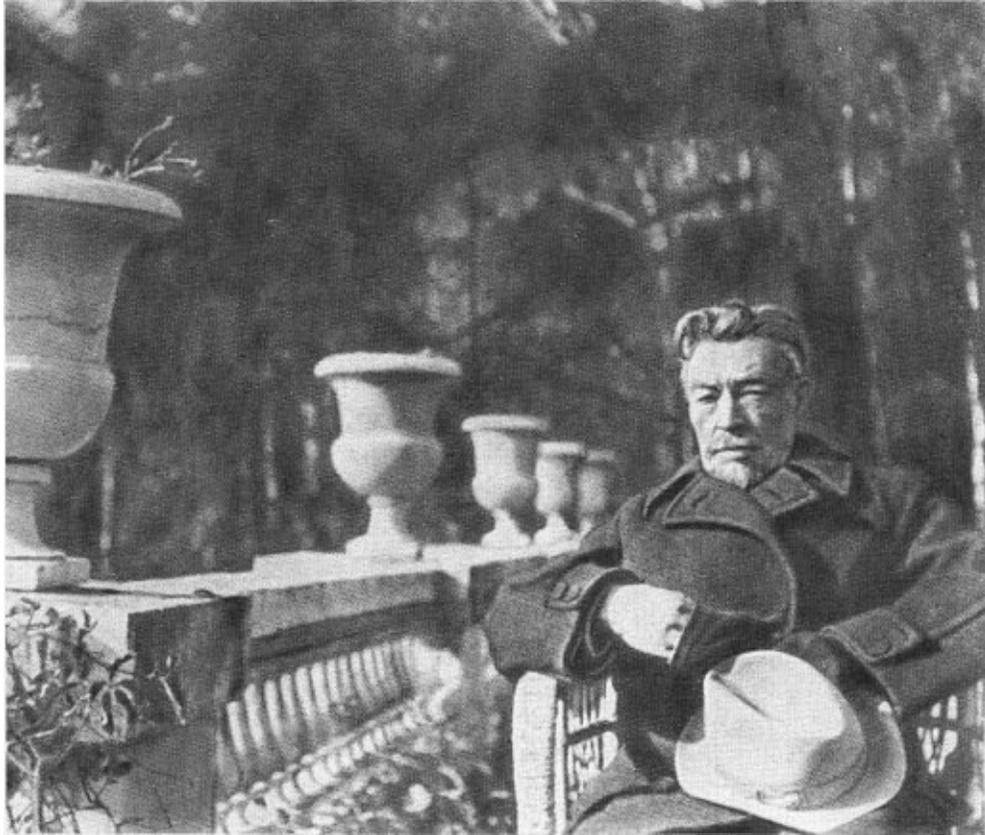
В. Я. и К. М. Шишковы (фото А. Толстого, 1937 г.).

Вячеслав Яковлевич читает главы из «Емельяна Пугачева» в Доме культуры (1939 г.).

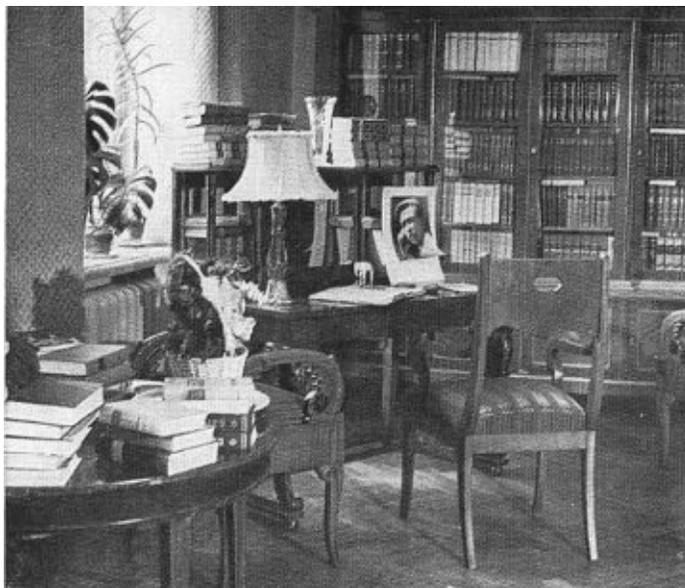
В. Шишков (Москва, 1943 г.).

В санатории «Архангельское» (1943 г.)

В. Я. Шишков, О. Д. Форш в Кремле после вручения орденов (1943 г.).

Кабинет В. Я. Шишкова (Москва, ул. Горького, дом 8).

Открытие памятника В. Я. Шишкову в Бежецке (1950 г.).

Памятник В. Я. Шишкову (скульптор И. А. Рабинович).

Дом с мемориальной доской на улице Горького в Москве, где жил В. Я. Шишков

Теплоход «Вячеслав Шишков».

Продолжая трудиться над первой книгой «Емельяна Пугачева», Вячеслав Шишков оставался верен своим творческим установкам — он внимательно наблюдал за происходящими в стране событиями и продолжал откликаться на них очерками, статьями. В 1933 году, перед началом работы над «Пугачевым», Вячеслав Шишков вместе с Алексеем Толстым побывал в Кандалакше на подъеме со дна Белого моря ледокола «Садко». В этом северном городе и окрестных рыбацких колхозах Вячеслав Шишков, как обычно в таких случаях, встречался с местными охотниками, рыбаками и подолгу с ними разговаривал, наслушался от них разных любопытных историй, которые частично пересказал в очерке «„Садко“ — гость советский».

Эта поездка произвела и на Шишкова, и на Толстого большое впечатление. Помню, с каким увлечением рассказывал об этом Алексей Николаевич в один из своих приездов в издательство. Свое восхищение Вячеслав Яковлевич высказал в письмах к друзьям, в очерках. «За двадцать дней путешествия многое осмотрели, — писал Шишков. — Зрелище было поразительное: и природа, и непомерные, увенчанные большим успехом труды людей. Север осваивается, он живет и будет не только жить, но и процветать. Вопреки карканью царских чиновников за Полярным возможно и земледелие — сами видели и ели землянику садовую, больше грецкого ореха, цветную капусту, огурцы, помидоры, кольраби и проч.».

Вячеслав Яковлевич делится своими впечатлениями о поездке с М. Горьким В декабре 1933 года он пишет ему: «Был в Хибиногорске, в Нивострое, в заполярных совхозах, в лисятнике Канадских лисиц (написал о зверьках очерк) и проехал по великолепному Беломорско-Балтийскому каналу... Я бы советовал приехать вам в Хибиногорск, удивительной красоты там природа и климат для легких целителей».

В 1933–1934 годах Вячеслав Яковлевич пишет рассказы, посвященные гражданской войне, — «Пепел», «Дивное море», «Вспомнил». Последний рассказ с согласия Шишкова А. Н. Толстой использовал в своем романе «Хмурое утро». А рукописи остальных рассказов погибли в городе Пушкине во время наступления фашистов. Продолжая работу над «Емельяном Пугачевым», автор пишет либретто оперы «Угрюм-река» для композитора Д. Г. Френкеля.

В 1934 году Вячеслав Шишков вместе с другими ленинградскими делегатами принимал участие в работе Первого Всесоюзного съезда писателей. Съезд для Вячеслава Яковлевича был большим и важным событием. Вряд ли в эти торжественные дни он мог забыть несправедливые и необъективные выступления некоторых рапповских критиков по поводу романа «Угрюм-река» и других произведений. Не думаю, что Шишков не заметил статью критика С. Динамова «Чумандрин и Толстой», в которой Чумандрин ставился выше Льва Толстого. «Да, были времена!» — замечает по этому поводу Вячеслав Шишков в одном из своих писем.

Мудрыми словами, не потерявшими и в настоящее время своей остроты и значения, говорит он об итогах съезда в «Литературном Ленинграде»: «Если мы, активно участвуя в текущей жизни, сумеем вырвать из своей души пустое тщеславие, если мы станем искренно помогать друг другу в литературных трудах, то мы этим самым действительно образуем высокоидейный союз советских писателей, представляющий собою не механическое, через устав и параграф, соединение людей нашей профессии, а союз мастеров слова, спаянных внутренней силой порыва поднять советскую литературу на высоту эпохи. Только такой союз и может нас двинуть в дальнейший путь к той вершине, которую мы обязаны взять».

Вячеслав Шишков не уходил от своих общественных нагрузок в творческие отпуска. Большую и напряженную работу над «Пугачевым» он опять-таки совмещает с общественной деятельностью. Добросовестно исполняя обязанности председателя ревизионной комиссии Союза писателей, члена редакционной коллегии журнала «Литературный

современник», члена редсовета ленинградского филиала издательства «Советский писатель», Шишков по-прежнему много времени и внимания уделял и начинающим писателям. В письме к своему старому другу по исследовательской работе в Сибири В. П. Петрову Шишков жалуется, что не сумел выбрать времени, чтобы заехать к нему: «...Проезжал я мимо Петровского парка, возили меня на кинофабрику, мысленно помахал тебе рукой. Кинофабрика хотела экранизировать „Угрюм-реку“, да, видимо, раздумала... Сейчас работаю над „Пугачевым“. Кой-что уже написал... Отвлекался, занялся другим, да и публика по летнему времени мешает, то один приедет, то другой. Молодые писатели осаждают, тащат рукописи: „Прочти, помоги, отец“. Отказать нельзя, сердце кровью обливается, ребята хорошие...»

В 1935 году по приглашению Ф. И. Крылова, с которым писатель близко познакомился во время подъема ледокола «Садко», Шишков вместе с Клавдией Михайловной едет на эпроновские работы по подъему затонувших кораблей в Одессу. Через некоторое время они прибыли в Севастополь, где также велись эпроновские работы. В Балаклаве Шишков познакомился с учащимися водолазного техникума, затем он побывал на раскопках в Херсонесе, потом в Бахчисарае и, наконец, в Сухуми...

Популярный писатель, автор многочисленных рассказов, очерков, повестей, пьес, «шутейных рассказов», печатавшийся в центральных журналах, выпустивший собрание сочинений, издавший много отдельных книг и, наконец, уже дважды опубликовавший крупное и яркое произведение «Угрюм-река», Вячеслав Яковлевич до конца своих дней был сердечно благодарен Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! На днях в московский Ваш адрес я отправил Вам свою многолетнюю работу — роман „Угрюм-река“.

Посылая Вам книги, я мысленно вспомнил Вас, как своего первого по литературным делам учителя.

Кажется, в 1916 году Вы читали мою повесть „Тайга“, с которой я выступал в свет, одобрили ее и дали мне ряд ценнейших указаний, уяснивших мне, в чем заключается основной секрет писательского искусства.

То же было и с другими моими произведениями, представляемыми Вам.

За все это я приношу Вам, дорогой Алексей Максимович самую искреннюю благодарность...»

Это было последнее письмо Вячеслава Шишкова М. Горькому. Были

встречи на съезде писателей... Но через два года с горечью и печалью в сердце Вячеслав Шишков едет в Москву хоронить своего «крестного отца», своего учителя, учителя и руководителя советских писателей — М. Горького.

Вся страна, вся советская литература потеряли гениального писателя, великого гражданина земли советской. После смерти В. И. Ленина смерть М. Горького явилась крупнейшей утратой для нашей Родины, для советского народа. Смерть человека, который ввел Вячеслава Шишкова в заветный мир литературы, была для него большим личным горем. Шишков очень хорошо ощущал и понимал значение М. Горького для вновь созданного Союза писателей, для развития советской литературы, советской культуры.

В 1937 году Шишкова избрали председателем ленинградского отделения Литфонда. Он активно участвует в подготовке к выборам в Верховный Совет Советского Союза. Однако на писателя все сильнее и сильнее «наступали» герои «Емельяна Пугачева». «При изучении материалов, — пишет Шишков Н. С. Каржанскому, — я наткнулся на любопытную фигуру жулика Долгополова, у меня сразу возник его образ, ход его действий и, чтоб не забыть, что мне творчески пригрезило, я и начал писать свою вещь чуть ли не с конца. А потом эту вредную затею бросил и стал писать, как и полагается, сначала...»

Ждал и требовал первые главы «Пугачева» и журнал «Литературный современник». Вячеслав Шишков сокращает свои обязательные прогулки в парке и в конце концов выполняет свои обязательства перед редакцией журнала. Заканчивает обе части первой книги. Позади остались четыре года кропотливого, упорного и вдохновенного труда. Еще могуча была творческая энергия писателя.

В 1938 году на страницах «Литературного современника» были опубликованы главы из первой книги. Конечно же, это радовало и окрыляло писателя. На суд читателя было представлено новое произведение, и он не остался к нему равнодушным. И друзья и недруги писателя встретили «Пугачева» с большим волнением. И Шишков и редакция «Литературного современника» получили много хороших отзывов и добрых пожеланий. Иные стремились помочь ему. Таким оказался архитектор А. И. Суслов, который хорошо знал русскую историю и особенно XVIII век. Вячеслав Шишков благодарил его за письма, в которых Суслов обращал внимание автора на некоторые неточности в романе и вступал с ним в споры о пугачевском движении.

Но критика К. Малахова не интересовали творческие терзания писателя. Не разобравшись в событиях, не посчитавшись с тем, что опубликовано только начало романа, К. Малахов выступил со статьей, направленной против «Емельяна Пугачева». Он назвал этот роман «суррогатом подлинно художественного, правдивого произведения», якобы построенным по рецептам «пошляка Салиаса на анекдотах». В каких только грехах — и в искажениях исторической действительности, и в неверной трактовке образов — не обвинялся автор! «Скверно, когда советский писатель учится патриотизму у Иловайского и художественному творчеству у Салиаса. Еще хуже, когда национальная гордость подменяется квасным патриотизмом и дается амнистия шовинизму», — заканчивалась ругательная статья.

В своих письмах к Новодворскому, Каржанскому и другим близким друзьям Шишков не жаловался на самый факт появления критической статьи. Он спокойно бы перенес любую справедливую, товарищескую критику, критику обоснованную, квалифицированную. Но ничего этого не было. «Вот меня пбили на страницах печати, а я не кричу. Пбили несправедливо. Отовсюду я имею о романе самые хорошие отзывы, в искренности коих я не сомневаюсь... И все-таки переносить на старости лет публичное заушение тяжело...

Меня еще раз обругал в „Литературной газете“ К. Миронов. Статья еще более глупая, чем статья К. Малахова. Впрочем, оказывается, это одно и то же лицо. На сей раз я даже и не особенно обиделся. Белиберда и полное непонимание истории. По К. Миронову, Волков, запертый (Петром III) с датским кобелем, пишет манифест о вольности дворянской — выдуманный мною фарс. А это факт. О нем упоминают и Соловьев, и князь Щербатов в своей книге „Повреждение нравов в России“. Щербатов записывал сей инцидент со слов самого Д. В. Волкова... Мнение Малахова необоснованное, вульгарное, несправедливое и тем более обидное. Все его тезисы легко можно опровергнуть. А все же публичная зуботычина нанесена, и от нее — боль в сердце. А сердце-то старое.

Одно утешение, что читатель меня довольно знает и вряд ли придаст особое значение развязной выходке Малахова. Ну да об этом не стоит много говорить».

К сожалению, критика «Емельяна Пугачева» не ограничивалась только статьями Малахова. В статье о «Литературном современнике», напечатанной в «Ленинградской правде» 11 августа 1938 года, некий С. Езерский писал: «Дал еще журнал „Литературный современник“ за этот год исторически порочный роман В. Шишкова „Пугачев“, о котором печать уже

писала».

Но что все это означало для писателя? Как несправедливые и злопыхательские статьи отозвались на нем?

Вот что пишет по этому поводу в своих воспоминаниях врач А. В. Пилипенко:

«Мнение всех окружавших Вячеслава Яковлевича относительно этой критики было вполне определенное: ее единодушно оценили как клевету. Ближайшие друзья всячески старались успокоить Вячеслава Яковлевича. Он соглашался, подбадривался, а по уходе друзей снова предавался мрачным мыслям о незаслуженной обиде. В отношении моего дорогого пациента эти „критики“ добились своего: работа уже не клеилась, поездка на Волгу и Урал, о которых он говорил и мечтал еще с зимы, не состоялась. Вячеслав Яковлевич похудел, почернел; лицо было как у людей, перенесших большое внутреннее горе или тяжелую болезнь, и вскоре эти переживания подорвали его физические силы. Появились отеки на ногах, усилилась одышка, кашель; появилось то, что у врачей именуется недостаточностью сердца. Учитывая возраст... положение больного расценивалось как тяжелое...»

Конечно, справедливость в конце концов восторжествовала. Клевета на роман «Емельян Пугачев» была опровергнута также, и авторитетной комиссией во главе с академиком Е. Тарле, которая была организована по настоянию Шишкова. «Тарле горячо приветствовал „Емельяна Пугачева“ и, сделав несколько замечаний, признал историческую концепцию работы правильной».

Но эти невзгоды все же остались позади. Шишков благодаря уходу и заботе Клавдии Михайловны преодолел тяжелую душевную травму, нанесенную «критиками». Вячеслав Яковлевич побывал в Москве у своих друзей. Оттуда он вернулся окончательно успокоенный и ободренный. «Литературная газета» в передовой статье сама опровергла критику Малахова, сообщив читателям, что он пытался опорочить патриотические романы Шишкова и других.

В феврале 1939 года Вячеслава Шишкова за заслуги в литературной работе наградили орденом «Знак Почета», который ему был вручен в Кремле. В мае вместе с Клавдией Михайловной он направляется в Киев, где участвует в работе пленума правления Союза писателей СССР, посвященного 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко. Он посетил могилу великого украинского поэта в Каневе, затем побывал в Житомире и в Белой Церкви...

Вячеслав Шишков продолжает работу над «Емельяном Пугачевым». Он собирает дополнительный материал для второй книги и одновременно пишет новые главы: «Большое Кунерсдорфское сражение», «Жизнь в Кенигсберге», «Взятие Берлина», о Салтычихе и другие — для первой книги. Вся его работа над этими главами и отделка уже написанного в общей сложности занимают больше года. За это время написано около десяти листов нового текста.

В письме к А. Н. Толстому Шишков сообщает: «Я еще целый год сидел над „Пугачевым“, значительно дополнил его, кое в чем сократил и лишь после тщательной обработки сдал в Государственное издательство. Всего работал над 1-й книгой больше 4 лет. А вторую сделаю вдвое, а нет, так и втрое быстрее».

К сожалению, этому намерению осуществиться не позволили сложившиеся обстоятельства. Вячеславу Шишкову пришлось отвлечься. После окончания либретто для оперы «Угрюм-река» Вячеслав Шишков, как он об этом пишет А. Толстому, прослыл хорошим либреттистом, и ему после вторичной просьбы главного дирижера оперного театра А. Позовского и композитора В. Щербачева все же пришлось писать либретто для оперы «Иван Грозный». «Это уже вторая попытка, — жалуется он в том же письме, — б. Мариинского театра вступить со мной в переговоры. Первую, прошлым летом, я отклонил ссылаясь на недуг. Не знаю, что делать. Времени нет, силы уже не те, а общественная нагрузка изрядная: председатель правления Литфонда, член редколлегии „Литературного современника“, член правления Союза писателей и пр. и пр. Да по городу Пушкину много дела... Затеяли мы с Л. Р. Коганом (по его инициативе) устроить Пушкинскую комиссию, дабы вызвать к жизни и расшевелить необъединенные культурные силы города. Вырабатываем устав. В плане: лекции, музыкальные вечера, доклады по истории искусства, архитектуре, музыке, живописи, о путешествиях, создание Пушкинсквго музея, реорганизация библиотеки и где-то там, в перспективе, — народный университет. Меня хотят втюрить в эту комиссию председателем. Караул, погибаю!.. Да плюс к этому приходится читать веселые рассказы по военным госпиталям и воинским частям, что делаю с особым удовольствием.

Морозы у нас лютые, сибирские, в квартире холодновато. Караул!..»

Через два месяца в письме к Щербачеву из Ялты Вячеслав Шишков сообщает, что над либретто для «Ивана Грозного» он работает с увлечением, что почти целиком написал сцену на Красной площади и пишет вторую картину «В Александровской слободе». В письме

приводятся некоторые выдержки из либретто. Вот какой была песенка пьяного Ваньки Холопа (на Красной площади):

По головушкам топорики полязгивают,
Белы косточки в могилушки попадавают.
По боярам панихиду ворон каркает,
А народ за государя богу молится.
Ты гори, гори, восковая свеча,
Ты руби, руби, топорок со плеча.

А вот поучение мамки:

Эх, Иван, Иван, зла головушка,
Ума много в ней, мало совести.
Самоглавное, самолучшее —
Свой народ учить уму-разуму.
Для людей своих быть наставником,
Подавать пример своей жизнью.
Ведь народ-то наш весь во зле лежит,
Нравы лютые, пытки страшные,
Нету милости, нету радости,
Ой, темно, темно на Руси у нас,
Вот ответь мне, царь зла головушка:
Умягчил ли ты права дикие,
Отучил ли ты от жестокостей
Всех бояр, купцов, весь народ простой?

Немало сил и времени отнимала у Вячеслава Шишкова работа над либретто «Угрюм-реки» и «Ивана Грозного». Он переписывается с композиторами Д. Г. Френкелем и В. Щербачевым. Не все гладко получалось с оперой у Френкеля. В ноябре 1940 года Шишков в письме к К. А. Федину сообщает: «Френкель показывал свою оперу „Угрюм-река“ в Союзе композиторов и полупровалился. Придется кое-что в опере дописывать, и тогда она, может быть, увидит свет. С „Иваном Грозным“ дело подвигается туговато. Но все же идет вперед».

Своими письмами Вячеслав Яковлевич старается всячески подбодрить Френкеля, вселить в него веру. «Если вам удастся картина побега, — пишет

ему Вячеслав Яковлевич, — то опере будет обеспечен успех...»

В письмах к Щербачеву Вячеслав Шишков делится с композитором своими мыслями по поводу либретто. В них ощущается понимание эпохи и «страшной души» Ивана Грозного, этого «истинно шекспировского» характера.

Но автору либретто не суждено было увидеть эти произведения на сцене. Работа над инсценировкой «Угрюм-реки» затянулась, опера была поставлена на сцене после смерти Шишкова. Создать же оперу об «Иване Грозном» помешало нашествие гитлеровских полчищ на нашу Родину.

Вячеслав Яковлевич ревностно относился к своим общественным обязанностям. Как председатель правления ленинградского отделения Литфонда он очень переживал, что Центральное Правление (Москва) значительно сократило в середине июля утвержденную в феврале 1937 года смету. «Как выплывем из этого, неизвестно, — пишет он Л. Когану. — Во всяком случае, на старушку Достоевскую, согласно Вашего заявления, постараемся обратить внимание».

2 ноября 1939 года он выехал в Ялту, в Дом творчества. Клавдия Михайловна рассказывает, что жили они там хорошо, но не долго, тянуло домой. «Вот приехал домой, — говорил Вячеслав Яковлевич, — и чувствую себя чудесно. Что может быть лучше Пушкина с его парками. Никакие Дома творчества не могут заменить мне моего рабочего кабинета. Свой кабинет и близкие люди-человеки — это для писателя главнейшее».

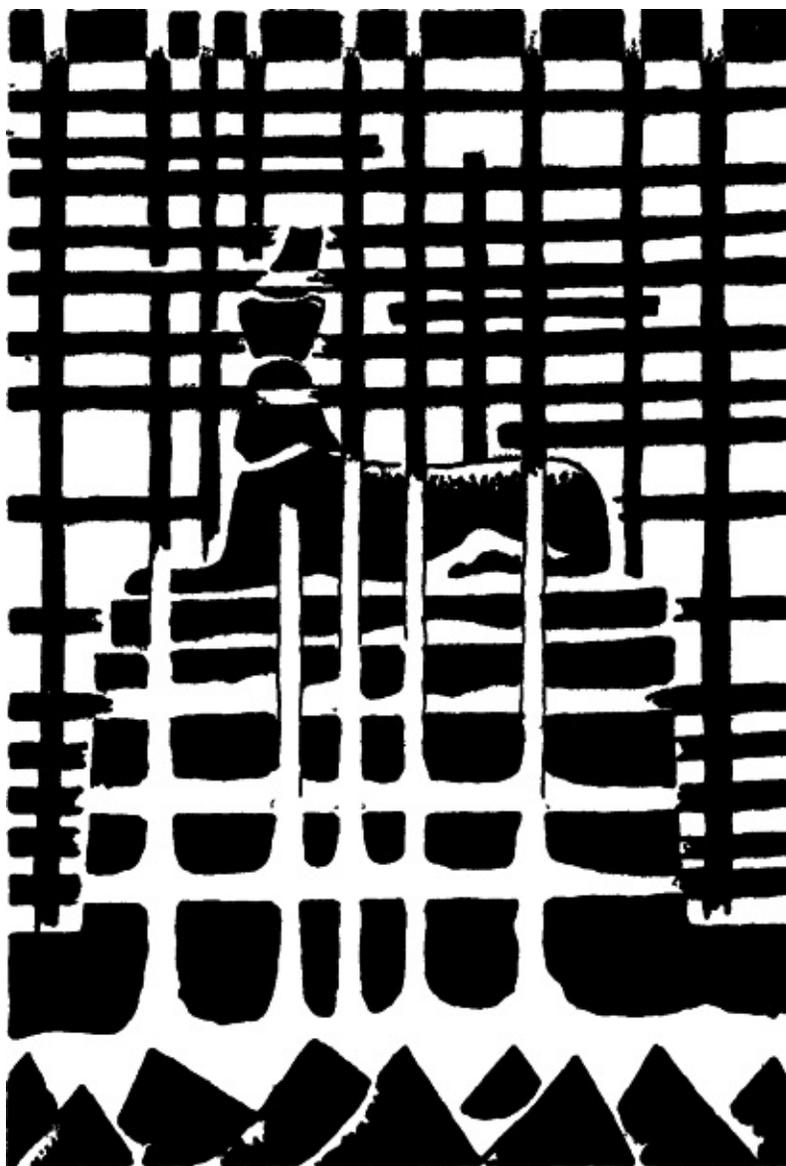
Вот что пишет Вячеслав Яковлевич из санатория ученых (Гаспра): «... Я лодырь, лежебока, Обломов, лень, как желчь, разлилась по всей моей душе, о Пугачеве вспоминаю изредка и, вспомнив, всякий раз вздыхаю: — И надо бы, а ленища одолевает, как монаха блудные видения».

И на отдыхе и дома Вячеслав Яковлевич много читал. Очень ему нравился «Тихий Дон». С Михаилом Александровичем Шолоховым Шишков не был знаком. Но однажды в Москве на каком-то собрании писателей в 1943 или 1944 году в перерыве Вячеслав Яковлевич вышел покурить. Вдруг к нему подходит военный человек со стулом и предлагает сесть. Вячеслав Яковлевич благодарит и только через некоторое время узнает, что это Шолохов.

Придя домой, Вячеслав Яковлевич рассказывал о встрече Клавдии Михайловне. «Жаль, я не знал, что это Шолохов, я сказал бы ему — это я должен был ему предложить стул, хотя я и старик».

Так высоко ценил Вячеслав Яковлевич его произведения.

Тяжкая беда и светлая радость

Ничто, казалось, не предвещало беду. 1941 год начался для Вячеслава Шишкова, как и для всех советских людей, новыми заботами, новыми трудами. В переписке с друзьями Шишков по-прежнему обсуждает своего «Пугачева». В письме брату Алексею он сообщает, что первая книга романа должна выйти в первом квартале этого года. Письмо бодрое, наполненное заботой о своем родственнике, добрыми братскими советами. «Новый год, — пишет Шишков, — мы встречали хорошо, в семье баса Мариинского театра Фрейдкова, прогостили там до 7 часов и пошли пешочком к

Раиньке^[25] на Екатерининский канал возле Казанского собора. Жили мы у нее трое суток. Сходили в Михайловский театр на „Черевички“ и на „Ашик-Кериба“ (балет)...»

В середине апреля Вячеслав Яковлевич уже в Ялтинском Доме творчества продолжал работу над второй книгой «Емельяна Пугачева». По свидетельству В. Бахметьева, Шишков скучал, ждал задержавшуюся в Пушкине Клавдию Михайловну. Зато не скучно было его друзьям. Нет-нет да расскажет Шишков смешную историю про цареву садовника или же прочтет новый «шутейный» рассказ, а то вспомнит что-нибудь про Емельяна Пугачева да про Ивана Грозного: «Разные у них карьеры, а судьба одна, что у Емельяна, то и у Ивана: обоих усердные летописцы так залапали, так расчесали, что и не признать. Раскопками приходится заниматься».

«Обсуждая прослушанное, мы незаметно из далекой эпохи собирателя Руси переходим к нашему славному настоящему, а затем и к той грозной мировой обстановке, в которой находилась наша Родина. Пожарище уже пожирал Европу.

— Эх, времечко! — со вздохом говорил Вячеслав Яковлевич. — Завидно мировым разбойникам на наш советский дом взирать: того и жди, что вломаются...

Потом снова Вячеслав Яковлевич рассказывал что-нибудь смешное и отвлекающее от неприятных мыслей... Но все же продолжала тревожить обстановка. Работалось уже не так, как прежде, экскурсии в горы его тоже мало интересовали. Он торопился в Ленинград.

— Не знаю, как другие, — говорил Шишков, — а я так: коль по соседству горит — торопись в свой дом... Неровен час и на него полымя-то переметнется...»

Через двадцать дней после этих слов пламя войны действительно переметнулось на Советский Союз. Вячеслав Яковлевич услышал об этом на своей обычной прогулке в Пушкине. «Домой он возвратился весьма опечаленным и расстроенным, — рассказывает Клавдия Михайловна, — больше обычного курил, без надобности ходил по террасе и комнатам. В этот день к нам много приезжало друзей из Ленинграда. Все беседы и разговоры, разумеется, велись о случившейся беде, о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу Родину. Теперь уже Вячеслав Яковлевич старался держаться спокойно, и эта его обычная манера хорошо действовала на других...»

Война через некоторое время придвинулась вплотную к дому Вячеслава Шишкова. Начались воздушные тревоги. Появились вражеские

самолеты. На Пушкин полетели бомбы. Приходилось на время оставлять мирную и спокойную квартиру и прятаться в щели. Оставлен был временно в «покое» и «Емельян Пугачев». Иные мысли, иные чувства теперь тревожили писателя. Вячеслав Яковлевич пишет статьи для газет, спешно работает над брошюрой «Слава русского оружия». Его познания исторического материала о Семилетней войне, о партизанском движении 1812 года понадобились в тяжелые годы войны. Вслед за первой брошюрой Вячеслав Яковлевич пишет очерки «Партизан Денис Давыдов», «Партизаны Отечественной войны 1812 года» и другие.

Пламя войны все ближе и ближе подбиралось к Пушкину. Частые бомбежки начали сменяться гулом рвущихся артиллерийских снарядов. В конце августа Шишковы вынуждены были покинуть свою квартиру на Московской улице, покинуть, и теперь уже навсегда, прекрасный, так полюбившийся им город Пушкин и переехать в Ленинград на канал Грибоедова, дом 9, в комнату Р. Я. Шведовой.

«Мое бегство из Пушкина (б. Царское Село), где я имел постоянное местожительство, было внезапным: пришлось бросить все лично-бытовое хозяйство, всю обстановку, библиотеку, даже архив, — было бы постыдно попасть в руки к врагу».

Больше всего Вячеслав Яковлевич сожалел об оставленном в спешке и погибшем архиве. Ведь там, помимо многих рукописей, уже опубликованных произведений и нескольких новых, не печатавшихся рассказов, погибли двенадцать бесценных толстых тетрадей, где последовательно записывались беседы с разными людьми, с которыми Вячеслав Шишков познакомился в годы своих походов и поездок по Сибири, Алтаю, по городам и деревням Европейской России. Не все, конечно, из этих тетрадей вошло в рассказы, повести и романы Шишкова. Чьи-то судьбы еще ждали своей очереди, чтобы занять подобающее им место в произведениях писателя...

В Ленинграде Вячеслав Яковлевич продолжал выступать с патриотическими рассказами и статьями по радио, во фронтовой газете «На страже Родины»; он читал свои рассказы у моряков и воинов Красной Армии. В жестокие месяцы блокады ленинградские полиграфисты и издатели выпустили в свет двадцатитысячным тиражом первую книгу «Емельяна Пугачева». Весь тираж ее быстро разошелся среди матросов, солдат и осажденных ленинградцев. От благодарных читателей Вячеслав Яковлевич получил много хороших и теплых писем, которые вдохновляли его, придавали ему силы для дальнейшей работы. С большим подъемом он вновь принимается за «Пугачева». В труднейшей обстановке, под

бомбежкой и обстрелами, Вячеслав Яковлевич пишет новые главы второй книги своего исторического романа.

Несмотря на преклонные годы, на тяжелейшие бытовые условия, Вячеслав Шишков никогда не терял свойственного ему спокойствия, бодрости духа. «Вячеслав Яковлевич в суровые дни блокады, — пишет о нем С. Спасский, — являлся мужественным защитником Ленинграда. В частности, для фронтовой газеты „На страже Родины“ он писал глубоко патриотические рассказы, которые пользовались большой любовью в армии. В те незабываемые дни дойти до редакции составляло уже немалый труд. Однако Вячеслав Яковлевич всегда в срок появлялся в промерзших редакционных комнатах и приносил свой очередной рассказ. „Наше, черт побери, возьмет!“ — так говорил Шишков своим друзьям — ленинградским писателям. Волей, спокойствием и непреклонной верой в победу веяло от всего его облика».

Вячеслав Яковлевич принимает активное участие в делах Союза писателей. В его небольшой комнатке иногда проводились заседания правления Ленинградского отделения, где обсуждались насущные дела литераторов во фронтовом городе. Между тем с каждым днем жить и трудиться в Ленинграде Вячеславу Яковлевичу становилось все тяжелее и тяжелее. Пришла холодная и голодная зима. С наступившими морозами замерз водопровод, остановились трамваи, прекратилась подача света... Во всем был недостаток. Не хватало даже спичек. «Экономя их, — рассказывает Клавдия Михайловна, — Вячеслав Яковлевич каждую спичку старался разделить на две половинки. Иногда из этой затеи ничего не получалось — головка спички рассыпалась... От недоедания, холода, бомбежек, артиллерийских обстрелов Вячеслав Яковлевич побледнел, исхудал, ссутулился. Трудно было ему и всем нам переживать условия блокады».

Не раз предлагали Вячеславу Яковлевичу уехать из Ленинграда в тыл, где можно было относительно спокойно работать. Но Шишков об эвакуации и слушать не хотел. Он понимал, что нужен людям, защищавшим насмерть город Ленина.

В эти тяжелые дни борьбы с врагом важно было ободряющее слово писателя-бойца, необходима шутка. И он пишет «шутейные» рассказы: «Печенка», «Дуэль», «Люстра», «Воздушный бой», работает и над очерками. Вот описание воздушного налета: «Жутко завывала сирена, за ней другая, пятая, двадцатая. И слышится человеческому уху: город заплакал. Да, город на всем своем огромном протяжении начинает плакать. И через мгновение вы почувствуете, что в этом стонущем завывании сирен, в этом

плаче нет уныния, нет безнадежной покорности своей судьбе, нет отчаяния, в нем есть боевой вызов врагу, лютая к нему ненависть».

Почти те же слова говорит Павлик — герой повести «Да здравствует жизнь!», отражающей дни блокады: «Дети побежали. Было темно. Визгливый вой сирен то усиливался, то ослабевал. И Павлику казалось, что весь Ленинград заплакал.

— Слышишь, как плачет город! — бросил он спешившей за ним сестренке.

— Да... Ему сейчас будет больно. Его будут разрушать.

Нет, город не плакал. Город-герой звал к защите, к мщению...»

Эти произведения и были неоценимым вкладом писателя-патриота в оборону великого города. «Меня как-то бодрит мысль, что вы здесь, — пишет Шишкову из больницы писатель Иван Кратт. — Очень вдруг захотелось Вас увидеть, особенно сегодня».

«Мы все, ленинградцы, — говорил профессор Томашевский у гроба Шишкова, — помним его строгую фигуру, его выдержку и терпение в эти дни испытаний: общение с ним вселяло бодрость в тех, кто ее терял. Неизменное человеческое отношение ко всем, большая внутренняя дисциплинированность и та атмосфера тепла и уюта, которая всегда его окружала, — все это было так нужно, необходимо в это тягостное время».

В самые голодные и холодные дни блокады к Шишковым приходили писатели, друзья, знакомые, и всегда они находили в этой семье душевное успокоение, могли надеяться на моральную поддержку и посильную помощь.

«Я с семьей перебрался в Ленинград немного раньше, в середине августа, — пишет врач А. В. Пилипенко, — перед лицом общего бедствия Шишковы свои интересы считали ничтожными, а потому махнули рукой на все имущество...»

Вячеслав Яковлевич не изменил своего образа жизни. Его измучивала только бомбежка. Бомбы и снаряды часто рвались в этом районе; одна угодила в дом. Травмировалась психика, и нелегко приходилось Вячеславу Яковлевичу спускаться с пятого этажа в бомбоубежище, иногда по нескольку раз в день. Сказывалась уже и ограниченность питания, и Вячеслав Яковлевич и Клавдия Михайловна сильно похудели, но тем не менее при встречах выставляли на стол все, чем можно было угостить; а когда я было отказался от чая и еды, говоря, что сыт, Вячеслав Яковлевич заявил, что меня нужно «заснять, заснять, как единственного сытого человека».

Тяжелая зима, небывалые лишения, подходивший к концу седьмой

десяток лет не могли не сказаться на здоровье Вячеслава Яковлевича. Его силы, его неутомимая энергия иссякали. По настоянию друзей Вячеслав Шишков наконец согласился выехать из Ленинграда. 1 апреля 1942 года вместе с семьей он навсегда покинул любимый город.

Двойственные чувства обуревали Вячеслава Шишкова. Уезжая из осажденного города, он понимал, что «убегает» от смерти, от тяжелых и непосильных для его возраста переживаний. В одном из своих писем он так и говорит, что дальнейшее его пребывание в Ленинграде окончилось бы для него смертью. Но в городе остались друзья, оставались воины-герои, с которыми в самые грозные месяцы блокады Вячеслав Шишков был вместе, отдавал все, что было в его силах, на защиту Ленинграда, на борьбу с лютым врагом. Было досадно, что ему пришлось покинуть город.

По дороге в поезде, который шел до Москвы 12 суток, Вячеслав Яковлевич много размышлял. В сознании стояли страшные картины бомбежек, разрушений, картины борьбы бесстрашных защитников города с врагом. Шишков не терял веру в окончательную победу. Он чувствовал, что рано ли, поздно ли, но «наша возьмет!». Однако страдания людей угнетали его. От взрывающихся фугасок он просыпался и готов был двинуться в бомбоубежище. Но мирный стук колес движущегося поезда останавливал его. «Ух ты... Опять приснилось...»

Все никак не мог он забыть злополучных карточек... «Пошел однажды Вячеслав Яковлевич, — рассказывает Клавдия Михайловна, — получать хлеб. Приносит 500 граммов хлеба. А карточек нет: либо где-то оставил, либо потерял. Так он был расстроен, так переживал, что нелепо выполнил мое поручение — оставил на целую неделю семью без хлеба. Хорошо, что именно в это время от друзей из Москвы пришла продуктовая посылка и выручила нас из беды. Все пережитое там, начиная от „мелочей“, теперь, когда мы ехали в сравнительно хороших условиях, в отдельном вагоне вместе с академиком Орбели, как-то непроизвольно лезло в голову и Вячеславу Яковлевичу, и мне, и моей маме — Раисе Яковлевне, и не только в дороге, но и здесь, в Москве, когда мы начали обживать в тихих и прекрасных условиях...»

Высадились Шишковы на Ярославском вокзале. Владимир Ставский выслал за ними машину. До вечера Шишковы гостили у него дома. Вечером устроились в первом же освободившемся в гостинице «Москва» большом, из трех комнат, номере.

После долгих мучений наконец Вячеслав Яковлевич и его семья оказались в сносных условиях. Жизнь в «белокаменной» была

относительно спокойной. Враг отступил от столицы. В гостинице было чисто, опрятно и, главное вдоволь и холодной и горячей воды. «Мы, кажется, всю ночь, — вспоминает Клавдия Михайловна, — смывали с себя и грязь и копоть и согревались от долго мучившего нас холода... Вячеслав Яковлевич ходил сияющий, довольный. Немного отдохнув, он принимается за рассказы, очерки и статьи на военные и тыловые темы, сотрудничает в Информбюро и снова долгими часами сидит над новыми главами „Емельяна Пугачева“. Я удивлялась, как мог Вячеслав Яковлевич после всюю пережитого в Ленинграде вновь так самозабвенно трудиться над рукописями...»

Да, Вячеслав Шишков и в Москве работал по-фронтовому. Помимо статей, очерков, он пишет рассказы на оборонные темы, в которых героями выступают солдаты, колхозники. Несколько рассказов посвящает славным сибирякам, и сражавшимся на фронтах, и работавшим в тылу. В журналах «Октябрь», «Красноармеец», в газете «Красная Звезда» публикуются его рассказы: «Прокормим», «Гость из Сибири», «Гордая фамилия», «Дед Андрей», «Сусанины земли советской», «Буря» и другие. Печатается в «Советском писателе» сборник рассказов под общим названием «Гордая фамилия». Для этого же издательства готовится повесть из времен Пугачева «Прохиндей».

Так же как и в Ленинграде, Вячеслав Яковлевич выступает по радио, читает свои рассказы красноармейцам, раненым в госпиталях. Несмотря на болезнь сердца, обострившуюся эмфизему легких, он выполняет отдельные поручения правления Союза советских писателей. Кроме того, он читает и разбирает рукописи начинающих авторов, ведет переписку с фронтовиками, с друзьями и читателями.

Примерно через месяц после приезда в Москву Вячеслав Шишков вместе с делегацией едет в Ясную Поляну на открытие музея великого писателя Льва Николаевича Толстого, народной святыни, оскверненной и разрушенной фашистскими варварами. С террасы большого яснополянского дома Вячеслав Яковлевич произносит теплую, прочувствованную речь о любимом с детства писателе.

Продолжалась работа и над второй книгой «Емельяна Пугачева». Перед ее изданием Шишков настаивает, чтобы она была направлена на отзыв академику Тарле. Отзыв от академика поступил вполне благоприятный. «Роман тов. Шишкова, — сообщал он, — был мною прочитан с неослабевающим интересом и удовлетворением. И со стороны чисто эстетической я бы затруднился отметить сколько-нибудь

бросающиеся в глаза неровности или погрешности. Но от меня редакция ведь и не требует критики художественной, — но исключительно историческую. С этой точки зрения роман „Пугачев“ тоже производит благоприятное впечатление...»

Из высказываний самого автора романа мы лишний раз убеждаемся, как кропотливо, поистине титанически трудился он над «Пугачевым». «... Написание исторического произведения, — пишет Шишков в статье для „Огонька“, — дело ответственное и трудное: здесь творческая фантазия автора почти скована бывшим ходом самой истории. Изображать виденное, наблюденное много проще, чем живописать то, что автор не мог видеть. Для верного описания эпохи необходимо знать ее во всей подробности, чтоб не впасть в грубую ошибку против исторической правдивости. Необходимо изучить причины, породившие то или иное явление ушедшей эпохи, чтоб иметь возможность произвести анализ всего события в целом и сделать общий вывод. Характеры и душевные движения действующих лиц должны быть раскрыты подчас не так, как хочет того автор, а в подчинении логике исторической необходимости. В разговорном языке я даю некоторую стилизацию тогдашней речи, пользуюсь языком комедий Фонвизина, Веревкина и другими источниками, а также фольклором и отчасти записями показаний участников мятежа. Был бы неоценимый для писателя клад, если б эти показания записывались дословно, но, к сожалению, они дошли до нас лишь в изложении допрашивающих».

В январе 1943 года президиум Союза советских писателей выдвинул первую книгу «Емельяна Пугачева» на соискание Сталинской премии.

Между прочим, Вячеслав Шишков противился этому. Он считал это выдвижение преждевременным, так как роман не был еще окончен. «Судить о кафтане, — говорил он, — следует не тогда, когда он еще в руках мастера, а тогда, когда кафтан на плечах».

Роману «Емельян Пугачев», как известно, была присвоена премия первой степени в январе 1946 года.

Между тем приближался юбилей писателя — его семидесятилетие. Гослитиздат решил переиздать в Ленинграде роман-эпопею «Угрюм-река», а в Москве — первую книгу «Емельяна Пугачева».

То, что в условиях военного времени, при таком безбумажье, выпускались в свет две большие книги, Шишков считал для себя весьма большой честью. Все это ободряет и окрыляет писателя. Он трудится с прежним упорством. На него надвигаются одновременно многие дела, и ни одно нельзя отложить. «Журнал „Октябрь“ начинает печатать вторую книгу „Емельяна“, — замечает Шишков, — давай рукопись, — правь, чисти,

редактируй. В „Советском писателе“ выходит книжка рассказышков — новая забота. Там же пойдет отдельной повестью приключение ржевского купца Долгополова под названием „Прохиндей“, — большой эпизод, целиком во вторую книгу „Пугачева“ не влезающий».

У Шишкова просят рассказы. Намечается переиздание первой книги «Емельяна Пугачева» летом, а вторую предполагается издать осенью и к концу года.

«Как я рад, — пишет Шишков в письме к П. Богословскому, — что Вы, такой знаток, такой ценитель художественной литературы, хорошо отзываетесь об отрывке в „Октябре“. Начало второго тома всем нравится, даже, к моей радости, понравилось в Кремле.

Узнав об этом, я прямо-таки ощутил себя восхищенным живьем на небо. Наконец-то и на моей темной улице праздник.

И вот пошла работа — экстренно, экстренно! С редактором, моим другом Бахметьевым, начали пересматривать 700 страниц книги. Покорпели, потоптели изрядно. Я работал до изнеможения. Но работа радостная...

И радость за радостью: на днях получил от Ленинградского Союза писателей телеграмму, президиум поздравляет меня с наградой: медалью за оборону Ленинграда. Неожиданно, ошеломляюще. Ну, эту награду, без хвастовства скажу, я выстрадал, работая в голоде, холоде, среди всех прелестей блокады над „Емельяном Пугачевым“ и над рассказами на военные темы...

А третья радость — получил квартиренку в чудесном доме писателей. Квартира самостоятельная, великолепный газ, вода, электросвет. Сегодня пробовали отопление, все батареи были горячие. Вчера праздновали новоселье, за столом было 14 человек».

Обрадовали, разумеется, Вячеслава Яковлевича появившиеся в печати положительные статьи о первой книге «Емельяна Пугачева». Большие художественные и исторические достоинства, мастерство и огромный труд писателя-патриота отмечали многие газеты и журналы, например, такие, как «Большевик», «Новый мир».

С особым волнением Вячеслав Яковлевич читал письма защитников Родины.

«Уважаемые сотрудники Гослитературного музея, — писал гвардеец краснознаменной энской части Иван Андреевич Пчелкин, — в вашем лице прошу передать от меня лично и от моих товарищей бойцов, защитников любимой Родины, участников боев с ненавистным врагом, горячий боевой гвардейский привет и искреннюю сердечную благодарность

замечательному писателю Вячеславу Шишкову за созданные им любимейшие нами произведения — „Емельян Пугачев“, историческое повествование, книга первая, и „Угрюм-река“, книга первая и вторая. Это прекрасные, волнующие произведения, и мы их читаем в землянках, на поле боя, в боевой обстановке, с захватывающим волнением, несмотря на разрывы снарядов, мин и визг пуль»^[26].

Письма Вячеслава Шишкова читателям всегда трогательны и душевны. «Милый Иван Андреевич! — писал он Пчелкину. — Большое Вам спасибо за Ваше такое хорошее, теплое и сердечное письмо. Оно очень обрадовало меня... Великое дело — такая, как ваша, оценка творческих работ со стороны друзей-читателей. Еще раз от всей души приношу Вам за письмо свою благодарность». Вячеслав Шишков рассказал Ивану Пчелкину о своей работе, послал ему книгу «Прохиндей».

Письма читателей доставляли величайшую радость писателю. Было приятно осознавать, что произведения, которым отдано столько труда и энергии в самые тяжелые дни, которые переживал автор, находили теперь самого желанного, самого дорогого ему читателя — солдата-фронтовика.

Это была двойная радость, потому что признание совпадало с победами на фронтах Великой Отечественной войны.

«Моя маленькая, личная радость, — говорил он, — это всего-навсего ручейшко в половодье народного счастья... Но как замечательно, что к этому всеобщему счастью я иду с не омраченным ничем сознанием выполненного долга».

Вячеслава Яковлевича тревожило то, что еще не окончен «Пугачев». Раздумывая над прожитым, он все чаще пишет близким друзьям о своих недугах, о том, как быстро летит время, что «огромная череда лет осталась позади, а впереди — какие-то поскребышки».

«Староват стал, спина устает. На днях 16 лет минуло как поженились с Клавдией Михайловной. Боже мой, как летит время! Орлом был, а ныне...

А дух бодр, и творчество бушует, ходит по жилам. Удивляюсь на самого себя! Лишь бы кончить „Пугачева“, а там и на отдых можно, в гроб, в землю. Кончу, и с народом буду в расчете, все, к чему был призван, — посильно завершил. Пусть люди и поскучают, и поулыбаются, и поучатся жизни на моих страницах.

Вся жизнь моя была в литературе, иных страстей не знал».

Примерно в августе 1943 года Вячеслав Яковлевич посылает письмо своему близкому другу, врачу А. Пилипенко: «Чувствую себя в общем хорошо, хожу без одышки и очень трудоспособен, работаю много, больше,

чем полагается для моего древнего возраста. Пишу вторую книгу „Пугачева“, конец виден, вероятно, к Новому году закончу. Первая книга весьма понравилась в Кремле. Второе издание выйдет, вероятно, к концу сентября, к моему семидесятилетнему юбилею, который будет отмечен Союзом писателей 4 октября. Семьдесят лет! Караул!..»

В день своего семидесятилетия Вячеслав Яковлевич находился в Архангельском, под Москвой, в доме отдыха высшего командного состава Советской Армии. Здесь же, сидя у репродуктора, он услышал Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором сообщалось, что «за выдающиеся заслуги в области литературы, в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Шишкова Вячеслава Яковлевича орденом Ленина».

После возвращения Вячеслава Яковлевича из Архангельского 15 октября под председательством А. Н. Толстого в Клубе писателей состоялось торжественное заседание работников искусства и культуры, представителей общественности, горячо поздравивших юбиляра с семидесятилетием и высокой правительственной наградой.

В выступлениях друзей и соратников писателя, в многочисленных приветствиях, телеграммах и письмах со всех концов страны, от солдат, командиров и политработников отмечались большие заслуги Вячеслава Шишкова перед Родиной в развитии советской литературы, говорилось о нем как о человеке, снискавшем всенародную любовь.

Вот одно из характерных писем, присланное в дни юбилея гвардии полковником Ивановым, подполковником Зотовым, инженер-майором Беловым:

«Дорогой Вячеслав Яковлевич! Мы, старшие офицеры-фронтовики, поздравляем Вас с высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Горды сознанием, что Ваша творческая деятельность — большого мастера слова достойно оценена нашим правительством и тем самым нашей Родиной...

Все мы любим Вас от всего сердца за Вашу художественную красоту и правду, за Ваше глубокое знание жизни и правдивое отображение ее в Ваших литературных произведениях.

Всеми цветами радуги блистает Ваш чудо-самоцвет „Угрюм-река“, в котором с мастерством большого художника Вами создана целая галерея портретов, полотен жизни и правды.

Это творение могло родиться только у мастера, который прошел прямым путем свой творческий путь, который за своими плечами имеет

большой жизненный опыт, любит свой народ и все свои богатства большой души и чистого сердца отдает ему безраздельно...

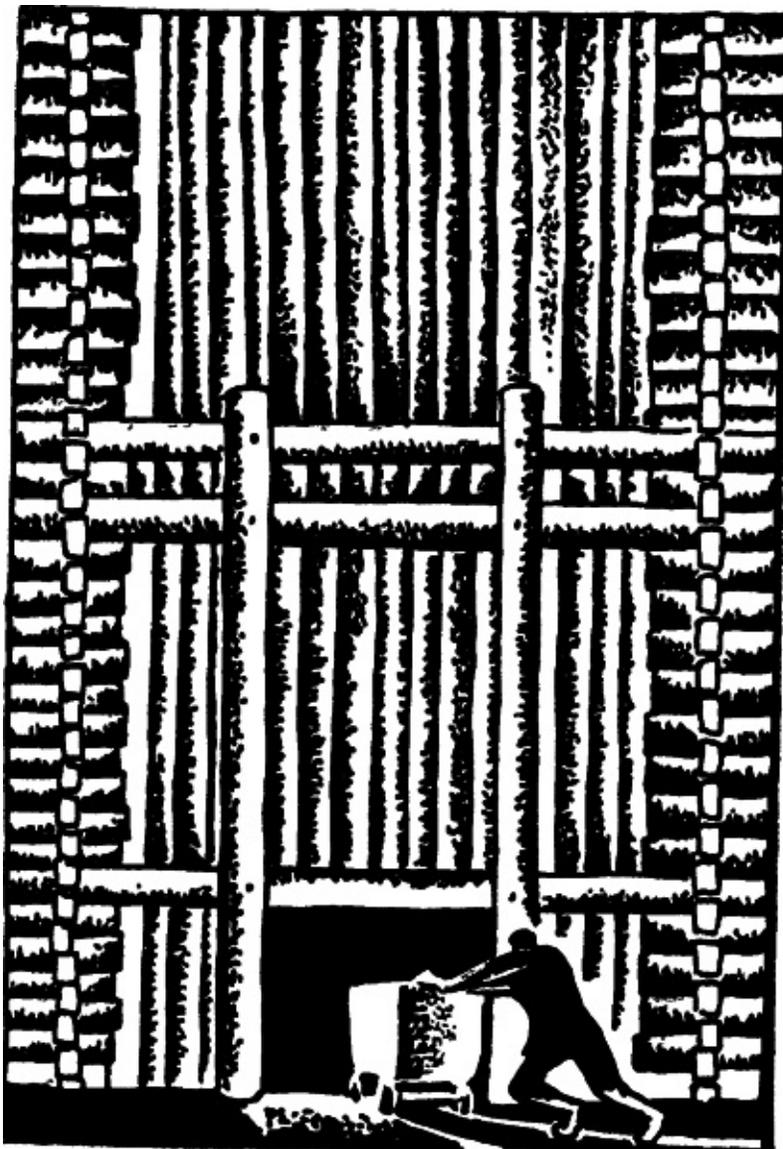
С большим нетерпением ждем выхода в свет из-под Вашего чудодейственного пера „Емельяна Пугачева“ и уверены, что это произведение еще больше увеличит Ваши заслуги перед нашим народом и нашей Родиной...

Желаем Вам много, много лет здоровья, творческого успеха, счастья в жизни и славы в веках»^[27].

Взволнованный юбиляр в своем ответном слове сказал:

«Я по своей природе человек очень скромный. Может быть, эта скромность удерживала меня почти до сорокалетнего возраста быть писателем. Я тогда жил в Сибири и на признанных писателей, подвигающихся в столицах, смотрел снизу вверх, с чувством величайшего уважения. „Куда же мне, — думал я, — немудрому провинциалу, соваться на такую крутизну, еще нос не дорос“. Но вот, набравшись жизненного опыта и мужества, я, наконец, дерзнул. Я твердо решил завоевать себе имя и литературные позиции исключительно упорным трудом, не прибегая ни к каким чуждым литературе способам... И вот заметил меня народ, оценило мою скромную работу правительство, и я по-человечески счастлив»^[28].

Историческая эпопея «Емельян Пугачев»

Погружаясь в океан событий, в грандиозную шишковскую эпопею о великой крестьянской войне, возглавленной Пугачевым, современный советский читатель вскоре начинает чувствовать, что он как бы живет в России XVIII столетия. Мастерство писателя, его огромная эрудиция помогают читателю обрести это чувство. И конечно, с полным правом Вячеслав Яковлевич сказал: «Пугачева нельзя дать как следует, не зная „пугачевщины“ и ее эпохи. Человек зеркало своей эпохи».

Советские ученые, которые обнаружили массу новых документов, относящихся к истории народных движений XVIII века, с полным правом и

неопровержимостью самое грандиозное и длительное из этих восстаний именуют крестьянской войной под водительством Пугачева. И ничуть не может оспорить этого единственно верного понимания казачий «зачин» этой крестьянской войны, классовой борьбы крепостного, зверски эксплуатируемого крестьянства против помещиков.

Точно так же участие многочисленных в то время уральских рабочих, возглавляемых Белобородовым и Хлопушей, не изменяет основной социальной сущности этого стихийного, хотя и небывало могучего проявления классовой борьбы крепостного крестьянства против своих порабощателей. Да и рабочие тогдашних заводов Урала были те же крепостные крестьяне, насильственно закрепленные за господскими заводами.

В донесениях правительственных агентов того времени они прямо крестьянами и называются: «Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что в ссылках того не бывало да и нет».

Сам Пугачев и его «военная коллегия» прекрасно понимали, что они вызывают к тем же крепостным крестьянам, хотя и приписанным к заводу. «Государь-анператор» Пугачев, выдавая себя за царя Петра III, именует своего доблестного помощника Хлопушу «над заводскими крестьянами полковник». Вот «анператор Петр Федорович» указом от 17 октября 1773 года требует, чтобы уральские металлурги срочно изготовили для его войска два орудия: две мортиры со снарядами, — и какие, же награды он им за это сулит? Да те же самые, что и прочему крепостному люду, землепашцам:

«Исправьте вы мне, великому государю, 2 марта и 3 бомбами и с скорым поспешением ко мне представьте; а за то будите жалованы крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями и денежным жалованьем, и хлебом и провлянтом и свинцом и порохом и всякою вольностью».

Короче говоря, государь освободит заводских работных людей, даст им полную «волю», наделит землей...

Живая народная речь XVIII столетия, столь точно представленная в «Емельяне Пугачеве», является мощным изобразительным средством. Силу народного языка в сравнении с языком официальных, правительственных документов отмечал еще А. С. Пушкин:

«Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безжалостного. Оно тем более подействовало, что объявления, или публикации Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с

глаголами на конце периодов».

И в «Капитанской дочке» Пушкин пишет об этом же: «Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях, и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей».

Приведем здесь несколько отрывков из романа Шишкова.

Изверг барин довел до самоубийства заслуженного капрала, инвалида и героя войны, обладателя боевых медалей за взятие Берлина, за Цорндорф и Кунерсдорф, унизив доблестного солдата поркой плетьюми за одно лишь то, что он посмел в церкви, понадеявшись на свои боевые регалии, стать рядом с барином. Когда крестьяне овладели барской усадьбой, самого помещика не нашли: он успел убежать в город. Был схвачен его управляющий-немец, барский палач, который неистово усердствовал, приводя в исполнение приговоры своего господина, истязал и мучил крепостных.

Толпа ведет его на расправу, выговаривая ему его преступления:

«— Душегуб! Убивец!.. Двоих стариков плетьюми задрал до смерти, женщину брюхатую не пощадил, опосля твоих палок умерла. Вавилу застрелил. Барскими псами народ травишь, трем мужикам собаки горло перегрызли. Ваньку с Кузькой не в зачет в солдаты сдал... По твоей да по барской милости, убивец, шашнадцать могил на погосте!.. Ты всю вотчину перепорол. Вот ты как нас любишь... Братцы, а сѣдня нешто не лил он нашей кровушки? Мы за невинного капрала вступились, а ты нас в кнуты, в палочья, в плети!..»

Не правда ли, в этом многоголосом вопле народном как бы предстает скорбный мартиролог, перечень барских злодеяний?

И еще одна деталь, также речевого происхождения, да еще на первый взгляд комическая, которая усугубляет по контрасту трагичность этого эпизода. Немца-управляющего мужики ведут к виселице. В это время разразилась гроза, грянул гром, а управляющий, испуганный ударом грома, затрепетав, взмолился:

«— О майн готт, готт... Смерть! Отпускайте меня в домочек!..»

«В домочек»!.. Наверное, немало времени затратил художник, чтобы найти это внезапное и как будто бы забавно исковерканное словечко: человека на виселицу волокут, а он, видите ли, грозы боится, его ждет гроб, домовина, по старинному народному прозванию, а он — «в домочек»!..

Вообще вся эта сцена стихийной расправы и разгрома всего гнездовья помещика-палача, а затем и жестокая схватка с карательным отрядом принадлежит к числу ярчайших в эпопее «Емельян Пугачев».

А вот воззвание Емельяна Пугачева:

«Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли крови...» Или: «Жалуем сим именным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждением древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою и вечно казаками».

Такое воззвание пробуждало к борьбе! Легко представить себе, что творилось в сердцах крепостных, когда какой-либо пугачевский атаман повелительным голосом провозглашал подобный этому «манифест»: «Сам осударь-батюшко велит истреблять наших и своих врагов!»

«Наивный монархизм», как известно, являлся немалой подъемлющей силой в крестьянской войне, возглавляемой Емельяном Пугачевым. Широко разошедшаяся в крестьянских массах легенда о добром и справедливом «Петре Федоровиче», хотевшем дать «вольность» крепостному народу; о царе, который хотел унять и приустрасить помещиков и был свергнут с престола «немкой Катериной» и дворянами, — этот миф, принимаемый крепостным людом за истинную правду, был «политико-стратегическим» рычагом в руках руководителей восстания, из которых многие, а пожалуй и все, знали, что Емельян Иванович никакой не Петр Федорович.

Об этом знаменательном историческом факте пишет в своем произведении Вячеслав Шишков: когда Пугачев в надежде на поддержку донских казаков кинулся к ним, к «своим», то его опознали в лицо: «„А, наш, дескать, казачина, — какой же это Петр Федорович?!“ И — не пошли!..»

Жизненность и устойчивость народного мифа о «мужицком» царе, изгнанном дворянами, как видно, были сильнейшей закваской крестьянских войн и восстаний. О том, что Пугачев называл себя царем, много пишет и первый историограф Пугачева — А. С. Пушкин:

«Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III».

Но мало этого, оказывается. «Не только в простом народе, — продолжает Пушкин, — но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: жив ли мой отец?»

Но если уж мы коснулись воззрений Пушкина-историка на социальную сущность Пугачевского восстания, то для нас наиболее

важным является, опять-таки, изъятое царской цензурой, но подтвержденное современной исторической наукой, следующее его суждение: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства».

Возвратимся, однако, к тому изумительно написанному эпизоду, когда Емельян Пугачев, еще не помышлявший о том, чтобы объявить себя Петром III, возглавил внезапно для самого себя народную расправу над палачом помещиком с его присными, а затем в силу роковой неизбежности организовал вооруженный отпор карательному отряду, прибывшему из города и кинувшемуся на штурм барской усадьбы, в которой засели как в крепости восставшие крестьяне.

Здесь впервые показано автором, как донской казак-солдат в лице Емельяна, мужественный воин, участник войны с Пруссией, пришел на помощь крепостному брату-крестьянину, неумелому в военном деле.

Пугачев сумел сколотить небольшой отряд конницы из восставших и «схоронился» с нею в ближнем лесочке, устроил засаду.

Его внезапный, бешеный удар в тыл карательному отряду и принес восставшим победу в тот страшный миг, когда каратели уже вломились в укрепленный двор усадьбы, а оборонявшиеся в нем крестьяне, руководимые отставным Солдатом — артиллеристом, боевым соратником Емельяна по «Цорндорфской баталии», Перешиб-Носом, уже считали, что ничего их не спасет.

Да, своего боевого соратника опознал Емельян Пугачев, но при сколь скорбных и страшных обстоятельствах! Усач артиллерист Перешиб-Нос вместе с мужиками-одnodеревенцами снимает с веревки замученного самоубийцу, а он тоже солдат, соратник, да еще и прославленный защитник отечества.

«Кто-то подал усачу мундир покойного с тремя медалями: за Цорндорф, Кунерсдорфскую баталию и за взятие Берлина». «Так вот оно как! Вот как барин-изверг „почтил“ кровь солдатскую, за отечество пролитую!..» Да разве мог после этого Емельян Иванович Пугачев простить такое глумленье?! «За себя спущу, а за другого — не спущу»! — извечная заповедь русского народа. И неужели впрямь после всего-то увиденного своими глазами способен был ярый в гневе, гордый и вольнолюбивый воин-казак поступить по опасливо-укоризненным словам, брошенным кем-то из толпы: «Тебе хорошо, казак! Ты вскочил на конь, расшаршил ноги, да и был таков!..» Нет и нет!..

Так встреча Емельяна с двумя былыми соратниками — с живым и мертвым, впервые толкнула его в гущу вооруженного мятежа: в Емельяне

Шишков впервые явил грозного Пугачева!

В письме к А. И. Суслову в сентябре 1938 года Вячеслав Шишков недоумевает: «А как показать Пугачева, этого замечательного вождя восставшего крестьянства, еще не знаю. Ежели показать со всеми человеческими слабостями — в свободное время он и винишка любил попить, и бабенками увлекался, — боюсь разгневать критику. Ежели показать его без обычных человеческих „пороков“, опять закричат: „Лакировка действительности“. Примерно покажу так, как А. Толстой показал Петра».

Образ Пугачева был постоянно в центре внимания автора. Шишков взвешивал каждый поступок, каждое движение души, каждое слово Емельяна Ивановича. Вячеслав Яковлевич советовался со своими друзьями, людьми, знающими историю XVIII века, спрашивал их, высказывал им свои соображения о герое.

«Все обдумываю план второй книги, — пишет Шишков тому же Сулову, — каким был Пугачев, как его показать. Его природные возможности, его политическая и стратегическая одаренность. Он руководил военной коллегией или военная коллегия руководила им? Были ли у него какие-нибудь идеалы, исторические перспективы или на 75 проц. все шло самотеком? Пока все еще у меня в тумане».

В конце концов Вячеслав Шишков пришел к удачному и правильному решению. В образе Пугачева он воплотил многие черты, присущие русскому человеку XVIII века. Богатырская удаля Емельяна Ивановича сочетается с природным умом, сильной волей, сердечность и простодушие с беспощадностью и жестокостью, когда дело касается помещиков-крепостников, истязавших и угнетавших простых людей.

«Да, он, Емельян, — писал Шишков в 1944 году Л. Когану, — добропорядочный человек получается, он, несомненно, таким и был. Милостью своей подкупал народ, силой воли всех держал в руках, искусством воевать побеждал царицыных генералов».

Здесь необходимо сказать следующее: почему не просто «Пугачев» назван роман, что, несомненно, было бы звучнее и величественнее, а добавлено еще и «Емельян»? На протяжении ведь целого десятилетия вплоть до последних дней своей жизни самозабвенно, неистово трудился Вячеслав Яковлевич над этим своим произведением, поэтому в заглавии не могло быть ничего случайного: автор продумал все. Значит, в это сочетание фамилии, записанной в анналы истории, с именем личным, от «купели», так сказать, автор вкладывал особый смысл: пусть не подавит, мол, в сознании и воображении читателей это историческое личное,

психологического! «Емельян Пугачев», как и «Угрюм-река», — и эпопея, и роман одновременно, хотя автор скромно именовал свой труд «историческим повествованием».

«Емельян Пугачев» — это книга о двух мирах, и притом показанных в период страшного, беспощадного и кровавого столкновения.

Книга наполнена огромным количеством событий — международного, государственного, военного и частного порядка, огромным числом действующих лиц.

Кто только не проходит перед нашим взором, начиная от Фридриха II, Петра III, Екатерины II с ее вельможами и полководцами, от самого Пугачева с его ближайшими соратниками, кончая каким-нибудь купчишкой-«прохиндеем», ухитрившимся востребовать с Пугачева старую задолженность Петра III за поставлявшиеся к его двору продукты!..

Остановимся лишь на некоторых главах, в которых автор пользовался уже другими речевыми средствами.

Известно, что с восстанием крестьян под предводительством Пугачева совпала эпидемия чумы в Москве, опустошившая город и вызвавшая мятеж «простого народа» против царских чиновников, покинувших в этот тяжелый час город и трусливо укрывшихся в своих усадьбах. Так поступил, например, фельдмаршал Салтыков, тот самый, что возглавлял некогда русскую армию, в которой довелось служить и Пугачеву. Вот как автор рисует облик этого екатерининского вельможи:

«Уведомленный о беспорядках, фельдмаршал Салтыков 17 сентября утром въехал на шестерке каурых в первопрестольную столицу. Увешанный ладанками с камфарой и то и дело опрыскивая себя противочумными снадобьями, маленький, седенький, простенький, он сидел в обширной закрытой карете, как в большом сундуке суслик, и брюзгливо бормотал себе под нос проклятия подлым взбунтовавшимся людишкам. За спиной кучера и позади кареты — две жаровни с пылающими углями и раскаленными камнями; два казачка бросали в жаровню благовонный порошок и плескали уксус „четырёх разбойников“. От мчавшейся кареты с фореитором на передней лошади валил дым и пар. За экипажем, поддерживая порточки, бежали босоногие мальчуганы, кричали:

— Глянь, глянь, пожар!.. Барина опаливают в карете!»

Императрица была испугана и разгневана. Манеры Екатерины, ее речь, язвительность, которой она пыталась прикрыть свое негодование, употребление русских слов попеременно с французскими — все это изображено с такой достоверностью, словно бы само приближенное к ее

«особе» лицо, вроде личного ее секретаря Храповицкого, сообщает нам все это.

«Читая в Царском Селе это письмо, Екатерина разгневалась.

— Старый хрыч, — наморщив нос, сказала она и стала золотым карандашиком подчеркивать некоторые, возмущившие ее, строки.

„Я запер свои ворота, сижу один, опасаясь и себе несчастья“, — подчеркнула дважды и, кинув карандашик, воскликнула:

— И это кунерсдорфский победитель! На войне побеждал, на эпидемии в дрейф лег. Как твое мнение, Григорий Григорьевич?»

Она обращается к своему фавориту Григорию Орлову, фавориту, уже миновавшему свой зенит: Григорий Потемкин, «Гришифишинька», сменил Григория Орлова. Поэтому-то вступающий во время этой беседы в интимную комнату, в знаменитую «табакерку» императрицы, Никита Панин уже не столь подобострастно, как прежде, здоровается с бывшим, хотя и не удаленным еще фаворитом. «Она умолкла, понурившись, и в эту минуту с порога:

— Граф Никита Иваныч Панин! — гортанным голосом прокричал курчавый негр в красном, обшитом золотыми галунами кафтане со срезанными полами.

Располневший, приятно улыбающийся темноглазый граф Панин, которому даровано право являться к царице без доклада, неспешно приблизился к ней, поцеловал протянутую руку, затем жеманно и не так, как раньше, — без тени вынужденною подобострастия, — раскланялся с Орловым.

— Садитесь, Никита Иванович, — указала Екатерина на место возле себя и, взяв холеной рукой с оттопыренным мизинчиком пуховку, попудрила слегка вспотевший лоб.

— Вы как раз кстати... Прочтите, пожалуй, что пишет этот московский старый хрыч...

Мы с благочестивым фельдмаршалом нашим довели Москву до того, что там мрет по тысяче наших подданных в сутки. Наш милый дедушка полагает все новое пустым и бесполезным... Какая рутина!.. Как это глупо...»

Тут императрица, хотя и усердно «натаскивавшая» себя в русской речи, не находит (из-за сильного волнения, должно быть) подходящей русской пословицы или поговорки и пользуется французским выражением.

Резкими скуными мазками Вячеслав Шишков рисует нравы царицы и ее окружение. Одним из многочисленных образов является, например, сцена, где архиепископ Амвросий посещает знаменитого архитектора

Баженова. Только одно перечисление предметов дает читателю возможность увидеть, ощутить всю бездну различия между придворным бытом и, к примеру сказать, избою, «подпертой слегами».

«Архиепископ Амвросий сидел в рабочем кабинете Баженова. С потолка спускалась елизаветинских времен в наборных хрустальных блюдах люстра с восковыми розовыми свечами. Вдоль стен резные, по рисункам хозяина, дубовые шкафы, шифоньерки, бюро. На стенах, обитых голубоватым штофом, два портрета кисти Антропова, несколько миниатюр Ротари и датского живописца Эрихсена. Дорогие ковры — дар графа Салтыкова. Письменный стол завален „Московскими ведомостями“, брошюрами, книгами на русском и иноземном языке. Тут и старинный роман Гриммельсгаузена „Симплициссимус“, и устав Вольного экономического общества. Рулоны чертежей, кроки, эскизы, готовальни, заграничные краски в тубиках...»

«Внутренние дела России не сулили ничего хорошего. То здесь, то там волновались пашенные крестьяне. В вотчинах Татищева и Хлопова в Тверском и Клинском уездах мужики срыли и разбросали помещичьи дома, житницы с хлебом, и оброчные деньги разграбили, а помещиков выбили вон, сказав им, чтобы больше сюда не ездили; приказчиков и дворовых людей хотели убить, но смиловались — однако из вотчины выгнали вон».

Здесь хоть каждое слово подчеркивай: «срыли и разбросали», а не «разрушили» или как-нибудь иначе, помещичьи дома. Разве не чувствуется в этих словах властная воля истинных хозяев земли? И не амбары, а «житницы», и, наконец, это выразительное и архаичное, нередко в челобитных встречавшееся: «выбили вон», то есть вышвырнули с побоями, прогнали...

Приведенные ниже выдержки из писем Вячеслава Шишкова свидетельствуют о том, в каких условиях и как работал автор над «Емельяном Пугачевым».

«Живучи в Сухуми, думал: вот отдохну, наброшусь на работу, на Пугачева, — пишет Шишков 19 января 1936 года Новодворскому. — Ан не тут-то было. До сих пор пальцем не прикоснулся к любимой работе, начались бесконечные заседания (я председатель ревиз. комиссии, которая работает с июня м-ца), выступления и другие дела, то пишу предисловие к книге начинающего (будут издавать в Свердловске), то получаю трех подшефных мне молодых писателей, то читаю рукописи. А еще предстоит ряд заседаний по написанию книг „Социалистический Ленинград“, „Две пятилетки“, „История Эпрона“, да заседания, то туда-сюда, а ведь придется

и статьи давать. Так что бедный мой Е. И. Пугачев пока что тихо спит в могиле и, может быть, радуется, что какой-то бумагомарака не тревожит его расхрястнутые топором палача кости. Между прочим, за „топором палача кости“ — Вас бы я выругал (подряд три существительных). А вот сам пишу. Эхе-хе, учить легко...»

Через 11 месяцев после письма Новодворскому в послании к брату Алексею Яковлевичу Шишков сообщает: «А теперь приступаю к Емельяну Ивановичу Пугачеву. Подчитываю (многое забыл), подумываю. Царский период (листов 6–7) у меня закончен от смерти Елизаветы до убиения Петра III. Показан Пугачев молодым 18-летним казаком на Прусской войне (Семилетняя война). Теперь думаю изобразить моровую язву в Москве и бунт (1770–1771 гг.), а затем странствия Пугачева и при каких обстоятельствах он объявляет себя Петром III. Возможно, что 1-я часть романа будет закончена набело, для печати, в конце 37-го года (и написана будет начерно 2-я часть). А в тридцать восьмом году, возможно, выйдет весь роман, листов около 40 („Угрюм-река“ 55). Впрочем, о 38-м годе загадывать трудно — старость пришла, того и гляди глаза закроешь».

Из второго письма, посланного Алексею Яковлевичу в 1938 году, мы видим, что Вячеслав Шишков напряженно пишет «Пугачева»:

«Третьего дня я послал тебе журнал с началом „Пугачева“. Ты пока не читай, а когда будут три книжки (в них вся первая часть), тогда уж... 13-го сдал в журнал 2-ю часть. Страшно мною над ней работал, она очень сложна, и боишься сделать какую-нибудь историческую ошибку. Тут каждое лыко в строку, двадцать раз надо сначала справиться, удостовериться в правдивости положения или факта и только тогда вводить. А потом — подчинение всех разрозненных фактов общей идее произведения, увязка с правдоподобным вымыслом, типизация разговоров, общий стиль и пр. и пр. Словом, напряжение при работе было огромное, немножко устал, думаю слегка отдохнуть».

Но были и смешные эпизоды:

— Однажды, в пору напряженной работы над Емельяном Пугачевым, — рассказывает Клавдия Михайловна, — Вячеслав Яковлевич, возвращаясь домой после прогулки, увидел человека, лежащего в луже. Он потормошил его — оказалось, пьяный. Попробовал поднять — тяжело. Хотел идти домой — стыдно бросить: «Совесть будет мучить, ведь воспаление легких обеспечено человеку». Растормошил, стал спрашивать, где живет, уговаривать идти домой. Наконец, пьяница объяснил ему, где его квартира. Шли долго, падали оба — скользко, проваливались в чуть подмерзшие лужи. Вячеслав Яковлевич внушал

незнакомцу, сколь вредно пьянство. Наконец, добрались до квартиры. Вячеслав Яковлевич очень устал, думал хоть немного передохнуть в квартире подобранного на улице человека... Входят в сени. Их встречает разъяренная жена и, принимая Вячеслава Яковлевича за собутыльника своего мужа, ругает его нещадно. Вячеслав Яковлевич пытается оправдаться и объяснить, в чем дело, но рассерженная женщина выталкивает его на улицу.

Пришел Вячеслав Яковлевич домой сердитый, усталый, с мокрыми ногами и в грязном пальто. Отдохнув — страшно хохотал...

О Пугачеве в прошлом веке написали романы граф Салиас — «Пугачевцы» и Г. П. Данилевский — «Черный год». Оба пошлейшие по своим идеям и беллетристическим приемам.

Достаточно привести здесь лишь несколько примеров, чтобы увидеть, что такое «Пугачевцы» Салиаса.

Вот описание Екатерины II:

«Словно один луч денной, оторвавшись от солнца, остался на ней и могуче сверкает среди ночи и ночных огней, осеняя склоненную кругом толпу».

«Пугачевцы» переполнены до омерзения натуралистическими описаниями кровавых казней и пыток, походя учиняемых восставшими крестьянами: тут и однорукому солдату отрубает и другую руку, тут и девушку Параню, совсем в духе средневековых времен, привязывают к хвосту лошади, и прочее, и прочее...

И уж само собой разумеется, у Салиаса каратель Михельсон «с сотнями молодцов разбивал тысячные полчища врагов», тогда как все это есть давно доказанная ложь, и опять-таки у Пушкина в его «Истории Пугачева» мы читаем о многочасовых, упорных сражениях, когда «чаши весов», как говорится, колебались, когда и сам Михельсон со своим большим и отлично вооруженным отрядом оказывался на волосок от гибели и поражений.

Что еще стоит привести из романа Салиаса, чтобы каждому понятным стало, до какой степени критик был необъективен, сближая произведения Шишкова с пошлой и лжеисторической стряпней?

О пугачевском казацко-крестьянском войске Салиас дает глумливый, глупый отзыв: «Тут были Яшки да их Савки!» Сам Пугачев, гениальный стратег и тактик крестьянской войны, каким он и дан у Шишкова, в романе Салиаса... спивается!..

Или еще один отзыв о нем: «В есаулы не пустили, в цари вышел...»

«Все русские исторические романисты, — говорил как-то Ключевский,

— очень плохо знают историю. За исключением Салиаса, который истории не знает вовсе».

«И это верно, — подтверждает Шишков, приводя это замечание русского историка в своем письме к А. И. Сулову. — Его „Пугачевцы“ — роман ужасный. Чего-чего он там не нагородил!

И вот меня некий критик К. Малахов ошельмовал, как идущего в „Емельяне Пугачеве“ по стопам Салиаса. Малахов или знает Салиаса понаслышке, или просто человек бессовестный. Если б он читал Салиаса, он не посмел бы упрекнуть меня в подражании ему: я худо ли, хорошо ли веду свою работу в пределах исторической и художественной правды».

Позднее эту свою мысль Вячеслав Шишков более подробно высказывает в статье, написанной для журнала «Огонек» в 1943 году, когда уже была закончена вторая книга эпопеи и автор начал работу над третьей книгой: «Моя работа над произведением „Емельян Пугачев“ длится около десяти лет. В произведении с большой полнотой изображена русская жизнь второй половины XVIII столетия, со времени участия молодого Пугачева в так называемой Семилетней войне против прусского короля Фридриха II и до казни Пугачева в начале 1775 года.

В романе, или, как я называю, в моем историческом повествовании, мало вымышленных лиц и ситуаций, все в нем построено на строго исторической канве, чрезвычайно своеобразной и настолько в общем интересной, что не было надобности разукрашивать доподлинную историю выдумкой и домыслом. Я намеревался дать полноценную и широкую картину изображаемого времени с такой полнотой, чтоб читатель ясно видел как причины, породившие пугачевское движение, так и то, почему Пугачев был побежден и сложил на плахе свою голову».

И разве можно без гнева и отвращения читать описание казни Пугачева в «Черном годе» Данилевского;

«— Вот тебе и корона, вот тебе и престол! — толковали в многотысячной толпе. — Тоже царем, сиволапый, захотел быть! Сказывали, туз, богатырь... Куда! Бородка жидехонька, и весь-то, ну харчевник плюгавый, — одно слово мелкота...»

Нет, поистине кощунством и злонамеренной клеветой на Вячеслава Яковлевича была попытка сравнить его «Емельяна Пугачева» с подобными лжеисторическими «произведениями», на которых явственно просматривалось клеймо «социального заказа».

Шишков был бы не Шишков, если бы в своей обширной эпопее давал одно лишь трагическое, а не воспользовался в полной мере своим изумительным даром юмориста. «Шутейных» эпизодов и положений

немало в «Емельяне Пугачеве».

Приведем одну из таких сцен, вспомнив попутно, что и здесь Пугачев хочет проявить себя как «государь-отец», пекущийся прежде всего о благе государственном. На его пути встретилась местность, где орудовала изуверская секта скопцов. И вот Пугачев приказывает привести фанатиков-изуверов. Он сидит на коне, возвышаясь над толпою.

«— Вы что, сукины дети, народ губить? — еще громче зарычал Пугачев, потрясая высоко вскинутой нагайкой.

— Нам треба, чтоб народ русский плодился да множился, а не на убыль шел! Чтоб земля наша была людна и угожа. В том есть наша государственная польза. И чтоб этакого глупства у меня больше не было! Слышите, мужики? Я в гневе на вас на всех!..»

Шишковская эпопея написана о народной войне, о герое народном. Основная, главенствующая идея романа неожиданно и сильно проявилась в той сцене, где Горбачев, офицер правительственных войск, перешедший на сторону Пугачева и ничуть не верящий, что перед ним император Петр III, прямо признается в этом Пугачеву.

Тот сперва в неистовом гневе готов казнить его.

«— А кто же я, по-твоему?! — грозно вопрошает он. И озадаченный стихает, услышав мужественный и убежденно-восторженный ответ:

— Вы, выше императора... Вы народа вождь!..»

Один из читателей, Алексей Старцев, писал по поводу «Емельяна Пугачева»:

«Глубокоуважаемый товарищ Шишков! Я только что прочел последнюю страницу Вашего повествования „Емельян Пугачев“ и сразу же, поддерживаемый всем коллективом, решил написать Вам это письмо. Написанная Вами книга произвела на нас — ваших читателей — очень сильное впечатление. Вы создали не только обаятельный образ народного героя, Вы, терпеливо трудясь над архивами старины, сумели раскрыть своим современникам черты эпохи Петра III и Екатерины II, Вы дали нам глубокий анализ политико-экономической ситуации второй половины XVIII столетия, Вы рассказали нам языком художника, историка и патриота о бесправии народов царской России...

...Я да и многие из моих товарищей годы Отечественной войны были на фронте и сейчас далеко от родимых мест, поэтому многие литературные новинки нам неизвестны, но Ваша книга „Емельян Пугачев“ наделала много шума, читали ее посменно всем коллективом и, прочитав, решили поздравить Вас с большой литературной победой... Ваша книга, бесспорно, внесла неоценимый вклад в борьбу за новую, социалистическую Россию

нашего времени... От всей души желаем Вам благополучия и успеха в Вашем благородном труде».

Язык Шишкова

«Язык — это сказочная живая вода, — говорил Шишков, — sprыснешь, и все ожило». В умении почерпнуть эту «живую воду» из чистого родника народной речи не откажешь Вячеславу Яковлевичу Шишкову. Он, как искусный волшебник, отбирал самые выразительные и живописные слова.

«Создателем и носителем языка, — писал Шишков, — является народ... Для обогащения живого языка необходимо общаться с народом — рабочими, крестьянами — и крылатые фразы, структуру речи, выражения заносить в записную книжку...»

В Сибири Шишков записал немало слов и метких выражений, которые он впоследствии использовал в своих произведениях:

«Бедному умереть легко, стоит только зажмуриться». «Такой золотой фразы, — писал Шишков, — вы не найдете ни у Даля, ни в афоризмах Шопенгауэра, эта фраза есть тема для большой книги... Вот где источник драгоценных слов — народ».

Мучительные поиски слова, длительная работа над фразой весьма характерны для Шишкова.

«...Я ценю звучность фразы и всегда прислушиваюсь к своему перу. Что касается формы, то ее всецело определяет содержание, она подвижна, как сама жизнь, как живой поток реки, то медленный, то бурный. Иногда в одном и том же произведении я ломаю форму, меняю ритм и пр., — но это не погоня за модой, это — вынужденная необходимость».

Вячеслав Шишков всегда прислушивался к советам своих коллег, например к рекомендациям такого прекрасного стилиста, как Алексей Ремизов, который говорил ему: «Каждое даже и малое писаное слово есть условный знак, за которым скрывается большая сущность. Поэтому к словам надо относиться чрезвычайно бережно, умеючи. Многое зависит от расстановки во фразе слов. Надо выбирать и расставлять слова так, чтоб в них зажглись фонарики, чтоб слова светились».

Вячеслав Шишков был сам тонким ценителем и знатоком русского языка. «„Петр“ написан чисто национальным языком, — говорил он в докладе о творчестве Толстого. — Русский читатель полюбил этот язык, изучает его и на всех перекрестках кричит автору: „Спасибо“. Язык произведения оригинален и необычен даже для самого Толстого, этот язык нельзя поставить рядом ни с одним языком русских классиков и современников, ему даже невозможно подражать. Я отнюдь не хочу сказать, что это есть абсолют, я говорю, что язык романа стоит на особицу. В нем вся мощь автора. Выросший в раздольных полях и лесах Приволжья, насквозь русский, Алексей Николаевич Толстой, со своей широкой национальной натурой, унаследовал еще с детства этот словесный бисер, эту живую красоту русской народной речи. И сохранил ее, и культивировал, и донес через свой долгий творческий путь до „Петра“. Широко изучив лексику XVII века, автор очень своеобразно и в пределах необходимости подносит ее читателю, не засоряя словесную ткань излишними архаизмами, поэтому язык романа доступен пониманию каждого, он поистине народен».

А вот что написал Вячеслав Яковлевич о Мельникове-Печерском в октябре 1943 года: «Прочел Мельникова-Печерского „В лесах“ —

интересно, и язык чудесный, жаль, что роман изобилует длиннотами. А какой несравненный знаток русского обиходного языка и старинных обычаев! Классик, недостаточно нами оцененный».

А произведения Андрея Белого, с точки зрения языка, несмотря на то, что автор «Петербурга» для него «большой художник», Вячеслав Шишков осуждает:

«Читаю А. Белого... Что за язык, что за юродство! Сплошь выдуманные словечки, фейерверк словечек, водопад, поток. Смотришь на рисунок через этот град словес, который барабанит тебя по темю, по морде, по глазам, смотришь — и ничего не видишь. Обидно, право. Что говорить, словечки модные, выдуманные большим искусником, но он щелкает слова, как подсолнух, идет сам по колено в шелухе и по этим сугробам мусора тащит за собой читающего. Надо очень любить русскую литературу, очень ценить Андрея Белого — он для меня большой художник, — чтоб превозмочь его словесные узоры. Ни крестьянам, ни рабочим, ни обыкновенным смертным такая литература не нужна, и надо быть большим стойком, чтоб, подобно Диогену, залезть в тесную бочку модной оригинальности, заживо похоронить себя от населяющих Русь людишек. Ей богу — жаль».

В этой оценке, может быть, и резкой, может быть, и субъективной, важно то, что Шишков думает о тех, кому адресуются произведения. Во многом его творчество определялось именно этими мыслями.

Вячеслава Шишкова, как, впрочем, и других крупных писателей Урала и Сибири, некоторые критики упрекают в пристрастии к так называемым диалектизмам, то есть к словам, характерным для той или иной области.

В конце 1970 года издательство «Просвещение» выпустило в свет избранные труды члена-корреспондента Академии наук СССР В. И. Чернышова. В статье «Сокровища народного слова» этот талантливый и оригинальный исследователь пишет: «...Русский провинциальный язык является настоящим сокровищем родного слова. Он чрезвычайно богат, совершенно не исчерпан ни нашими лучшими писателями, ни самыми полными словарями, как, например, прекрасный словарь Даля. Основательное знание нашего народного языка является необходимой основой понимания и сознательного употребления языка литературного. Поэтому школа, которая решительно порывает с народным языком, подкапывает в корне то самое дерево, которое она хочет возрастить и взлелеять. Чем осторожнее, чем любовнее относится народный учитель к местному народному языку, чем больше сумеет опереться на его коренные,

здоровые начала, тем с большим успехом, легкостью и удовольствием овладеют его ученики русской литературной речью».

Торосы, сохатый, плесо, шивера, урез воды, приплесок, шитик, счалок, плица, уключины и т. д. и т. п. — множество слов, пришедших из областных говоров, возвращены писателями Урала и Сибири, в том числе и Вячеславом Шишковым, в сокровищницу русского литературного языка.

Вспомним «Угрюм-реку». «Лось, сохатый, — играло в его мозгу», — пишет Шишков об Ибрагиме-Оглы. Не олень, а именно сохатый — слово, которое употребляют жители северо-восточных областей. «Прохор спустился к урезу воды, где мужики конопатили шитик». Не только для самого землепроходца и устроителя водных путей Сибири — Шишкова, но и для миллионов русских людей нашего севера-востока «урез воды», то есть самая кромка речного берега, вместе с выражением «конопатили шитик» — близкие выражения, читатель прямо-таки ощущает запах воды, влажной гальки, песка и смолы, ибо там, где конопатят, как правило, пользуются и смолой. Вы слышите стук особого долота — конопатки...

«А вот и приплесок...» — сказано у Шишкова. И одно это слово порождает в сознании читателя целую картину, ибо русский приплесок, или заплески, — это береговая полоса, до которой достаёт речная вода, образуя на влажном песке «заструги». Многие, несомненно, видели эти «заструги», похожие на извилины стиральной доски, на песчаных берегах, на снежных сугробах. «Задулины, сувой, снежные волны по насту, крутые и подбористые снаветру и отлогие сподветру», — поясняет Владимир Даль.

В многотрудном плавании Прохора и черкеса по Угрюм-реке им встречаются шивера, пороги, перекаты, запечки, осередыши. Сколько изобразительной емкости в этих областных словах, которые являют собой творческие возможности народа, создавшего «великий и могучий» русский язык. «Шивера» — каждому сибиряку известное слово, страшное для речников. Это плоская гряда, прикрытая водой во всю ширину. А сколь выразительно слово «осередыш»: подводный остров или же внезапная мель среди реки, на стрежне, на прямом пути судна.

Вспомним, что еще Карамзин, вообще-то говоря, далекий от разговорного народного языка, считал неизбежными в литературном языке некоторые «сибиризмы»: «Сибирское слово „тундра“ должно быть в русском лексиконе, ибо никаким другим мы не означим обширных низких, безлесных равнин, заросших мхом, о которых может говорить поэт, географ, путешественник, описывая Сибирь и берега Ледовитого моря...»

Напомним, что Вячеслав Шишков в период его путешествия по Нижней Тунгуске записал много старинных русских песен:

Песня полюбовная (старинная)
Уж вы, ноченьки, да мои темныя,
Ночи осенние!
Вы наскучили, ночи, напроскучили,
Ой, напроскучили.
Со милым-то ли дружком
Гулять разлучили.
Ой, не сама ли я девка
Глупо сделала,
Ой, глупо сделала, дружка спрогневала:
Эх, назвала-то я дружка
Горьким пьяницей,
Горьким пьяницей, мотом пропойщичком:
«Ой ты пошто, друг мой, упиваешься,
Во хмелинушке все валяешься,
Предо мной-то душой, красной девицей,
Ой, выхваляешься».
Ох, как на это ли, друг,
Ты возгневался?
Ой, ты забудь-забудь, мой сердешный друг,
Ой, да гневаться.
Лучше вспомни-ка, мой сердешный друг,
Как осенние мы ноченьки вдвоем
Да просиживали.
Тайные речи-то с тобой
Да говаривали.
Мы все думушки передумали,
Одна думушка с ума не шла.
Ой, как бы нам с тобой
Да пожениться.

По нашему мнению, это лучшая иллюстрация к словам известного лингвиста А. М. Селищева: «Русские говоры Сибири, оторвавшись от ближайших говоров Европейской России, начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойствен говорам их метрополии в XVI и XVII веках».

Очаги народного русского языка «горят» в Сибири с древнейших времен. Поэтому так много архаизмов и славянизмов употребляет в своих

разговорах коренной сибиряк.

Начиная от Ермака, Ерофея Хабарова за Урал, в Сибирь, на Дальний Восток шли люди разных областей России, и это придало языку сибиряков особый аромат, а его словарный состав воистину необъятен.

Словом, не о каких-либо диалектизмах должна идти речь, когда мы вчитываемся в роман «Угрюм-река» да и во все другие произведения Вячеслава Шишкова!

То, что я был первым редактором «Угрюм-реки», те многочисленные беседы, которые я вел с Вячеславом Яковлевичем, позволяют мне сказать о тех основных принципах, которых придерживался Вячеслав Шишков как стилист: это, во-первых, народность, о чем уже говорилось выше, а во-вторых, намеренное сближение даже авторской речи с разговорным языком.

В самом деле, если мы еще раз вернемся к построению авторских отступлений в «Угрюм-реке» с этой вот стилистической стороны, то мы и перечислить не сможем всех тех мест, где Шишков буквально разговаривает не только с героями романа, но и с тайгой, и с Угрюм-рекой, вообще говоря, с природой...

Это разговорное начало проявляется даже в авторском комментарии перед роковым выстрелом Прохора, что позволяет Шишкову достигнуть поставленной им же цели:

«Ты помнишь ли, Прохор Петрович, друг, странную ночь в избушке, когда филин свой голос подавал, помнишь ли, как целовал тогда свою Анфису, какую клятву непреложную приносил Анфисе в вечной любви своей? Вспомни, вспомни скорей, Прохор, мил-дружок, пока нож судьбы твоей не занесен!..» — взывает к прицелившемуся убийце создатель романа, перелагая своими словами «мысль в самой себе» злосчастной Анфисы. И, наконец, заключает возгласом, к ней обращенным: «Радуйся, Анфиса, приносящая нетронутую чистоту свою возлюбленному Прохору!..

...Радуйся, радуйся, несчастная Анфиса, и закрой свои оскорбленные глаза в примирении с жизнью!»

Часть четвертая «Угрюм-реки» открывается разговором автора как бы с тремя собеседниками. Сперва краткое обращение к читателю: «Ты помнишь, читатель, ту бурную ночь, когда смертью погибла Анфиса? Над всей тайгой, над всем миром тогда гремела гроза, ударила молния, и в одночасье сгорела хибарка, когда-то построенная Прохором Громовым. С того времени прошло несколько лет...»

Вслед за тем взволнованные слова к самой Угрюм-реке:

«Угрюм-река! Была ли ты когда-нибудь в природе и есть ли на свете та земля, которую размывали твои воды? Или в допетровские седые времена

выдумал тебя какой-либо ветхий днями сказитель жемчужных слов и, выдумав, пустил по широкому миру, чтоб ты в веках передавалась легкокрылой песнью из уст в уста, пока не забудут тебя люди?

Пусть так, пусть тебя не было вовсе на белом свете. Но вот теперь ты, Угрюм-река, получила право на свое существование, ты знаменуешь собою — Жизнь».

И, наконец, зловещее предостережение, обращенное к Прохору Громову:

«Действуйте, действуйте, Прохор Петрович!

Величаяя Угрюм-река у ваших ног.

За вами слово!»

Однако, рассказывая и о смешных эпизодах, Вячеслав Шишков пользуется тем же приемом. Читатель «Угрюм-реки» вряд ли забудет когда-либо почти гротескную фигуру наемного громовского инженера-американца мистера Кука, того самого, кто на потеху всем любил щегольнуть к месту и не к месту знанием «очень хорош русский пословиц», как например: «На чужую кровать рта не разевать».

Описывая своекорыстные и, конечно, тщетные попытки чудаковатого американца Кука пленить «владетельную» красавицу хозяйку Нину Громову, писатель опять-таки переходит на прямое авторское обращение к ней.

«Мисс Нина! Так неужели же вы никогда не обратите своего благосклонного внимания на несчастного мистера Кука? Ведь он же душка, ведь он же выписал из Нью-Йорка из института высшей косметики всевозможные руководства, притирания, принадлежности для ухода за мужской красотой! Его лицо крепко, приятно, выразительно, обмороженный нос утратил фиолетовый оттенок, веснушки исчезли. Ведь мистер Кук, тренируясь в любую свободную минуту, стал приобретать округность форм, игривую пластику икр, бедер, бицепсов. Ведь он, наконец, получил из Америки большой сундук изящнейших костюмов и щеголяет в них...»

Те же языковые особенности проявились в книге Вячеслава Шишкова «Емельян Пугачев».

Ограничимся лишь немногими примерами.

«Через минуту они (Пугачев с казаком Семибратовым) были в завалившейся набок, подпертой тремя слегами избенке. На улице яркий день, а в избе сутемь. Скамью, куда можно сесть, казаки отыскивали ощупью.

Маленькое оконце, затянутое вместо стекла бычьим пузырем; солома,

как в хлеву, на земляном полу; черные стены; под потолком облако вспугнутых мух; у печки стадо тараканов; глиняные обвитые берестой горшки на полке; светец с корытцем; на скамьях две прялки да валеки; возле двери голик; лохань да рукомойник — вот и вся утварь».

Многие слова этого отрывка помогают читателю ощутить эпоху, о которой идет речь в романе. И, как всегда, Шишков заботится о тех, кому предназначается книга. Он не дает сносок, разъясняющих значение тех или иных областных или старинных слов. Автор так конструирует фразы, что читатель как бы видит те предметы, которые, может быть, и обозначены непонятными для него словами. Молодой читатель, не знающий, что такое слега, из контекста поймет (настолько зримо описание), что это бревно. И когда Шишков скажет, что в корытце с водою, шипя, падали «золотые угольки» от горящей лучины, все вдруг становится явственным, материальным!

«Обвитые берестой горшки на полке» — нет, это не случайная деталь в произведении. Дело в том, что в старину, да кое-где и в двадцатые годы нашего века, в бедном крестьянском обиходе треснувший горшок, кувшин не выбрасывали, а скрепляли тугой лентой бересты, и глиняной посудиною продолжали пользоваться. Отсюда и старинная народная загадка о горшке: «В огне крещается, берестой повивается». Отсюда и поговорка: «Баба не горшок — берестой не повьешь!»

Употребляет автор в «Емельяне Пугачеве» много и диалектных слов: таково, например, слово «разболокаться», то есть раздеться, снять верхнюю одежду. «Они разболоклись и легли», — пишет Шишков о Пугачеве и Семибратове.

Наречие «поздно» у автора склоняется: «До самого поздна казаки ехали молча». Слову «рассказали» он предпочел «обсказали»: «Казаки обсказали, что они за люди, куда путь правят, где были, с кем встречались. Обсказали и про бабку». Утварь, оторопь («На крестьян напала оторопь»). Схорониться вместо обычного — скрыться, спрятаться («Полсотни конников двинулись за Пугачевым в ближний лесок, чтоб там схорониться до поры») и т. д., короче говоря, все это великое множество употребляемых в разговорной речи слов и оборотов, зачастую архаичных, полузабытых, помогает современному читателю ярче, образней увидеть и почувствовать эпоху.

Вячеслав Яковлевич советовал «начинающим писателям любовно изучать народный русский язык, народное творчество, как богатейшую сокровищницу словесного мастерства. Он постоянно возвращался к этой теме, охотно цитируя высказывания Пушкина и А. М. Горького, которые

советовал накрепко запомнить».

Боец и патриот

«...Уважаемый тов. Вячеслав Шишков!

Прежде всего примите мой фронтовой красноармейский привет! Поздравляю Вас с Новым годом и желаю доброго здоровья и творческих удач еще на многие годы!..

Давно, более 15 лет тому назад, еще будучи учеником, я прочитал первую из Ваших книг — „Спектакль в селе Огрызове“. С того времени запомнил и бережно храню в памяти Ваше имя писательское...

Доволен и рад я был, когда в центральной печати, газетах и журналах, стал встречать одно за другим Ваши замечательные произведения... Здесь,

на фронте, я с удовольствием прочитал Ваши очерки и рассказы на материале из Отечественной войны: „Советские Сусанины“, „Клятва на горе“, „Гость из Сибири“ и другие... И мне хочется выразить дорогому автору свои чувства восхищения, признательности и благодарности. Нам приятно и отрадно сознавать, что вместе с нами силами художественных средств, острым пером и каленым словом громят и бьют ненавистного врага товарищи писатели. И в шеренге их Вы старейший и почетнейший воин!»^[29].

Писатель-патриот, писатель-боец в самые трудные для Родины дни из блокадного Ленинграда писал полковнику В. И. Цветкову: «И вот на мою Родину жестокий враг безрассудно бросил свои железные, лишенные живой души, полчища. Сердце мое дрогнуло, — враг напал на мое миролюбивое Отечество вероломно; сердце мое обливается кровью — врагу удалось захватить часть моей Родины и протянуть руку к великому сердцу моей великой страны, к Москве. Но я, как и всякий советский человек, полон неистребимой надежды и непоколебимой веры в то, что силами доблестной Красной Армии, Военно-Морского Флота, живой мощью всей страны враг будет сломлен, опрокинут и низведен до ничтожества».

Неустанным трудом была наполнена жизнь Вячеслава Шишкова. «Тот срок, который отпустит мне мать-природа, — говорил он на юбилейном вечере, — мне хотелось бы использовать не для отдыха на склоне лет, а для упорной работы. Мне хотелось бы оборваться с последней ступени с пером в руке. Ведь впереди для писателя дела непочатый край. Сейчас идет война, сейчас Авель бьет Каина, бог даст, война скоро кончится с благополучным исходом для нас. Тогда каких сил потребует от нас наша Родина, каких гигантских размахов, чтобы изобразить для истории величие и ужас войны и все то, что будет связано с восстановлением нанесенных войной разрушений».

В дни войны он ощутил большое, теплое и заслуженное внимание к себе народа. Писатель убедился, что читатель ценит и любит его произведения, что все, что он делает, находит отклик в душах и в сознании людей.

«Бодр! Работаю много, — писал он врачу А. Пилипенко, — к работе тянет, без работы не могу жить».

Еще более оптимистично письмо писателя, направленное после юбилейных дней Л. Когану: «А теперь снова в окопы, за стол! Пишу и кашляю, кашляю и пишу. Впрочем, не пишу, а подготавливаю к печати уже написанные главы. Конца „Пугачеву“ не видать». «Усиленно работаю над

второй книгой „Пугачева“, — пишет он к брату Дмитрию Шишкову в январе 1944 года. — Но силы мои не ахти какие, стар стал. И ленинградская блокада дала себя знать как следует, отняла десять лет жизни».

По словам В. Бахметьева, который в эти дни редактировал «Емельяна Пугачева», Шишков «крепко держится за перо». Его вдохновляют новые победы наших воинов в великой битве с гитлеровскими полчищами.

«Сейчас одиннадцать вечера, — пишет он В. Бахметьеву 23 августа 1944 года, — московская пальба победного салюта сотрясает стекла. Только теперь начинает охватывать настоящая радость: воочию вижу конец международной человеческой бойне и гибель гитлеризма».

Сохраняя бодрость духа, продолжая свою большую и ответственную работу над «Емельяном Пугачевым», которая с каждым днем становилась сложнее, напряженнее, Вячеслав Шишков отлично понимал, что время, отведенное ему природой, с каждым днем сокращается. Все это он внешне переживал спокойно. За три месяца до своей смерти он писал: «Молю судьбу, чтоб дала мне окончить „Пугачева“, а там уж что будет, то и будет, не так уж обидно и страшно».

Вячеслава Шишкова, прошедшего сквозь столькие испытания, замерзавшего в Сибири, на Нижней Тунгуске, тонувшего в Бии, творившего под бомбами и снарядами в Ленинграде, разве могла устроить смерть?!

«Вячеслав Яковлевич не любил говорить о смерти, — пишет В. Бахметьев, — и только однажды, в августе 1944 года, прихворнув на даче в Переделкине, он признался нам с улыбкой горечи на устах:

— Сначала она науськивала на меня критиков, а теперь и сама стучится в дверь, безноса! — Но тут же, иным тоном, добавил: — А пусть стучится, плевать, двери-то надежные!...»

— Второго марта 1945 года Вячеслав Яковлевич занемог, — рассказывает Клавдия Михайловна. — Утром, прежде чем навсегда покинуть свой рабочий стол, свой кабинет, не так давно полученную новую квартиру, он позавтракал, привел в порядок лежащие на столе рукописи последних глав «Емельяна Пугачева», и мы вместе с ним сошли с четвертого этажа к автомашине и направились в кремлевскую больницу. Здесь после ванны он спокойно пришел в отведенную палату и лег на койку. Всего четыре дня продолжалась его жизнь в больнице. Он заметно слабел, непрерывно пользовался кислородом, не терял сознания и всегда друзей и близких, приходивших его проведать, встречал своей неизменной улыбкой...

6 марта 1945 года перестало биться большое сердце Вячеслава Яковлевича Шишкова. Ушел из жизни один из талантливейших сыновей русского народа. Он беззаветно любил свою Родину, служил ей верой и правдой до последних своих дней.

«Вспоминается Шишков на его юбилее, — пишет М. М. Пришвин, — когда он говорил о себе, предвидя свою близкую кончину: „Я жил, не думая об этом, но вот это произошло, и я теперь нахожусь у границы своего перехода туда, где нет границ“.

Никогда мне... не было так ясно, что смерть себе не страшна... Но страшна она себе должна быть в отношении близких: близким она страшна, и умирающему надо впредь подумать о близких, принять это как долг в отношении их.

И если ты это исполнил, то, может быть, умирая, в тяжелую минуту свою чувство оставления долгов облегчит уход твой... Я это прочитал в помолодевшем лице покойного Шишкова, в его улыбочке...»

«Все, кто близко знал Вячеслава Яковлевича Шишкова, — рассказывает Соколов-Микитов, — его знакомые и друзья — неизменно сохраняют о нем самую светлую память. Память о верном, хорошем товарище, дорогом друге, талантливом писателе, отзывчивом, сердечном человеке. В Вячеславе Яковлевиче, человеке и художнике, превосходным образом сочетались человеческие качества души со свойствами и качествами его литературного таланта. И в личной жизни, и в своих писаниях он был одинаков. В этом он напоминает нам А. П. Чехова — человека и писателя одинаково привлекательного».

Многое пережито Вячеславом Шишковым, тысячи людей прошли через его душу и сердце. Вячеслав Яковлевич Шишков, помимо многочисленных повестей и рассказов, оставил потомкам два выдающихся произведения: роман «Угрюм-река», историческое повествование «Емельян Пугачев», обогатившие нашу отечественную литературу и вошедшие в золотой фонд советской классики.

Десятки лет прошли с момента появления этих двух произведений. Они разошлись по нашей стране миллионными тиражами, были переведены на многие языки, но интерес к ним не ослабевает. Совсем недавно советский зритель увидел кинокартину «Угрюм-река».

Особый интерес к творчеству Вячеслава Шишкова проявляют литераторы Сибири. Известный писатель Анатолий Степанович Иванов,

самобытное и яркое дарование которого развивалось под благотворным влиянием Вячеслава Шишкова, рассказывает, с каким увлечением в школьные годы он зачитывался произведениями Шишкова.

Зачитывался произведениями Вячеслава Шишкова, ходил его таежными путями и талантливый писатель Георгий Мокеевич Марков. О Шишкове-человеке, о Шишкове-художнике он написал правдивые и проникновенные слова, которыми мы и заканчиваем книгу.

«Я никогда не видел Вячеслава Шишкова, голос его, голос подлинного народного художника я слышал всегда: в детстве и юности, в годы социалистического преобразования Родины, в годы смертельной битвы с немецким фашизмом. Этот голос всегда проникал до самого сердца, согревал душу, поднимал энергию, звал вперед и вперед. Он и сейчас звучит неустанно, звучит как живой.

Снова и снова я перелистываю тома сочинений Вячеслава Шишкова. Неоценимое, изумительное сокровище! Земной поклон тебе и великое спасибо тебе, мой родной русский народ, за то, что ты дал людям, человечеству, будущему такого замечательного чародея художественного слова, как Вячеслав Шишков!»

Даты жизни и творчества Вячеслава Яковлевича Шишкова

1873, 21 сентября^[30] — В городе Бежецке Тверской губернии (Калининская область) родился В. Я. Шишков.

1888–1893 — Учится в Вышневолоцком училище кондукторов путей сообщения. Проходит строительную практику в Новгородской и Вологодской губерниях.

1894 — Переезжает в Сибирь.

1900–1907 — Сдаёт экзамены на право самостоятельного производства инженерных работ. Совершает поездку в качестве руководителя экспедиции для исследования Обь — Енисейского канала. Затем производит исследование водных путей на реках Чарыш, Чулым и Иртыш.

1908–1915 — В ноябре 1908 года в газете «Сибирская жизнь» Вячеслав Шишков публикует первое свое произведение «Кедр». Участвует в издании журнала «Молодая Сибирь». Печатает в нем рассказ «Бабушка потерялась». Возглавляет экспедиции на Алтай, на Нижнюю Тунгуску. Летом 1912 года в петербургском журнале «Заветы» печатает рассказ «Помолились». Знакомится с писателями А. М. Ремизовым, М. М. Пришвиным, Р. В. Ивановым-Разумником, В. С. Миролубовым и др. В 1911 году посылает письмо и первые свои рассказы А. М. Горькому, а в 1914 году встречается с ним. В течение двух сезонов (1913–1914 гг.) возглавляет экспедицию по исследованию Чуйского тракта.

1915–1916 — В середине августа 1915 года переезжает в Петроград. Пишет и печатает в петроградских журналах рассказы, главным образом посвященные Сибири. В 1916 году в журнале «Летопись» выходит первая крупная повесть «Тайга», а также в издательстве «Огни» — первая книга «Сибирский сказ».

1918–1924 — В эти годы, совершив несколько продолжительных поездок по городам России, написал: «Ватага», «Пейпус-озеро», очерки: «К угольнику», «С котомкой», «Приволжский край» и другие.

1925–1927 — Подготовлено и выпущено в свет издательством «Земля и фабрика» собрание сочинений. В 1927 году переезжает на постоянное жительство в Детское Село (город Пушкин). Женится на К. М. Шведовой.

1928–1933 — В эти годы дважды избирается председателем правления

Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей Пишет и издает крупную повесть «Странники». Совершает вместе с А. Н. Толстым длительную поездку. Выходит в свет «Угрюм-река».

1934–1940 — Поездка в Москву и участие в работе Первого съезда советских писателей. Начало работы над исторической эпопеей «Емельян Пугачев». В 1939 году был награжден орденом «Знак Почета». Начинает работу над второй книгой «Емельян Пугачев».

1941 — Работает в осажденном Ленинграде над патриотическими очерками и рассказами, статьями для ленинградских фронтовых газет. Выступает с чтением своих произведений среди защитников Ленинграда. В условиях блокады ленинградские полиграфисты и издатели выпускают первый том «Емельяна Пугачева».

1944 — Продолжает работу над 3-й книгой «Емельян Пугачев». Выходит в свет повесть «Прохиндей».

1945 — В ночь с 5 на 6 марта Вячеслав Яковлевич Шишков скончался.

Краткая библиография

- Полное собрание сочинений, т. 1–12. М., «ЗИФ», 1926–1929.
Полное собрание сочинений, т. 1–12. М., «Недра», 1931.
Собрание сочинений, т. 1–6. М., Гослитиздат, 1946–1948.
Избранные сочинения, т. 1–4. М., «Молодая гвардия», 1958.
Собрание сочинений, т. 1–8. М., Гослитиздат, 1960–1962.
Бахметьев В. М., Вячеслав Шишков. М., «Советский писатель», 1947.
Богданова А. А., Вячеслав Шишков (Литературно-критический очерк). Новосибирское книжное изд-во, 1958.
Базилевич К., Емельян Пугачев. «Большевик», 1944, № 6, стр. 58–69.
Еселев Н. Х., Художник-землепроходец. «Молодая гвардия», 1969, № 7, стр. 302–319.
Жовтис П., Мастерство художника-реалиста. «Советский Казахстан», 1955, № 3, стр. 82–130.
Изотов И. Т., Вячеслав Шишков. М., «Советский писатель», 1956.
Кондаков Г. В., Алтайский фольклор и творчество В. Шишкова. Барнаул, Алтайское книжное изд-во, 1969.
Лукин Ю., Добрый русский талант. «Правда», 1963, 3 октября.
Лясоцкий И. Е., В. Я. Шишков в Томске. Томск, 1963.
Малютина А., В. Я. Шишков и Приенисейский край. «Енисей», 1966, № 6, стр. 138–145.
Павлов Н., В. Шишков в Калининской области. «Родной край», 1948, № 2, стр. 177–188.
Ровенский Н., Роман о роли народа в истории «Советский Казахстан», 1953, № 10, стр. 110–114.
Чалмаев В. А., В. Я. Шишков. М., «Советская Россия», 1969.

notes

Примечания

1

Архив К. М. Шишковой.

Архив К. М. Шишковой.

Архив К. М. Шишковой.

Ив. Лясоцкий, В. Я. Шишков в Томске. Томск, 1953, стр. 12–14.

5

Протяжная, заунывная песня.

Цит. по кн.: Ив. Лясоцкий, В. Я. Шишков в Томске. Томск, 1953, стр. 18.

Архив К. М. Шишковой.

К сожалению, все сибирские записи погибли при захвате фашистами города Пушкина.

«История Сибири», т. 3. Л, 1968, стр. 214.

«История Сибири», т. 3. Л. 1968, стр. 217.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 82–83.

Архив К. М. Шишковой.

Архив К. М. Шишковой.

Курмесы — души умерших, имеющие право существовать на земле, например души шаманов. (*Прим. Шишкова.*)

М. Горький, Собр. соч., т. 29. М., 1955, стр. 296.

Там же, стр. 246.

М. Горький, Собр. соч., т. 29, стр. 356–357.

Рассказы «Бобровая шапка» и «Золотая беда» были напечатаны в альманахе «Шиповник» за 1917 год.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 365–366.

М. Горький, Собр. соч., т. 29, стр. 451–452.

Архив К. М. Шишковой.

«Вячеслав Яковлевич, — сообщила мне в марте 1969 года К. М. Шишкова, — не предполагал, что его новый роман „Угрюм-река“ будет принят кем-либо к изданию. Он считал, что обстановка для этого была неподходящая». Во времена РАППа В. Я. Шишков подвергался нападкам со стороны рапповской критики. Его, как и некоторых других крупных писателей, относили к так называемым «попутчикам». Об этом же Вячеслав Яковлевич пишет 26 июля 1931 года в письме к Константину Федину: «Я все собирался навестить тебя лично, да несчастное безденежье положило сему желанию порог... Две последние части „Угрюм-реки“ наконец завершил (вчерне). Дьявольски большая вещь, всего лишь вдвое меньше „Клима Самгина“. Много вложено в нее души, бумаги и чернил. А печатать, разумеется, ее не будут...» Поэтому заключение с Вячеславом Яковлевичем договора на издание «Угрюм-реки» обрадовало и окрылило его. Это была большая моральная и материальная поддержка. Он с новой энергией принялся за работу.

В. Бахметьев считает началом работы Шишкова над «Угрюм-рекой» 1918 год. Сам Шишков в письме к М. Горькому от 26 апреля 1928 года считает началом работы 1920 год.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч, т. 23, стр. 244.

Раиса Яковлевна Шведова — мать Клавдии Михайловны.

Архив К. М. Шишковой.

Архив К. М. Шишковой.

Архив К. М. Шишковой.

Архив К. М. Шишковой.

По старому стилю.